

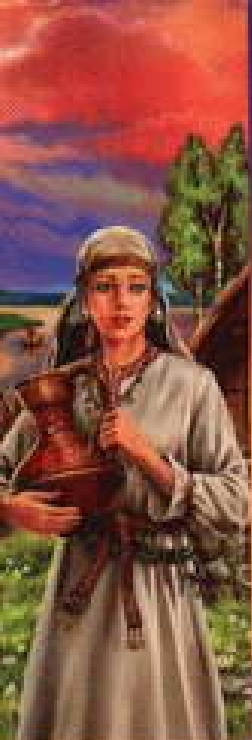
Сергей АЛЕКСЕЕВ

Заря сияванства

V — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА VI в.

Заря сияванства

Annotation

Книга посвящена самому раннему периоду (V—VI века) в истории славянских племен Европы. Автор знакомит читателей с основными сведениями по общественному строю, культуре и верованиям древних славян. Особое внимание автор уделяет отношениям славян и гуннов, вторжению славян в пределы Восточной Римской империи. Отдельная глава рассказывает о северо-западных землях будущей Руси и славянских племенах, населявших их.

- [Сергей Алексеев](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [ИСТОЧНИКИ](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [Рим и варвары](#)
 - [Природные условия и методы хозяйствования](#)
 - [Проблемы славянского этногенеза](#)
 - [Общественный строй](#)
 - [Глава первая.](#)
 - [Славяне и гуннская держава](#)
 - [Первоначальное расселение словен](#)
 - [Первоначальное расселение антов](#)
 - [Движение к Дунаю](#)
 - [Хозяйство и быт](#)
 - [Семья и община](#)
 - [Религия](#)
 - [Традиционная духовная культура](#)
 - [Социальное расслоение](#)
 - [Пути сложения государственности](#)
 - [Глава вторая.](#)
 - [Переход Дуная](#)
 - [Анты и дулебы](#)
 - [Славяне против Юстиниана](#)
 - [Первое нашествие](#)
 - [Глава третья.](#)

- [Кривичи](#)
- [Венедская проблема](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)

- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)

- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)

- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)

- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)

- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)

- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)

- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)

- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)

- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)

- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)

- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)

- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)

- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)

- [516](#)
 - [517](#)
 - [518](#)
 - [519](#)
 - [520](#)
 - [521](#)
 - [522](#)
 - [523](#)
 - [524](#)
 - [525](#)
 - [526](#)
 - [527](#)
 - [528](#)
 - [529](#)
 - [530](#)
 - [531](#)
 - [532](#)
 - [533](#)
-

Сергей Алексеев

ЗАРЯ СЛАВЯНСТВА

V — первая половина VI века

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблемы ранней истории славянских народов издавна привлекали внимание исследователей. Большое количество работ как славянских, так и иностранных авторов посвящено разным аспектам этой тематики — общеисторическим, источниковедческим, культурным и другим. В рамках развития национальных славянских историографий в XVIII–XX вв. история древних славян до IX–X вв. неизбежно становилась вводной частью к обобщающим национальным историям. По мере развития, прежде всего, археологической науки стали возможны и обобщающие труды по истории отдельных славянских общностей, соответствующих нынешним государственным границам.

Особое место занимают, без сомнения, фундаментальные труды прошлого — начала нынешнего века. Они принадлежат П. Шафарику (*Slovanske starožitnosti*. Praha, 1837. Рус. пер.: Славянские древности. В 3-х тт. М., 1837–1848) и Л. Нидерле (*Slovanske starožitnosti*. Praha, 1902–1906. Рус. пер.: Славянские древности. М., 1956). Эти работы — единственный опыт максимально возможного охвата всех доступных в то время источников. Можно назвать целый ряд обобщающих исследований и за XX столетие. Среди них (оставляя за скобками работы об отдельных племенных объединениях, общностях и государствах) — труды Й. Гассовского, М. Гимбутас, Ф. Дворника, Т. Лер-Сплавинского, Г.Г. Литаврина, Х. Ловмянского, В.В. Седова.

Ряд авторов рассматривали историю отдельных групп славянских народов (в том числе восточных славян — Г.В. Вернадского, П.Н. Третьякова и др.). Ранние этапы балканской миграции славян изучались В. Златарским в его «Истории Болгарского государства в Средние века» (т. 1. София, 1918). Работу по обобщению данных о ранней истории своей страны вели и другие болгарские ученые (Д. Ангелов, П. Петров). В целом же, естественно, невозможно в кратком очерке перечислить все работы, так или иначе касавшиеся древнеславянской истории.

Можно обратить особое внимание на труды, посвященные истории Аварского каганата. Это, например, «Авары в Европе» А.

Авенариуса (Амстердам — Братислава, 1974), «Авары» В. Шиманского и Е. Дабровской (Краков, 1979), «Авары» В. Поля (Мюнхен, 1982), «Аварика» С. Садецки-Кардоша (Сегед, 1986). Славяно-византийские и славяно-аварские отношения изучались в многочисленных научных трудах Г.Г. Литаврина (частично сведены в кн.: Византия и славяне. СПб., 1999).

Значительная часть сюжетов в работах всех названных авторов была посвящена именно раннему Средневековью. Однако обычно история всего славянства именно в V–VIII вв. не становится предметом специального исследования. Она, как правило, рассматривается как некая промежуточная ступень между эпохой славянского этногенеза и временем сложения отдельных славянских государств.

Серьезным обобщающим исследованием по данным проблемам являются, в сущности, комментарии к фундаментальному «Своду древнейших письменных известий о славянах» (М., 1991–1995). Источники в нем комментировались виднейшими отечественными специалистами С.А. Ивановым, Г.Г. Литавриным и др. Для археологических источников аналогичную роль сыграли монографии В.В. Седова «Славяне в раннем Средневековье» (М., 1995) и «Славяне» (М., 2002). Они подвели — неизбежно промежуточные — итоги многолетнего и продолжающегося изучения славянских древностей.

Итак, литература по ранней истории славян весьма обширна. В той или иной степени было затронуто большинство вопросов, являющихся предметом нашего исследования. По этой причине автор предпочел во избежание повторов идти непосредственно от источников; необходимые ссылки на историографию даются в примечаниях. Автор постарался избежать в своей работе политических и идеологических веяний, иногда оказывающих воздействие на исследователей ранней славянской истории.

Данная книга представляет собой первую часть исследования, рисующего общую картину истории всех славянских племен на протяжении V–VIII вв. Целиком труд публиковался в издательстве «Вече» в 2007–2008 гг. («Славянская Европа V–VI вв.»; «Славянская Европа VII–VIII вв.») и под одной обложкой в 2009 г. («Славянская

Европа V–Vin вв.»). Для настоящего отдельного издания, третьего по счёту, работа исправлена и дополнена.

ИСТОЧНИКИ

Работу исследователей славянских древностей усложняет относительный недостаток источников и трудности в их истолковании. Тем не менее по сравнению с древнейшими этапами славянского этногенеза источниковая база истории славян V–VIII вв. уже достаточно широка.

Наиболее достоверным (если говорить о письменных источниках) материалом для воссоздания раннесредневековой истории славян являются современные описываемым событиям иностранные источники. Для древнейшего периода количество письменных известий, относимых к праславянам, можно пересчитать по пальцам. Но с VI в., в связи с возросшей военно-политической активностью славян, наступает — по сравнению с предшествующими веками — настоящий «источниковый бум».

Для V — первой половины VI в. наиболее велик объем византийского грекоязычного корпуса источников. Уже в V столетии мы находим исключительно важные для решения проблемы славянского этногенеза данные у восточноримского историка Приска. В первых десятилетиях VI в. славяне — один из главных внешних противников империи, и ромейские авторы уделяют им немалое внимание. Наиболее подробные сведения о славянах этого времени имеются у Прокопия Кесарийского. Выполненный в традициях античной историографии объемный труд этого автора об истории империи времен правления Юстиниана — «Войны» — охватывает период с 527 по 553 г. Для славянской истории ценность представляют последние книги труда Прокопия — с пятой по восьмую, представляющие историю многолетней Готской войны за обладание Италией. Здесь содержатся как данные о конкретных фактах славяно-ромейских отношений, так и обширное отступление об обычаях славян и внутреннем устройстве их общества. Некоторые дополнительные сведения сообщаются Прокопием в трактате «О постройках» — панегирике, посвященном строительной деятельности Юстиниана и написанном спустя несколько лет после «Войн». Как грозные противники империи фигурируют славяне в «Тайной

истории» (или «Неизданном»). Этот острый и во многом несправедливый памфлет сочинен Прокопием в период работы над «Войнами», но направлен против императора и его мероприятий.

Количество греко-византийских источников, дополняющих сведения Прокопия, сравнительно невелико. По сути, если говорить о фактической стороне славянской истории первой половины VI в., Прокопий — чаще всего единственный источник. Сведения Прокопия об антах и славянах на имперской службе дополняет его продолжатель Агафий Миринейский, чей труд «О царствовании Юстиниана» («История») охватывал период с 553 по 559 г. Достаточно ценные сведения о нравах славян того времени приводит в своем труде автор богословско-научного сочинения середины VI в. «Ответы на вопросы». Он известен в науке как Псевдо-Кесарий (труд сохранился под именем богослова IV столетия Кесария Назианзского). Данные, имеющие отношение к славянской истории первой половины VI в., но без имени славян, находим в сборнике житий Иоанна Мосха «Луг духовный» (рубеж VI–VII вв.). Сведения о борьбе с «варварами» на дунайской границе имеются в указах (новеллах) императора Юстиниана. Среди титулов Юстиниана имелся титул «Антский», отражавший его успехи в противостоянии славяноязычным племенам антов. Наконец, упоминание о важном персонаже «славянского» экскурса Прокопия, Хильбуде, обнаружено среди константинопольских надгробных надписей.

Латинские источники о славянах сперва менее многочисленны, чем греческие. В первой половине VI в. это, прежде всего, сочинения, созданные на территории империи. Важнейшее из них — труд остготского историка Иордана «О происхождении и деяниях гетов» («Гетика»). Он в значительной степени касается предшествующей эпохи славянской истории, но содержит и ценные сведения о расселении славян в начале VI в. Данные эти, как и большую часть своих сведений, Иордан почерпнул из сочинения римлянина Кассиодора, служившего готским королям и написавшего их историю. Сокращением труда Кассиодора и является «Гетика» Иордана, написанная уже в обстановке краха Готского королевства в Италии под ударами ромеев. Славян и антов Иордан упоминает в другом своем сочинении — «О сумме времен, или О происхождении и деяниях римского народа» («Романа»). Латинский хронист Комит Марцеллин,

описывавший события в империи конца V — первой половины VI в., не упоминает имени славян. Но он говорит под 517 г. о неких «гетах», в которых (с учетом сведений позднейшего греко-византийского историка Феофилакта Симокатты) считают возможным видеть славян или антов.

Из позднейших латинских источников исключительное значение для изучения расселения славян и происхождения славянских племен имеет сочинение IX в., известное как «Баварский географ». Содержащийся в нем подробный перечень славян Центральной и Восточной Европы включает большое количество уникальных данных, в том числе предание о происхождении западнославянских племен.

С византийскими событиями и византийской традицией связаны сведения о древних славянах в некоторых восточных источниках. Из империи, несомненно, получена информация «Армянской географии» VIII в. о славянах во Фракии. В этом известии содержатся ценные сведения о происхождении славян, позволяющие уточнить данные средневековых славянских преданий. Антские набеги упоминаются в одной средневековой еврейской заметке.

С появлением Арабского халифата информацию о славянах получают арабы. Известнейший арабский историк и географ, «арабский Геродот» X в. ал-Масуди передает восточнославянское предание о происхождении славянских племен, не имеющее прямых аналогов в русских летописях. Особую группу мусульманских источников составляют уникальные сообщения местных персидских хроник XIII–XV вв. Это «История Табаристана» Ибн Исфендияра и «История Табаристана, Руйана и Мазандерана» Захир-ад-дина Мараша. Их известия о контактах Сасанидского Ирана со славянами в V–VI вв. могут восходить через ранние, несохранившиеся переложения мусульманских авторов еще к сасанидским местным хроникам.

Вторая часть книги охватывает период с середины VI по начало VII столетия. Это время стало в известном смысле рубежным в истории расселения славянских народов по Центральной и Юго-восточной Европе, а также в их длительном противостоянии с Восточной Римской империей. К концу его уже складывалась славянская этническая территория в ее средневековом виде. Расселение славян на северо-запад и переход ими Дуная по всему

нижнему течению стали основой для разделения их позднее на три ветви — южных, западных и восточных.

С начала 560-х гг. исторические судьбы славян оказались теснейшим образом связаны с пришедшим из глубин Азии кочевым народом авар. Авары явились фактором, подтолкнувшим дальнейшие движения славянских племен. Пути славян и авар с момента появления последних в Европе переплелись не менее чем на полвека. Авары стали, по удачному определению Л. Нидерле, «новым сильным противником и в то же время новым союзником славян». Борьба славян за свою независимость против Аварского каганата, с одной стороны, и часто совместные с аварами войны против империи — с другой, составляют главное содержание истории Восточной Европы того времени. Все это дало основания назвать вторую часть работы «Аварика».

Объем письменных источников для второй половины VI — начала VII в. многократно увеличивается по отношению к предыдущему периоду. Возросшая активность славян, начало их переселения на Балканы приводят к частому их упоминанию в письменных источниках Восточной империи. В результате мы располагаем достаточно полной картиной, во всяком случае, «внешней» истории славянских племен между 552 и 602 гг.

Из греческих историков, описывающих ситуацию 550-х гг., следует назвать Прокопия Кесарийского («Война с готами», «О постройках») и Агафия Миринейского («О царствовании Юстиниана»). Нашествие болгарского хана Забергана в 559 г., в котором приняли участие и славяне, отражено в целой группе синхронных памятников. Подробнее всего рассказывает о нашествии Агафий Миринейский, но при этом не упоминает о славянах. О них, однако, сообщает в своей «Хронике» другой грекоязычный историк, современник событий — сириец Иоанн Малала, а также писавший на родном языке его соотечественник — Иоанн Эфесский.

Продолжатель Агафия, греческий историк Менандр Протектор описал в своей «Истории» события с 559 по 582 г. Этот труд, к несчастью, дошел до нас лишь во фрагментах, однако сохранил ценнейшие, чаще всего уникальные сведения о первых аваро-славянских столкновениях и «славянской» политике Константинополя.

Менандра продолжал, в свою очередь, Феофилакт Симокатта, писавший уже около 628–630 гг. Его «История» охватывает события с 582 по 602 г. и повествует, в частности, о нескольких ромейско-славянских войнах этого двадцатилетия. Создавший уже в начале IX в. свою обобщающую «Хронографию» Феофан Исповедник использовал для описания событий второй половины VI в. Феофилакта и некоторых других известных авторов. Но, например, при описании нашествия 559 г. он наряду с Агафием и Малалой привлек и некоторые другие, неизвестные ныне источники. Не исключено, что Феофан использовал полную версию труда Менандра или иного автора, продолжавшего Агафия.

На фоне частых и подробных упоминаний славян в общеисторических трудах империи может показаться странным отсутствие сведений о них в единственном церковно-историческом сочинении эпохи — «Церковной истории» Евагрия Схоластика. Однако Евагрий и об аварских нашествиях упоминает лишь в нескольких местах и вскользь.

Зато весьма ценные сведения о действиях славян в южной части Балкан сообщаются обширным агиографическим памятником VII–VIII вв. — собранием «Чудес святого Димитрия Солунского». Ценность этих данных определяется тем, что большинство историков рассматривали лишь события во Фракии, в непосредственной близости от Константинополя. Известия фессалоникийских по происхождению «Чудес Дмитрия Солунского» поэтому уникальны. Автор «Первого Собрания» «Чудес» — Иоанн, архиепископ Фессалоники, являлся непосредственным современником и участником событий конца VI столетия. Писал свой труд он в начале VII в., около 610–615 гг.

Как опасные враги империи, славяне становятся предметом изучения для ромейских военных теоретиков — автора «Анонимного военного трактата» («О военном искусстве») последней четверти VI в. и в написанном в то же время «Стратегиконе». Особенно ценен для нас «Стратегикон», авторство которого традиционно (и от этого не менее убедительно) связывается с именем императора Маврикия.

«Стратегикон» сообщает многочисленные сведения о внутреннем устройстве славянского общества, обычаях, хозяйстве, материальной культуре. Для истории славян второй половины VI в. он имеет то же значение, что «этнографический» экскурс из «Войны с готами»

Прокопия — для истории славян первой половины века. При этом автор «Стратегикона» гораздо подробнее и конкретнее в своем изложении, чем Прокопий.

Известия близких по времени авторов в целом, как уже говорилось, ограничиваются северо-восточной частью Балкан. Для изучения обстановки на крайнем юге, в Древней Элладе, в частности на Пелопоннесе, и на северо-западе, в Далмации, следует обращаться к источникам более поздним. Это трактат «Об управлении империей» Константина Багрянородного, схолия Арефы на «Летописец вкратце», анонимная «Монемвасийская хроника». Несомненно, что авторы X в. использовали не дошедшие до нас более древние источники. Для сравнения с ними можно привлекать еще более позднюю информацию — из послания патриарха Николая III (XI в.), «Петиции Исидора» (XV в.), малых хроник XVI–XVII вв.

Следует также назвать сохранившийся славянским переводом памятник VIII в., первоначально грекоязычный, — так называемый «Именник болгарских ханов (князей)». Среди первых имен в этом ханском списке выделяются славянские. Это может свидетельствовать о тесных связях болгар со славянами еще в период до создания Болгарского ханства на Бажанах.

Из сирийских авторов VI в. о славянах писал упоминавшийся выше Иоанн Эфесский, автор монофизитской «Церковной истории». В этом труде имеются сведения о болгаро-славянском нашествии 559 г., войнах империи с аварами и славянами в начале 580-х гг. Часть «славянских» известий Иоанна Эфесского сохранилась в передаче позднейших сирийских хронистов — Михаила Сирийца (XII в.) и Бар-Эбрея (XIII в.). В арабском сочинении IX в. «Китаб алмахасил ва'л-аддад» имеется уникальное известие о судьбе славянских пленников императора Маврикия.

Латинские источники по истории славян в рассматриваемый период менее многочисленны, чем греческие, но их опять же больше, чем в предшествующий период. Мартин Бракарский в эпитафии святому Мартину Турскому (558) сообщает уникальные сведения о начале христианизации славян в этот период. Африканец Виктор Тонненский в своей «Хронике» описывает болгарское нашествие 559 г. (правда, без упоминания славян). Его продолжатель испанец Иоанн Бикларский дважды упоминает в своей «Хронике» славянские набеги

на империю. Фрагментарность труда Менандра Протектора увеличивает значение известий негреческих хронистов — Иоанна Бикларского и Иоанна Эфесского.

Столь же интересны сведения, содержащиеся в письмах папы Григория I Великого о начале проникновения славян в Далмацию и Италию. Это единственное свидетельство современника об этих событиях.

Лангобардский историк Павел Диакон (конец VIII в.) в «Истории лангобардов» рассказывает о первых столкновениях славян с баварами. Память о них сохранялась и позднее в местных немецких преданиях Средневековья.

«Баварский географ» IX в. ценен прежде всего как первое перечисление славянских племен. Вторая половина VI в. — период интенсивного расселения именно в западной части славянского мира и складывания существовавших и в IX в. племен и племенных объединений. Далматинский хронист XIII в. Фома Сплитский сообщает о первом появлении славян в Далмации. Его известия, основанные на городском предании, могут быть сопоставлены с более древней информацией Константина Багрянородного и далее — с письмами папы Григория.

Таким образом, фонд источников по истории славян для рассматриваемого периода действительно расширяется по сравнению с предыдущим. Однако он еще не столь неохватен, чтобы затруднить полное обобщение сведений в рамках настоящей работы.

Особое место среди иностранных источников занимают скандинавские. Это обусловлено тем, что Скандинавия в раннем Средневековье не имела письменной историографии (несмотря на наличие рунического письма). Данные скандинавских источников о ранних контактах со славянами, следовательно, восходят исключительно к устной традиции. Часть этих сведений (в памятниках героического эпоса) заимствована из континентального германского предания эпохи Великого переселения народов и не имеет непосредственного отношения к теме настоящей работы. «Деяния данов» Саксона Грамматика передают (в искаженной форме) русское сказание о «короле» Бое. Оно находит параллель в записях устных преданий с территории Белоруссии XIX в. и восходящее к племенной мифологии славян-кривичей. Появление этого сказания в датской

хронике объясняется родовыми связями между датской династией Кнютлингов и правившими в Полоцке Всеславичами. Следует особо упомянуть норвежскую «Сагу о Тидреке» (XIII в.) — переложение немецкого эпоса, содержащее некоторые славянские по происхождению сюжеты.

Основной корпус преданий о происхождении восточных славян и предыстории Руси содержался в русских летописях второй половины XI — начала XII в. — Начальной и Повести временных лет. Некоторые ценные сведения имеются в позднейших памятниках — например, в Устюжском летописном своде XVI в., использующем более древнюю Смоленскую летопись. Другие русские и украинские авторы XVI–XVII вв. фиксировали устные предания своего времени о древнейшей поре восточнославянской истории. Эти записи не всегда точны и исторически далеко не безусловно достоверны, но сообщаемая ими информация также может быть привлечена к исследованию. Местное русское летописание непосредственно переросло в XVIII–XIX вв. в раннее краеведение.

Непрерывность политической традиции в Чешском княжестве (королевстве) с VII в. обусловила неплохую сохранность здесь древнейших исторических преданий. Эти предания здесь более, чем где-либо, играли роль официальной истории. Потому они сразу же отразились у хронистов — Козьмы Пражского (первая четверть XII в.), Далимила (начало XIV в.), позже у Пржибика Пулкавы, Неплаха из Опатовиц (середина XIV в.). Из поздних исторических сочинений оригинальную информацию, почерпнутую из устного предания, содержали труды Кутена из Шпринсберка и Гаека из Либочан (XVI в.).

Польская историография сперва не выходит в глубь веков за пределы IX столетия, когда началось правление династии Пястов. Только с рубежа XII — XIII вв. на страницах польских хроник появляются предания о более древней поре, что было связано со стремлением максимально удревнить существование Польского государства. За написанной в этой время хроникой Винцентия Кадлубка в конце XIII в. последовали в Великой Польше — Богухвал, в Кракове — Дежва. Применение древнейших по описываемым временам разделов польских хроник как исторических источников затрудняется упомянутым стремлением к «удревнению» истории. Оно выражалось, в частности, в разделении легендарных польских

«королей» на нескольких одноименных персонажей — явление, известное, в частности, и в Скандинавии. Другая трудность связана с соперничеством Великой и Малой Польши. Оно вызывало переносы хронистами «королевских» резиденций древнейших времен из великопольских Гнезна и Крушвицы в малопольский Краков и обратно.

Хронист XV в. Ян Длугош в своем монументальном труде обобщил данные предшествующих польских историков, пополнив их информацией из устных преданий. Кроме того, он включил в свою хронику пересказ несохранившейся до нашего времени древнерусской летописи (Киевской конца 1230-х гг.) с некоторыми оригинальными сведениями о предыстории Руси. Из позднейших польских историков XVI в., использовавших для расширения информации о древности фольклорный материал, следует назвать М. Меховского, М. Кромера, М. Вельского, М. Стрыйковского. Впрочем, в «польской» части они в основном повторяют с некоторой авторской обработкой труд Длугоша.

Сведения поздних русских летописцев, польских и чешских хронистов, использовавших фольклорную традицию, напрямую смыкаются с устными историческими преданиями, записывавшимися в XVIII–XX вв. Нередко фольклористы Нового времени записывали те же сюжеты, что и авторы позднего Средневековья. Количество преданий, восходящих к славянской древности до IX в., сравнительно невелико. Но таковые все же имеются и могут использоваться исследователем в качестве вспомогательного материала.

Ценным источником по истории славянского общества являются нормы обычного права. При их исследовании важно вычленить нормы, являющиеся общеславянскими, а также местные нормы, восходящие к догосударственному, дофеодальному и дохристианскому времени. Конечно, наибольшую ценность представляют самые ранние писанные правовые своды, в основе которых лежит в том числе обычное право. Это «Закон судный людем», созданный в Болгарии или Великой Моравии в IX в., и древнейшая «Правда Русская». Немецкое «Швабское зеркало» (XIII в.) содержит некоторую информацию об обычном праве предков словенцев — хорутан, остававшемся еще на уровне начала IX столетия — времени вхождения Каринтии в Западную империю.

К этим памятникам близки и первые попытки свести воедино обычное право в чистом виде. К средневековым трудам такого рода относятся «Рожмберкская книга» в Чехии, «Эльблонгская книга» в Польше, «Винодольский закон» в Хорватии, написанные в XIII–XIV вв.

Некоторую ценность для сопоставления представляют и нормы обычного права, засвидетельствованные в XVIII–XIX вв. Это относится прежде всего к обычному праву черногорцев, которые сохранили родо-племенной уклад и традиционное право вкупе с политической самостоятельностью. Основным правовым сводом Черногории был «Закон общий черногорский и горский», созданный в конце XVIII в.

В особый корпус можно выделить сведения письменных источников позднейшего времени о славянской языческой религии. Пантеон и мифология сложились в основном еще в общеславянскую эпоху, хотя основной объем данных о них относится к более позднему времени, чем V–VIII вв.

Наибольшее количество данных мы имеем по восточнославянскому (древнерусскому) язычеству. Это, прежде всего, упоминания языческих богов в договорах с Византией X в. Сведения о дохристианском пантеоне, отдельных мифах и поверьях есть в летописях (Начальной и Повести временных лет), в житийных памятниках (жития святых равноапостольного князя Владимира и преподобного Авраамия Ростовского). Обширнейший материал представляет богатая древнерусская литература «Слов» и «Поучений» против язычества, наиболее значимые памятники которой относятся к XI–XIII вв. Ценнейшие сведения по восточнославянской древней религии, мифологии, идеологии дают метафорические обороты «Слова о полку Игореве», уникального памятника дружинного эпоса XII в. Как и в ряде других европейских поэтических традиций, такого рода обороты восходят в средневековой поэтике еще к дохристианской эпохе. Отдельные упоминания языческих богов вставляются в переводные памятники — хронику Иоанна Малалы, «Беседу трех святителей», «Хождение Богородицы по мукам». Сведения о древних языческих культах, почерпнутые из устных преданий, имеются также в ряде памятников летописания XVII–XVIII вв. Это «Сказание о зачале Новаграда», «Историческое описание» Т. Рвовского, «Сказание

об основании Ярославля». Они смыкаются с фольклорными воспоминаниями о капищах древних богов, зафиксированными в Новое время именно у восточных славян.

Довольно многочисленны источники по западнославянскому язычеству. Но наибольший объем сведений касается пантеонов балтийских славян и сохранен германскими хронистами XI–XIII вв. Адамом Бременским, Герборгом, Эббоном и др. Некоторые дополнительные сведения содержатся в датских источниках (Саксон Грамматик, «Сага о Кнютлингах»). Местные немецкие историки XVI–XVIII вв. иногда пытаются пополнить информацию предшественников. Но их «открытия» чаще всего оказываются на поверку домыслами или прямыми фальсификациями на модную тогда тему.

Данные о польском пантеоне появляются позже, чем о балтийско-славянском, и они неизбежно скуднее. Список польских богов содержится у Длугоша, его несколько дополняет Меховский. Этим письменные сведения о древних богах Польши и их культе исчерпываются.

Чешский дохристианский пантеон раскрывает большее количество источников, но их информация еще беднее. Основной список чешских богов содержит сочинение «*Mater verborum*». Он может быть дополнен за счет сведений авторов XIV–XVI вв. (Неплах из Опатовиц, Ткадлечек, Гаек из Либочан), а также перевода библейской книги Иисуса Сираха со вставленным именем бога Велеса. Все сведения о польском и чешском пантеонах почерпнуты авторами позднего Средневековья из устной традиции, практически умершей уже к XIX столетию.

Единственное южнославянское упоминание языческого бога — вставка имени Поруна (Перуна) в болгарский перевод хроники Малалы. Некоторые сведения о языческих верованиях содержатся в болгарских христианских памятниках XI–XIII вв. — Индексе запрещенных книг, Синодике царя Борила и др. Ранняя христианизация и культурное влияние Византии обусловили отсутствие интереса к языческим культам в средневековой южнославянской литературе.

В ряде древнерусских апокрифических сочинений на библейские темы, созданных в явно еретических или псевдоортодоксальных

кругах, имеются оригинальные мотивы, сопоставимые с данными о дохристианских мифах. Это «Сказание о царе Волоте Волотовиче», «Рукописание Адама», «Об озере Тивериадском». Такое слияние христианских и дохристианских мотивов характерно в разной степени для народных легенд всех славян, а также отдельных русских народных духовных стихов.

Ряд архаичных жанров славянского фольклора сохраняют ценную информацию о древней культуре, религии, общественной жизни. К ним относятся обрядовая поэзия, заговоры-заклинания, пословицы, поговорки, загадки, «мифологические рассказы», «мифологические» предания (о великанах и др.), волшебные сказки. Некоторые древние мотивы сохраняет и славянская животная сказка.

К самым древним эпическим жанрам относятся так называемые «мифологические песни» южных славян, где действуют обожествленные силы природы и персонажи «низшей» народной мифологии. Имеются и отдельные образцы классического героического эпоса, восходящего к догосударственной и дохристианской эпохе. Они есть в числе русских былин, белорусских богатырских сказов, южнославянских юнацких песен. Древние мотивы — не редкость и в позднейших по происхождению памятниках этих жанров. Они встречаются и в тех жанрах фольклора, что появились многим позже общеславянской эпохи, — лирических песнях, балладах и даже в социально-бытовых сказках. Тесно связан с обрядовым и иногда является результатом его «снижения» игровой фольклор.

Неоценимую помощь исследователю оказывают данные археологии, языкознания, этнографических и разного рода сравнительных исследований. В условиях явного дефицита письменных известий археологические и лингвистические исследования становятся базой, на которой и строится наше знание о славянах раннего Средневековья. Иначе обстоит дело с данными этнографии, отражающими позднейшую историческую реальность. Их следует привлекать лишь в сопоставлении с материалами археологии и языкознания.

ПРОЛОГ

Рим и варвары

В 476 г. пала Западная Римская империя. Это событие, положившее конец античной эпохе и рассматриваемое в современной науке как начало Средневековья, стало итогом более чем столетнего кризиса державы, управлявшей большей частью Европы. Острый кризис, связанный с упадком классического античного рабовладения, подорвал основы хозяйства империи, вылился в многочисленные восстания и гражданские смуты. Социальные конфликты переплетались с этническими. Ярким выражением этого стало бушевавшее на протяжении двух столетий антиримское движение в Галлии (так называемое восстание багаудов). Попытки выйти из кризиса за счет «феодализации» рабовладельческого хозяйства (поселение на землю рабов и полусвободных колонов) не принесли вполне положительного результата. Социально-экономический кризис уже усугублялся политическим и тесно переплетался с ним.

Рост сепаратизма имперских провинций имел своим следствием фактический распад государства на полунезависимые регионы во главе с представителями местной аристократии или даже имперскими полководцами-наместниками. В провинциях не раз провозглашались узурпаторы императорского престола. Некоторые из них и не пытались завладеть Римом, удовлетворяясь властью в своих землях. В результате подобных действий с первого десятилетия V в. фактически отпала от Рима Британия. Застарелые противоречия между латинским Западом и эллинским Востоком привели и к формальному разделению империи на две половины. Причем старшинство изначально оказалось за более стабильным Востоком. В обеих столицах империи — западной Равенне и восточном Константинополе (особенно в первой) — шла ожесточенная борьба придворных группировок. Унаследованные от республиканского Рима традиции ненаследственного характера императорской власти стали питательной средой для переворотов и интриг. Любой сколько-нибудь выдающийся представитель военно-бюрократической знати империи мог возомнить себя достойным монаршего престола.

На внутривластическую нестабильность влиял и религиозный фактор. Античная многобожная религия уже давно находилась в состоянии разложения. С начала IV в., благодаря мероприятиям Константина Великого, в империи укрепились позиции христианства. К началу V в. оно, по сути, превратилось в государственную религию. Христианство с его идеями единства и равенства разноплеменных людей перед Богом, богопомазанной высшей власти могло бы стать консолидирующей силой для империи. Но сопротивление сторонников греко-римского язычества («эллинства», как его называли на Востоке) утверждению новой веры оказалось слишком упорным, несмотря на поддержку новой религии императорами. Еще более осложнила ситуацию смута в среде самих христиан, вызванная с 325 г. арианским расколом. Ариане исповедовали своеобразное «упрощенное» богословие Троицы, отрицая единосущие Бога Отца и Бога Сына, полагая Сына творением Отца. Тем самым Бог Сын фактически относился арианами к тварному миру, а исповедуемое христианами единство Троицы (по сути, и самое единобожие) ставилось под сомнение. После упорной борьбы, отражавшейся и на политической ситуации в империи, ариане были разгромлены, но нашли немало приверженцев в «варварской» среде. Арианство приняли многие германские вожди, и к концу V в. его исповедовали готы, вандалы, бургунды и ряд других (в первую очередь восточногерманских) племен.

В «варварском» мире Европы предшествующее падению Западной империи столетие было временем значительных этнических передвижений, захлестнувших со временем имперские земли и получивших название Великого переселения народов^[1]. Эпоха Великого переселения традиционно исчисляется с 375 г. В этом году созданная в Восточной Европе королем восточногерманского племени остготовов Германарихом из рода Амалов «держава» рухнула под ударами вторгшихся с Востока кочевников — гуннов. Наиболее вероятна версия о тюркской этноязыковой принадлежности этих кочевников^[2], создавших на развалинах «державы» Германариха собственное раннегосударственное объединение, вобравшее в себя собственно гуннов и покоренные ими племена — восточногерманские, иранские (аланы, чья гегемония в Восточной Европе предшествовала готской) и другие. Часть готов (по большей части из племени везеготов

под водительством рода Балтов), отказавшись признать власть гуннов, перешла на территорию Восточной империи. Следующие десятилетия их истории заполнены краткосрочными примирениями и ожесточенными войнами с Римом, в ходе которых были опустошены часть Балканского полуострова, Италия, Галлия. Проломившись с боями через всю европейскую часть империи, в 410 г. взяв и разграбив Рим, везеготы (вестготы) создали собственное государство на территории Южной Галлии и Испании. Формально они признали себя федератами («союзниками») империи и получили эти земли от нее. Фактически же везеготы и другие германцы, обосновавшиеся на бывших землях Западной империи, распоряжались ими по своему усмотрению.

В начале V в. изгнанные с прежних мест гуннским нашествием германские племена вандалов и свевов (квадов) с примкнувшей к ним частью аланов прошли через Галлию и Испанию. Свевы создали свое государство на северо-западе Испании. Это королевство вскоре оказалось в зависимости от везеготов. Вандалы и аланы во главе с вандальским родом Асдингов обосновались в Северной Африке. Будучи сперва федератами империи, они в 445 г. порвали с ней связи, а в 455 г. их король Гейзерих, вмешавшись в распрю за императорский престол, опустошил Рим. В Галлию вторгались и другие германцы — франки, бургунды, аламанны. На Британию нападали англ, саксы и юты.

В Центральной и Восточной Европе между тем устанавливалось гуннское владычество. Во второй четверти V в. гунны были объединены под властью Атилы. К этому времени западные гуннские племена, разместившиеся среди покоренных германцев в Паннонии и других придунайских областях, значительно германизировались. Однако восточные племена гуннского союза в большей степени подверглись аланскому влиянию, сохраняя при этом свой язык. Гуннам подчинилась значительная часть как восточногерманских (остроготы, гепиды, герулы, бургунды и др.), так и западногерманских (тюринги, аламанны) племен. Однако гуннам не удалось распространиться сколько-нибудь далеко на север. Франки, саксы, лангобарды и тем более германцы Ютландии и Скандинавии сохраняли независимость. Жившие близ границ империи племена и поселившиеся на ее землях федераты искали союза с ней против восточных завоевателей.

Объединенными силами римлян и независимых германцев Атиллы был разгромлен в 451 г. в Галлии, на Каталаунских полях. После этого он еще вторгнулся в Италию, но внезапная смерть вождя (453 г.) помешала гуннам взять реванш. После смерти Атиллы его держава распалась. Покоренные германцы восстали против завоевателей. Разгромленные сыновья Атиллы со своими подданными отступили из Паннонии на восток. Часть гуннов смешалась с германцами, часть перешла на службу Восточной империи. На востоке бывшей их державы — в нижнедунайских долинах, Северном Причерноморье — возникли племенные объединения тюркоязычных болгарских племен, возглавляемых потомками Атиллы. Эти племена (утигуры, кутригуры и др.), часто еще именуемые в целом гуннами, начинают вновь играть значительную роль на востоке Европы с конца V в.

К востоку и отчасти к северу от них, в степях Северного Кавказа и в Поволжье, кочевали родственные тюркоязычные племена, ранее также подвластные гуннам, — савиры, оногуры, альтциагиры, акациры^[3]. В горах и предгорьях Кавказского хребта складывается Аланское царство, ставшее центром этнической консолидации бывших властителей европейских степей на основе перехода к оседлости.

В западных владениях гуннов на развалинах созданной ими племенной федерации быстро возрождаются самостоятельные германские королевства. В Дакии возникло королевство гепидов. Оно стало здесь сильнейшим государственным образованием в условиях относительной слабости болгар и отсутствия политической организации у местного (отчасти романизированного) населения^[4]. В Паннонии и на прилегающих с запада областях возникли самостоятельные королевства герулов, остроготов, скиров, свавов (единственное западногерманское племя в регионе), ругиев. Королевства свавов и скиров оказались непрочны и были в 469–470 гг. уничтожены остроготами. В верховьях Дуная и Рейна, будущей Швабии, образовалось королевство аламаннов, родственников свавам. К югу от них, в Юго-восточной Галлии, при поддержке везеготов восстановилось королевство бургундов. К северо-востоку от Аламании оформилось королевство тюрингов.

В 476 г. сын короля скиров, командующий федератами в Италии Одоакр, низложил императора Ромула Августула. Это стало концом Западной Римской империи. Ситуация в Европе существенно

изменилась. В Италии образовалось королевство Одоакра. Последние провинции, верные империи на Западе (Галлия и Норик), отпали. Королевства федератов (везеготы, бургунды, франки, ругии, аламанны) обрели полную независимость. Последний западный «император» Непот держался до 480 г. на побережье Адриатики, в Далмации, а затем был убит Одоакром. В то же время формально Одоакр не уничтожил, а объединил империю. Знаки императорского достоинства были отосланы в Константинополь, Одоакр сохранил официальную верность римской традиции. Титулуя себя королем (rex) Италии, он добивался официального признания своей наместнической власти над Западом от Константинополя и обошел здесь короля Галлии (Северной), римского военачальника Сиагрия.

Но Одоакр пытался сделать свою гегемонию на Западе реальной — это Восток уже не устраивало. В 482 г., после смерти некоронованного короля провинции Норик на Среднем Дунае, христианского подвижника Северина, ругии захватили его «владения». Одоакр вступил с ними в борьбу. Это стало одним из побудительных толчков к созданию союза Восточной империи с ругиями, остроготами и герулами против короля Италии. В 487–488 гг. ругии были разгромлены, их королевство уничтожено. Но в 489 г. в Италию, разгромив союзников Одоакра гепидов, вторгся король остроготов (остготов) Теодорих. После трехлетней осады Равенны Одоакр в 493 г. сдался на почетных условиях, но был коварно убит.

Теодорих недолго был верным союзником империи. На рубеже V–VI вв. он начал войну за обладание Северным Иллириком, вплотную примыкавшим к его владениям в Паннонии и Далмации. Теперь уже гепиды были союзниками империи, а Теодорих опирался на поддержку скамаров. Эти разбойничьи отряды обездоленного люда, действовавшие в среднедунайских провинциях, в те годы сплотились под водительством «короля бродяг» Мунда. Мунд, гепидский королевич и потомок Атилы (по женской линии), завладел частью земель Восточной империи и заключил союз с Теодорихом.

Отчасти сходно с Италией сложилась ситуация и в Галлии, где границы разрушившейся империи пытался удержать Сиагрий. В 486 г. франкские короли разгромили Сиагрия и уничтожили его государство. За этим последовало объединение франков под властью Хлодвиг из рода Меровингов, короля салических франков, создавшего мощное

государство на севере Галлии. Еще до окончательного объединения франков, в 496 г., Хлодвиг уничтожил королевство аламаннов и в последующие годы овладел большей частью их земель. Но дальнейшему продвижению франков на восток препятствовали пока бургунды, остроготы и тюринги. Южная Галлия была захвачена у везеготов только в 507–508 гг. К северо-востоку от франкских границ сложилось фризютское королевство, а верховья Везера и Эльбы занимали саксы и родственные им племена, разделенные на несколько рыхлых объединений.

В придунайские области к северу от Паннонии ок. 490 г. выдвинулось западногерманское племя лангобардов. Здесь они вступили в войну за свою независимость с герулами, союзниками остроготов, и в 494 (?) г.^[5] одержали победу. Прежнее королевство герулов пало. Часть их переселилась к гепидам, но, не встретив у них гостеприимства, в конечном счете обосновалась в качестве федератов на землях Восточной империи. Таким образом, лангобарды завладели северной частью Паннонии и стали важным политическим фактором в придунайских землях.

Германское завоевание Запада не могло не привести к хозяйственной катастрофе. Многие местности обезлюдели, население не в последнюю очередь вследствие бесконечных войн сильно сократилось. Особенно это касалось придунайских областей, где селились сравнительно немногочисленные германские племена. Здешнее романское население по большей части сгонялось со своих земель — как захватчиками, так и собственными властями, эвакуировавшими целые провинции. Так Одоакр в 488 г. поступил с Нориком.

Рабовладельческое хозяйство вступило в фазу распада. Многие виллы были заброшены, рабы и колоны массами бежали. Частично они присоединялись к германцам, что сулило изменение общественного положения. В основном же беглые наряду с дезертирами, преступниками, разорившимися гражданами, изгоями-«варварами» пополняли отряды «разбойников» вроде багаудов в Галлии и скамаров на Дунае. Заметим, что традиционные кавычки здесь не очень справедливы.

Когда «варварские» короли взялись, наконец, за упорядочение завоеванного, они признали права собственности уцелевших римских

аристократов. Последние все чаще переходили на раннефеодальные методы управления хозяйством, используя колонат и труд посаженных на землю рабов (сервов; позже значение этого термина расширяется). Большая же часть земель сосредоточилась тогда в руках крестьянских общин как «варварского», так и — преимущественно — романского происхождения. Стабилизация сельского хозяйства Запада началась с VI в. на основе свободного и полусвободного труда. Верховным собственником земли у германцев было племя, прерогативы которого в их военно-иерархическом обществе уже присвоила знать. За счет королевских пожалований постепенно начинает складываться землевладение германской дружинной аристократии. Расслоение и формирование новых основ собственности происходит, хотя и медленнее, и у тех германских племен, чьи владения так и не простерлись за прежние границы Рима с «варварами».

Приходят в упадок города. Хозяйство Европы все больше становится натуральным. Войны и разбой, обрыв многих хозяйственных традиций приводят к сокращению торговых связей. В меньшей степени это сказалось на морской торговле, и порты, как правило, по-прежнему процветают. Но и этот расцвет не мог сравниться с прежними временами. Портовые города теперь больше военные базы, чем торговые центры.

Города все более превращаются в «большие деревни», обрастающие сельскохозяйственными угодьями и живущие за счет их. В некоторых областях (опять-таки прежде всего на Дунае) они вовсе прекращают свое существование. Вместе с тем многие античные города в романских областях — Италии, Испании, Галлии, Далмации, на островах — продолжают оставаться центрами ремесла и торговли, хотя их значение падает. Культура все больше перемещается из городов в монастыри, превращающиеся со временем в главные хранилища античного и христианского наследия.

Германское завоевание разрушило политическую структуру городов Запада. Понятие гражданства, сохранявшееся до последних лет империи, во многом потеряло смысл, хотя в древних городах не исчезло вполне. В большинстве городов полисное самоуправление, восходившее к эпохе Республики и древних городов-государств Греции и Италии, негласно или открыто упразднено «варварскими» королями. В захваченном остроготами Риме еще заседал сенат, сохранились

городские советы и еще в нескольких крупных центрах, но это была лишь дань традиции.

В этих условиях консолидирующей силой для местного населения становится Церковь. Практически повсеместно христианские епископы (и ортодоксы, и ариане) становятся главами самоуправления, в их руки переходит судебная и хозяйственная власть. С другой стороны, существовало и окружное управление, учрежденное «варварскими» королями, удержавшее налоговые и ряд административных функций. Для работы в этих структурах германцы должны были неизбежно привлекать выходцев из местного чиновничества и клира. Со временем роль этой прослойки при дворах «варварских» королей возрастает.

Бурный V в. прошел в острой политической борьбе при дворах западных императоров и «варварских» королей. Эта борьба с неизбежностью сплеталась в единое целое с религиозным и этническим противостоянием. Социальные мотивы наслаивались у чиновников, аристократов, клириков на религиозные воззрения и сознание родовой принадлежности.

«Варварская» партия, стремившаяся к передаче власти над Западом германским вождям и слиянию лояльной римской знати с новым господствующим слоем, была в значительной степени партией и арианской. Несомненно, что, помимо германцев на службе империи, опорой ее было теснимое арианское духовенство, позже нашедшее своих покровителей в арианах-королях из династий Балтов, Амалов и Асдингов. После падения Западной империи эта партия стала основной опорой новой власти в государствах везеготов, остроготов, вандалов, свевов, бургундов.

Ей традиционно противостояла «римская» партия, ставившая целью сохранение римского социально-политического и культурного наследия. Однако внутри эта партия была значительно дифференцирована. Римские консерваторы, «последние римляне», стремились всячески сохранить античное наследие, дохристианскую религию и культуру, «сенатский» политический строй с делением империи на две части. Для них было характерно резко отрицательное отношение к «варваризации» империи и ее господствующего слоя. Позиция этой партии была обречена ходом исторического развития, и падение Западной империи явилось для нее крахом всех упований.

Намного более трезво оценивали обстановку представители ортодоксального (православного или вселенского, католического) клира и близкой им части аристократии и чиновничества. «Варварское» нашествие они вслед за Аврелием Августином и Орозием рассматривали как Божью кару за грехи Рима. Путь спасения они видели в религиозно-нравственном очищении общества и максимально возможном приспособлении к сложившейся ситуации. Но приспособление должно происходить не через «варваризацию» Рима, а через христианизацию (ортодоксальную) и романизацию «варваров», сохранение античного наследия, насколько оно не противоречило христианству. Недаром последние из «последних римлян» начала VI в. оказываются в числе поборников ортодоксии против арианских гонений в Италии, Галлии, Испании, Африке.

Разгоревшийся конфликт получает этническое и социальное содержание. Арианами были в основном завоеватели «варвары», православными — большая часть романского населения в городах и немалая часть на селе. В политическом плане идеалом православных римлян становится единая империя с центром теперь уже в Константинополе. Туда, к Византийской империи, обращаются теперь взоры большинства приверженцев вселенской веры на Западе, к союзу с империей склоняют «варварских» королей их приближенные-католики. Из самих германцев лишь франки и — на время — лангобарды приняли в конце V в. католическую веру. Но позиции христианства в их среде были еще слишком слабы, а память о завоевании слишком свежа, чтобы Меровинги или тем более лангобардские Гутинги заместили законных императоров Востока. Надеялись не столько на самих католиков-германцев, сколько на их весьма вероятный, но заведомо зыбкий союз с Константинополем.

Восточная империя в V в. устояла^[6]. Это было связано с суммой как внутренних, так и внешних факторов. Восточным императорам удалось, подавив сепаратистские проявления, сохранить сильную централизованную власть и относительно стабильное провинциальное деление империи. Опорой императорской власти являлись многочисленный чиновничий аппарат и армия, состоявшая из постоянных и регулярных частей, укомплектованных на основе античных традиций свободными гражданами. Ветераны наделялись льготами, в частности, им выделялась земля. Государственная власть

по мере выработки теории сотрудничества между Церковью и христианской империей все в большей степени могла опираться на поддержку клира. Сенатское сословие на Востоке было традиционно крепче привязано к трону и более лояльно ему, чем на Западе, где не вполне забылись традиции республиканского Рима.

С другой стороны, стабильность империи в известной мере обеспечивалась сохранением ряда демократических античных традиций — полисного самоуправления, равенства граждан перед законом (при некоторых привилегиях сенаторов и клириков). При этом свободные граждане составляли большинство, хотя и не подавляющее, населения Восточной империи. Равенство их было не формальным, а вполне реальным. Любой гражданин империи при наличии известных способностей и удачливости мог войти в господствующую прослойку империи и даже получить высшую власть — не наследственную, а переходящую к «достойнейшему». В конце V — начале VI в. на престоле побывали и вождь «варварского», с точки зрения римлян, племени исавров из Малой Азии Зинон (474–491), и простой в прошлом крестьянин из Фракии или Иллирика Юстин (518–527). Последний основал «династию», а точнее линию непрерывной легитимной преемственности, правившую империей до 602 г. Справедливости ради стоит заметить, что появление при власти, а тем более на троне «новых людей» не вызывало восторга у сенатской аристократии. Ее недовольство было отчасти справедливо — притязания случайных деятелей (в том числе, впрочем, и из самой сенатской среды) на трон не могли всегда идти на пользу державе.

«Варваров» Восток интересовал меньше, чем Запад с его политической нестабильностью и открытыми для нападений крупными городами. Константинополь оставался неприступным для внешних врагов до начала XIII в. Все-таки набеги варваров на Восточную империю происходили. Имела место, хотя и в меньших масштабах, чем на Западе, и «варваризация» армии и аппарата управления. Однако «варвары» на имперской службе, как правило, довольно быстро теряли этническое лицо и осознавали себя ромеями («римлянами»). Такой путь прошли многие знатные готы, герулы, гепиды, аланы, гунны. Недолговечны оказывались и королевства федератов на восточноримских землях.

Это во многом было связано с исконной пестротой этнического состава населения Восточной империи. В отличие от Запада, где происходила всеобщая романизация, на Востоке римское гражданство могло лишь сплачивать разнородные элементы в своеобразное разноразное содружество, становясь цементирующей силой общества. Подданный империи был сперва «римлянином», а уже потом греком, сирийцем или исавром, притом что собственно римлян (романцев) было на Востоке не так уж много. Такова была устоявшаяся традиция, и для натурализации в имперском обществе федераты должны были в большей или меньшей степени ей следовать. При относительной немногочисленности пришельцев они быстро растворялись в местной среде или покидали ее вовсе.

Романский элемент в империи преобладал лишь в областях романизации на севере Балканского полуострова — во Фракии и Северном Иллирике. Некоторая часть романизированного населения оставалась, насколько можно судить по скудным сведениям, за Дунаем, в Карпатах, но те области для империи были уже потеряны. В горных областях Превалитании и Эпира на северо-западе Иллирика сохранилось не подвергшееся романизации местное иллирийское население. Южный Иллирик (Македония, включавшая и собственно Элладу) был населен почти исключительно греками. Г реки преобладали также в Константинополе, на островах и в Малой Азии, где уже в эпоху единой империи шла не романизация, а медленная эллинизация туземного населения. Волна эллинизации не затронула лишь отдельных областей (Армению, Исаврию), сохранявших полную этническую самобытность. Не распространилась она и на Сирию, Палестину и Египет. Здесь, в древних центрах эллинистической цивилизации, (таких как Антиохия) греки составляли большую или немалую часть населения, но в основном преобладали местные народы. При всей этой пестроте граждане империи (в первую очередь греки и романцы) в целом именовались ромеями, то есть римлянами. Латинский язык оставался языком армии. Но как официальный язык императорского двора он уже был потеснен греческим. Греческий был языком Церкви и светской культуры Балкан и Малой Азии, а также эллинской культуры Египта и Сирии.

В условиях смещения торговых путей, эмиграции с Запада и ослабления западных соперников настоящий расцвет переживают с V

в. восточные города. Они становятся общеевропейскими центрами ремесла и торговли, а их культурная значимость и прежде превосходила Запад. С другой стороны, некоторые города придунайских провинций под постоянной угрозой нападения «варваров» все же теряют значение, превращаясь в порубежные крепости. Число мелких городов постепенно уменьшается.

Кризис рабовладельческого хозяйства меньше затронул Восточную империю, что было связано с восходящими к эллинистической эпохе традициями свободного (хотя и зависимого от государства) труда на значительной части ее территории. На селе в азиатских провинциях безусловно преобладала крестьянская общинная собственность. В Сирии и Египте, правда, с ней сосуществовало крупное частное землевладение местной знати, основанное на труде колонов. За счет императорских пожалований начинает складываться церковное землевладение.

Иной была ситуация на Балканском полуострове, на островах, а также в сплошь эллинизированных западных областях Малой Азии. На этих землях прочно укоренились традиции классического рабства античной эпохи. Зависимые только от государства общины свободных крестьян, ветеранов, федератов были особенно многочисленны в приграничных областях. Значительную часть земель занимали большие (хотя и не настолько, как на Западе) поместья знати. Обрабатывались они трудом рабов и колонов. Впрочем, в Восточной империи рабы, как правило, помещались на землю и наделялись большими, чем на Западе, правами.

Однако это, конечно, не делало социальную ситуацию безоблачной. Большая масса рабов, в основном иноплеменников, была резервом для любого внешнего вторжения. Обездоленные слои населения, преимущественно неграждане — рабы и колоны, — восставали против угнетения. Ярким примером этого на Балканах явилось движение скамаров. Отряды скамаров, объединившись в Иллирике под главенством гепида Мунда, опираясь на союз с остроготами, создали там к началу VI в. собственное королевство. Восстановить здесь власть империи оказалось трудно, а прежний социальный строй — вовсе невозможно.

Восставали против налогового бремени и государственных повинностей и свободные. Наиболее грозной была нараставшая

оппозиция масс свободного, в том числе зажиточного населения в крупных городах, где организующей силой выступали димы — структуры полисного самоуправления.

Социальная и политическая борьба внутри свободного населения, как и на Западе, переплеталась с религиозной и этнической. Арианство на Востоке было фактически целиком разгромлено. «Варварская» арианская партия не проявляла себя после убийства временщика Аспара, алана-арианина, в 471 г. по приказу Зинона. Но на смену арианской шла другая церковная смута.

На Эфесском соборе 431 г. было осуждено учение константинопольского патриарха Нестория, утверждавшего раздельное происхождение человеческой и божественной природ во Христе и именовавшего Деву Марию «человекородицей». На этом, однако, христологические споры не кончились. Константинопольская богословская школа полагала дискуссию завершенной, тогда как александрийцы настаивали на более радикальном осуждении несторианствующих. В конце концов, сформировалось несколько оттенков учения, которое получило название монофизитства (однoестественничества). Оно утверждало не соединение, а полное слияние человеческого и божественного во Христе. Своих противников, толковавших эфесскую формулу более умеренно, монофизиты обвиняли в «четверении Троицы» и внесении «новшеств». Вопрос обрел крайнюю остроту и вылился в догматический спор. На Втором Эфесском соборе 449 г. монофизиты взяли верх. Но в 451 г. в Халкидоне они потерпели полное поражение.

Вопрос, однако, не был закрыт, перейдя в этнополитическую плоскость. В Александрии и Антиохии многие восприняли победу диофизитов как торжество греков над сирийцами и коптами. Произошел церковный раскол, за сирийские и египетские епископские кафедры развернулась ожесточенная борьба с участием властей. Дйoфизитская Церковь позже получила на востоке империи прозвище мелькитской (царской). А монофизитство стало религиозным знаменем для армянского, сирийского и копто-египетского сепаратизма. В греческих городах с религиозной борьбой переплеталась социально-политическая. К началу VI в. димы объединяются в так называемые «цирковые партии», именовавшиеся по цветам лент своих колесниц на ипподроме. Самыми влиятельными

становятся партии венетов («голубых») и прасинов («зеленых»). Обычно считается, что венетами верховодили представители сенатской знати, а прасинами — торговые круги. Многие прасины исповедовали монофизитство, тогда как венеты были ревностными поборниками православия. Обе стороны имели вооруженные отряды, регулярно дестабилизировавшие обстановку в городах и в империи в целом.

Императоры занимали различную позицию в религиозно-политических спорах. Зенон, сперва столкнувшись с вооруженной оппозицией в Сирии, затем в интересах политической стабильности поддержал монофизитов. Это поставило столичную Церковь на грань полного раскола. Анастасий (491–518) еще последовательнее продолжал политику Зенона, что способствовало его популярности в Сирии и Египте. Это было особенно важно в условиях возобновившихся войн с персами. Однако долго копившееся недовольство на Балканах вылилось в 512 г. в мятеж под предводительством Виталиана. Со вступлением на престол Юстина происходит решительный поворот в сторону поддержки ортодоксии.

Несмотря на кризисные явления, границы в основном устояли на протяжении V в. Успехам в Европе, где императорам преимущественно удавалось оружием и дипломатией отводить «варваров» от своих рубежей, способствовала тогда мирная передышка на Востоке. Также находившаяся в состоянии кризиса Сасанидская Персидская (Иранская) держава с 422 г. поддерживала мир с империей. Персам традиционно внушали опасения проромейские симпатии христианского населения подвластной им части Закавказья. Лишь в 502 г., подавив здесь несколько восстаний и укрепив свое владычество, Иран почувствовал себя в силах возобновить борьбу с ромеями. И вскоре за этим последовал кризис на дунайской границе империи. Пришла в движение до тех пор стабильная часть «варварского» мира.

Северная и Восточная Европа осталась сперва в стороне от Великого переселения народов. Сведения оттуда в ту пору скудны и отрывочны, в значительной степени они восполняются из средневековой устной традиции. В Скандинавии и на прилегающих островах в это время складываются военно-иерархические «королевства» с наследственной властью. Это «королевства» датских Скьельдунгов на юге современной Швеции, на Зеландских островах и

в Северной Ютландии, свейских Скильвингов и Инглингов в Швеции с центром в Упсале, гаутских Хредлингов западнее, в Ётланде, и другие. Северогерманские племена, в отличие от южных соседей, тогда не стремились к ограблению или тем более захвату богатых земель Западной империи. Их больше привлекали плавания на восток, в прибалтийские земли. С V в. такого рода набеги становятся все интенсивнее. В конце V в. был совершен поход на восток датского конунга («короля») Фроди, кратковременного гегемона Скандинавии. Он, как и прочие деяния Фроди, оставил глубокий, хотя и совершенно легендарный след в скандинавском эпосе^[7].

В Восточной Европе противниками скандинавов становились прибалтийско-финские и балтские племена. К V–VI вв. относится формирование основных племенных союзов, известных в более позднее время. Балты (эстии, позже скандинавы перенесли это название на предков эстонцев) изредка упоминаются в письменных источниках^[8]. Пределы расселения балтийских племен еще далеко не ограничивались Латвией, Литвой и Пруссией. В то время они занимали обширные области до Среднего Днепра на юге и до верховий Оки на востоке, где позже упоминается балтское племя галиндов (голядь). Среди прибалтийско-финских племен по поздним преданиям как наиболее сильное можно выделить воинственное объединение чудей (шуддэ, чудь, сисси), занимавшее территорию от Северной Двины до Чудского озера. Самоназвание его сейчас отражается в имени небольшой этнографической группы сету в Псковской области.

Балтийские и прибалтийско-финские племена находились на стадии позднего племенного строя. Уровень развития финских племен был немного архаичнее. У балтов уже начали складываться раннегосударственные или протогосударственные объединения. Они развивали даже некоторую дипломатическую активность (посольство эстиев к Теодориху).

Области к югу и западу от расселения балтов оказываются в начале VI в. занятыми славянскими племенами. Это явилось итогом длительных этнообразующих процессов на этих землях в предшествующий период.

Природные условия и методы хозяйствования

Значительная часть территории, заселенной в VI—VIII вв. славянами, принадлежит прилегающим друг к другу равнинам — Восточно-Европейской и Средне-Европейской. Наиболее обширна Восточно-Европейская равнина, занимающая большую часть Восточной Европы. Она прорезана значительными водными артериями. Среди них Днестр, Южный Буг, Днепр с притоками Десной и Припятью, Дон с Северским Донцом, Волга с Окой, Неман, Западная Двина, Волхов — Ильменское озеро — Ловать.

Около трети Восточно-Европейской равнины — на юге ее и на юго-востоке в приволжских областях — занимают степи, к северу сменяющиеся лесостепью. Это низменная область, характеризующаяся более сухим климатом. В лесостепи земля несколько поднимается к Приднепровской и Подольской возвышенностям, возрастает влажность. На севере лесостепи и в лесной полосе, находящейся на большей части равнины, климат умеренный. Немалую часть равнины (высота на площади до 200 м над уровнем моря) занимают возвышенности. Это, прежде всего, уже упомянутые Подольская (высочайшая точка 471 м) и Приднепровская (322 м). К ним примыкает Волынская. Далее — Средне-Русская между Десной, Доном и Окой (293 м), Смоленско-Московская к северо-западу от нее (319 м), Валдайская в верховьях Волги, Днепра и Западной Двины (343 м). В раннем Средневековье (да и позднее) они были в основном покрыты лесами.

С другой стороны, имелись и низменные, заболоченные области. Прежде всего, это Полесье, охватывающее обширную территорию в бассейне Припяти, Верхнего и отчасти Среднего Днепра. На севере, в долине притока Днепра Березины и верховьях Западной Двины, Полесье смыкается с другим заболоченным пространством — по берегам водной системы Ловати — Ильменя — Волхова. За Ильменем болотистая низменность раздается вширь и охватывает уже весь лесной «озерный край», тянувшийся от Чудского и Псковского озер на восток и на север. Здесь расположены крупнейшие озера равнины — Чудское, вливающееся в него Псковское, Ладожское, Онежское, Белое.

К северу от Ладожского и Онежского простирается обширная зона карело-финских озер. Еще одна заболоченная низменность — Мещерская низина на Средней Оке.

На северо-западе равнину пререзает Балтийская гряда, образуемая мореной ледникового происхождения. В районе Вильнюса и северо-западных областях Белоруссии, то есть между истоками Немана, его притока Вилии и Березины, гряда разрастается в довольно обширную холмистую возвышенность (до 345 м над уровнем моря). Эти возвышенности также поросли лесом. Климат здесь влажнее, чем на основной территории равнины. Балтийская гряда тянется вдоль побережья Балтийского моря через древнюю Пруссию и Поморье на запад вплоть до Эльбы (Лабы). Здесь высочайшая точка расположена близ низовьев Вислы (329 м).

К югу и частично к западу от Балтийской гряды простирается Средне-Европейская равнина, на востоке смыкающаяся с Восточно-Европейской в районе Полесья. На юго-востоке она ограничена возвышенностью, продолжающей Волыно-Подольскую и переходящей в предгорья Карпат. Климат Средне-Европейской равнины на рассматриваемой территории близок к лесной полосе Восточной Европы. Основные водные артерии здесь с запада на восток — Эльба (Лаба), Одра (Одер), Висла с притоком Западным Бугом. Крупных озер нет. Низменный участок с болотами и относительно большими озерами располагался на землях древней Пруссии, в долине Нарева, северного притока Западного Буга.

К югу от Средне-Европейской равнины и юго-западу от Восточно-Европейской простерлась единая горная система Европы, состоящая из нескольких связанных массивов. Ближайший к равнинам крупный горный массив — Карпатские горы, к которым непосредственно примыкают возвышенности (Волинская, Подольская и др.), образуя единое целое. Горы в верховьях Эльбы и Одры образуют ряд связанных между собой хребтов и возвышенностей (Судеты, Рудные горы и др.), занимающие территорию современной Чехии и значительную часть Германии. На юге, за Дунаем, прорезающим всю горную полосу Европы, эти возвышенности переходят в Альпийские горы. На востоке Судеты смыкаются с Карпатским хребтом. Альпы — высочайшие горы Европы. Но самых высокогорных областей славяне не заселяли. Зато им было суждено расселиться в прикарпатских

областях. Высочайшая точка Карпат — гора Герлаховски-Штит (2655 м) недалеко от истоков Вислы, следующая по высоте — Молдовяну (2543 м) над Олтом, притоком Дуная, в современной Румынии. Отсюда можно видеть, что рельеф Карпат значительно отличался от знакомого жителям Центральной и Восточной Европы.

С другой стороны, в долине Дуная при слиянии с крупнейшими его притоками образуются две обширные низменности со степным климатом — Нижне-Дунайская и Средне-Дунайская. Первая занимает практически все нижнее течение Дуная, включая приморские области к югу от его дельты (Добруджа), низовья северных притоков — Олта, Сирета, Прута и др. На востоке она переходит в степи Восточной Европы. Средне-Дунайская низменность охватывает долину притока Дуная Тисы, междуречье Тисы и Дуная, Дуная и другого, южного притока — Савы, значительную часть долины Савы. Перед низменностью, стекая с относительно возвышенной местности, сам Дунай тем не менее течет по низменной пойме. В этом районе (древней Паннонии), под изгибом великой европейской реки, расположено озеро Балатон, откуда берет начало один из ее притоков, нынешний Шио.

Обе названные низменности ограничены с юга Балканскими горами. Эта горная система, включающая несколько высоких кряжей и массивов, занимает большую часть Балканского полуострова к югу от Дуная, исключая некоторые приморские области. Через древнюю Фракию тянулся Гемский горный кряж (ныне Стара-Планина), горы которого достигали высоты 2376 м над уровнем моря. Но высочайшей точкой Балкан является гора Мувала в Родопах, к югу от Гемма, — 2925 м. Ей несколько уступает Олимп в Фессалии, священная гора древних эллинов — 2917 м. Балканские горы в древности были покрыты многочисленными лесами, отчасти расчищенными за годы существования античной цивилизации, но все еще сохранившимися.

На описанной территории к началу Средневековья утвердилось несколько близких между собой, ориентированных на обе главные отрасли производящего хозяйства типов производства. В лесостепной полосе Восточной Европы господствовало переложное земледелие. Большое значение имело также скотоводство, чуть меньшее — добывающие промыслы (охота и рыболовство).

В прилегающих к лесостепи районах лесной полосы перелог соседствовал с подсекой. Дальше же на север подсечно-огневая форма земледелия, безусловно, доминировала. Здесь также было распространено скотоводство. Гораздо большее значение, чем на юге, имели охота и рыбная ловля. Постепенно широко распространилось бортничество.

В горных областях, на прилегающих к ним низменностях и холмистых возвышенностях хозяйство имело несколько иной облик. За время существования античной цивилизации террасное и долинное земледелие, садоводство, виноградарство достигли значительной степени развития. Но далеко не все их достижения были восприняты соседними «варварами». Германцы, славяне, остатки дако-фракийцев предпочитали простейшие формы земледелия на речных террасах и горное отгонное скотоводство. Болгары в степях Нижнего Подунавья занимались в основном кочевым скотоводством. Только к югу от Дуная к началу Средневековья господствовала античная агрикультура, хотя и понесшая ущерб в результате смут того времени.

V–VII вв. для Европы — время усреднения климата, когда климатические условия во влажных и засушливых зонах сближаются. С VIII в. началось (впрочем, с северо-запада материка) общее потепление^[9]. Положительный его эффект для Восточной и Центральной Европы был еще впереди. Но умеренные климатические условия способствовали развитию здесь земледельческого хозяйства уже в VI–VIII вв.

Проблемы славянского этногенеза

Распад древнеевропейской языковой общности и выделение из нее балто-славянского (или протославянского) языка относится еще к первой половине II тысячелетия до нашей эры. Однако вычленение собственно праславянского языка большинство лингвистов относит только к VII–VI вв. до н.э.^[10] Обособление праславян как этнографического (археологического) целого связано, по одной из версий, с возникшими в V в. до н.э. на территории современной Польши подклешевой и поморской культурами^[11]. Это не исключает отстаиваемой рядом археологами концепции автономного развития праславянских элементов на востоке, в рамках зарубинецкой балто-славянской культуры. Вообще, со II в. до н.э. праславяне внедряются в несколько разнородных культур, не составляя бесспорного этнографического целого. Это пшеворская культура на западе, зарубинецкая, позже киевская (возможно) и черняховская (вобравшая и пшеворский элемент) культуры на востоке. Это затрудняет изучение их ранней истории^[12]. Исследование культур лесной полосы Восточной Европы в последние десятилетия позволило собрать немало нового материала, интерпретация которого именно применительно к праславянам остаётся спорной. В настоящей работе данная проблематика рассматривается только в самом общем виде.

В письменных источниках с начала христианской эры появляются отдельные упоминания праславян. В основном это сведения из географических описаний («Естественная история» Плиния Старшего, «Германия» Тацита, «География» Птолемея, «Певтингерова таблица»). Римский император Волусиан (251–253) за поход на Дакию получил титул «Венедский». Праславяне фигурируют в этих упоминаниях как «венеды». Это этноним итало-иллирийского происхождения; древние венеты (венеды) были близким иллирийцам племенем на северо-востоке Италии, в районе нынешней Венеции. Появление этого этнонима в Центральной Европе можно увязать с отмечаемой лингвистами^[13] италийской миграцией, повлиявшей на оформление праславянского языка. В пользу тождества венедов и праславян свидетельствует, во-первых, прямое указание Иордана на

происхождение славян и антов от венедов. Во-вторых, славяне именуются вендами или виндами в германских, вэнэ (vana) — в прибалтийско-финских языках (ср. еще имя или эпитет готского короля Винитарий)^[14]. Венеды, покоренные, по Иордану, в IV в. Германарихом могут быть соотнесены с какой-то частью пшеворского населения.

У Птолемея среди соседей венедов появляются уже и собственно славяне (словене — древнейший праславянский этноним со значением «говорящие») — ставаны. Они локализуются вместе с балтами (галиндами и судинами) к юго-востоку от венедов и к северу от аланов^[15], на территориях, занятых тогда пшеворскими и позднезарубинецкими памятниками. Другой впоследствии славянский этноним, упоминаемый Птолемеем, — вельты (велеты) к востоку от венетов в Поморье^[16].

При описании событий IV в., приведших к падению остроготского «королевства» Германариха, Иордан приводит сказание о войне готов с племенем антов, которое выше относит наряду со славянами к потомкам венедов^[17]. О родстве и одноязычии антов и славян в VI в. говорит и Прокопий Кесарийский^[18].

Анты активно действуют на европейской сцене в VI — начале VII в., о чем пойдет речь далее. Для периода же их борьбы с готами прямых известий нет, кроме указанного свидетельства Иордана. Следы тех же сказаний обнаруживаются в германских языках (древневерхненемецком, англосаксонском), где имя антов стало обозначать мифических великанов^[19]. Позднейшие анты соотносятся с пеньковской культурой на юге Восточно-Европейской равнины, генетически связанной с Черняховской. Черняховскую культуру, по меньшей мере в какой-то ее части, нужно связывать с антами готских преданий.

Были ли анты преданий, использовавшихся Иорданом, праславянами? Этноним «анты» неславянский. Он связан с древнесарматской языковой средой и переводится «окраинные» или даже «внешние», «чужие»^[20]. Так вполне могли именоваться и осевшие в иноязычной среде аланские племена Черняховской культуры, и сами племена, составлявшие эту среду.

С рассказом Иордана о падении остроготского королевства можно сопоставить свидетельства современника событий Аммиана Марцеллина. Согласно Иордану, гунны после смерти Германариха уничтожили его королевство. Остроготы были покорены гуннами, везеготы же отделились от них. Правителем остроготов стал Амал Винитарий, внучатый племянник Германариха. Освобождаясь от власти гуннов, он сперва выступил против антов, после переменчивой войны разгромил их, распяв короля Боза с сыновьями и 70 знатными людьми. Баламбер, король гуннов, заключил союз с частью готов, выступил против Винитария и после двух неудачных битв на реке Эрак разбил его. Винитарий погиб, остроготы подчинились гуннам. Власть над остроготами перешла к сыну Германариха Гунимунду. Судьба Вандалярия, сына Винитария, не проясняется; много позже (в начале V в.) подчиненных гуннам остроготов возглавлял его сын Валамер^[21].

По Аммиану Марцеллину, королевство гревтунгов (остроготов Иордана), управляемое Эрменрихом, было уничтожено гуннами при содействии покоренных ими силой алановтанайтов (то есть донских), соседних с гревтунгами. Королем гревтунгов был избран Витимир, который, подкупив часть гуннов, вступил в войну, прежде всего, с аланами, и эта война сперва была для него довольно успешна. Однако, в конце концов потерпев ряд поражений от гуннов и аланов, он пал в бою. Власть получил его малолетний сын Витерих при регентстве Алафея и Сафрака. Последние увели гревтунгов в пределы империи, вслед за тервингами короля Атанариха^[22].

Очевиден ряд общих моментов, причем мы должны учитывать естественное преувеличение готских успехов в готском эпосе. После гибели Германариха готов возглавил новый правитель Витимир (или Винитарий), вступивший в борьбу с гуннами (короля Баламбера) и их союзниками, но погибший в бою. При этом произошло разделение остроготов (гревтунгов) на сторонников его и Гунимунда, союзника гуннов, отмеченное Иорданом. Сторонники Витимира или какая-то их часть под предводительством Алафея и Сафрака ушли вслед за везеготами (тервингами) Атанариха в империю. Король этой части гревтунгов Витерих, сын Витимира, тождествен Вандалярию Иордана. Королем подчинившихся гуннам готов (остроготов) стал Гунимунд, не упомянутый у Аммиана Марцеллина.

Здесь очевидным становится тождество аланов (талантов?), с которыми воевал Витимир, с антами, против которых в первую очередь обратился желающий свергнуть готское иго Винитарий. Само по себе это не свидетельствует об этнической принадлежности. Аммиан Марцеллин отмечает, что в период своей гегемонии аланы распространили свое имя на множество союзных племен разного происхождения. Это возвращает нас к вопросу о характере Черняховской культуры. Она сочетает алано-сарматский, германский, дакийский, «балто-славянский» и праславянский (в контактной зоне с пшеворской культурой на Волыни и в Полесье) этнические элементы^[23]. Исключая германцев-готов, именно это смешанное население от левых, северских притоков Днепра до Олта, верховий Днестра и Западного Буга и есть анты Иордана. Судя по известию Аммиана о соседстве танаитов с готами, в политическом смысле эта обширная территория должна была делиться между теми и другими. С другой стороны, часть аланов-танаитов и могла составить основу Черняховской культуры. Антов IV в. надо тогда рассматривать как западную, «внешнюю» часть танаитского объединения, включавшую разноплеменные компоненты. Стоит добавить еще, что имя короля антов (Боз) неславянское^[24].

Окончательное превращение антов в славянский этнос, как и складывание этноса собственно славян (словен), происходит в течение V в. Однако история праславян началась, как мы видели, с гораздо более раннего времени. Если и можно полагать V столетие началом собственно славянской истории, то лишь условно. Прошлые славян насчитывало к тому времени не одно тысячелетие.

Общественный строй

О социальном устройстве праславянского общества к началу V в. судить трудно. Единственным реальным источником для нас являются данные языка, позволяющие выделить древние общеславянские термины, обозначающие социальные реалии, и ранние заимствования социальной терминологии из других языков. Данные этнографии отражают, естественно, реальность гораздо более позднего периода. К древности они могут применяться лишь в сопоставлении с археологическим материалом. Последний же из-за полиэтнического характера культур IV в. имеет для изучения социального строя праславян вспомогательное значение. Со славянским обществом предгосударственной и дописьменной эпохи можно было бы сопоставить некоторые другие архаические индоевропейские общества — дардское, древнее индоарийское, осетинское. Однако все эти народы развивались в существенно иных исторических условиях.

Тем не менее, сопоставляя данные археологии и языка, можно сделать некоторые общие выводы о характере славянского общества. Славяне жили в условиях племенного строя. Основной ячейкой общества была община, в основе устройства которой лежало представление о кровном родстве. Однако уже существовала община, основанная на взаимном соглашении (а не на родстве), — мир^[25]. Она могла включать как одно поселение, так и несколько. В последнем случае община сближалась по характеру с племенем.

Господствующим в славянском словоупотреблении применительно и к племени, и к общине было слово «род». Сосуществование терминов «род» и «мир» находит параллели в двух основных способах именования славянских племен — по территории (например, поляне) и по происхождению (например, кривичи). Племя делилось на несколько формально кровнородственных объединений типа большесемейной или патронимической общины. Патронимическое объединение, образовавшееся на базе разросшейся большой семьи и связанное хозяйственной взаимопомощью, именовалось «дворище»^[26].

Праславяне жили на неукрепленных поселениях деревенского типа (веси, села). Строили они и укрепленные «грады», становившиеся убежищем на случай опасности.

В обществе существовало социальное неравенство. С древнейших времен было известно патриархальное рабство (термин «раб» индоевропейского происхождения); рабами становились пленники. С другой стороны, выделилась родоплеменная знать (господа, паны). Основным богатством ее был скот (с чем связано значение заимствованного в древности у скифов термина *гърапъ, «пан, господин»^[27]). Значительную роль в обществе играло жречество.

Своеобразную племенную «администрацию» представляли собой биричи. Это были лица, ведавшие сбором на сакральные нужды, биром, и жившие за его счет. Постепенно их функции расширяются, они теснее смыкаются с властью сакрального вождя. Судопроизводство осуществлялось самими общинниками на основе обычного права. Самыми суровыми наказаниями были выдача на расправу потерпевшей стороне и изгнание из рода. Высшая власть в общине и племени на том этапе, несомненно, в значительной степени находилась в руках веча — народного собрания. Если проводить аналогию с позднейшими сельскими сходами, можно предположить, что древнее славянское вече включало глав семей (почти исключительно старших мужчин). Молодежь была лишена права голоса (скорее всего, и совещательного) — отсюда слово «отрок», «тот, кому запрещено говорить (в совете)».

Во главе племени стоял вождь. Термин «вождь» древний, исконно славянский, но в рассматриваемый период уже не употреблялся непосредственно как титул. На смену ему пришли другие. Это титулы, обозначающие жреческую сакральную («владыка») и военную («воевода») власть и, наконец, заимствованный у западных германцев (в пшеворскую эпоху?) термин «князь»^[28]. Его германский прототип обозначал сперва выборного военного предводителя, славяне же восприняли его как титул правителя, наделенного сакральной властью, отчасти синоним для «владыки». Не исключены давние традиции соправительства сакрального «царя мира» и «царя войны» в славянском обществе.

На основе фольклорных данных можно заключить, что у славян значительную роль в ранней политической организации играли

воинские братства. У индоевропейцев они были связаны с тотемным «волчьим» культом. С представлениями о сакральном могуществе членов подобных союзов связаны общеиндоевропейские поверья о волках-оборотнях. В славянском фольклоре колдовские и оборотнические способности вкупе с отправлением тайных, опасных для непосвященных жестоких обрядов приписываются лесным воинским братствам бойников (позднейших збойников, разбойников). Насколько можно судить, в племенную эпоху такие воинские союзы сохраняли известную автономию от племенных структур, иногда даже противостоя им^[29]. Известный южным и восточным славянам миф о князе-волкодлаке (оборотне) отражает приспособление воинских братств к власти вождей, к «официальным» племенным институтам. Подобные ситуации зафиксированы в этнографии применительно к другим народам на сходной стадии развития^[30].

Власть вождя над племенем или племенным объединением осуществлялась посредством гощения — объезда вождем и его дружиной подвластных общин. С гощением связаны некоторые термины, касающиеся общинного устройства. Господин «гостеприимец» — обозначение представителя местной знати, принимавшего у себя гощение. Погост — место приема гощения, сакральный и административный центр общины или племени.

Отдельные племена постепенно объединялись в племенные союзы. Славянское название для таких объединений, промежуточных между «словенским языком» в целом и отдельными «родами», неизвестно. И это при том, что именно они в первую очередь и фигурируют в письменных источниках. Древнерусская летопись по политическому устройству именует их «княжениями»; возможно, что иного названия никогда и не было.

Такого рода союзом к концу праславянского периода являлось разнородное антское «королевство» Боза, занимавшее обширную территорию в готско-аланском пограничье. Как было отмечено выше, оно могло, в свою очередь, входить в объединение аланов-танаитов. Венеды (скорее всего, в пшеворском Повисленье), с которыми воевал Германарих, не были объединены в «королевство», хотя и осознаются как некое целое.

Культура и верования

О культуре праславян IV в. известно мало, хотя данных по материальной и духовной культуре пшеворского и Черняховского населения достаточно много. Невозможно сказать с уверенностью, какие элементы соответствующих археологических культур нужно связывать именно с праславянами.

Славянская культура V–VII вв. сложилась в обстановке различных внешних воздействий. На нее оказали несомненное влияние культуры соседних племен — балтских, скифо-сарматских, дакийских, германских, отчасти гунно-болгарских. Имело место и некоторое воздействие античной цивилизации. Следы всех этих влияний в той или иной степени ощущаются и в археологическом материале пражской эпохи, и в общеславянском языке.

Некоторые элементы общеславянской культуры позднейшего периода, несомненно, восходят к праславянской эпохе. Это касается, в частности, изобразительного искусства (например, формы орнамента). Отдельные такие элементы не могут быть прослежены археологически (деревянные изображения божеств «столбового» типа, устойчивые общеславянские сюжеты художественной вышивки). Ясно, что, как у большинства «варварских» племен, искусство несло сакральную, отчасти игровую функцию.

Древнейшей эпохой, без сомнения, датируется первоначальная жанровая дифференциация фольклора. К числу древнейших фольклорных жанров относятся обрядовая поэзия, заклинания, образный фольклор (пословицы, поговорки, загадки). С мифом, преданием и быличкой был тесно связан древнейший песенно-прозаический «былевой» эпос. Очевидно, что существовал и рассказ менее «достоверный», прообраз позднейшей сказки. К раннему периоду современная фольклористика обычно относит выделение животной сказки.

Письменности в собственном смысле слова у древнейших славян не было; согласно Храбру Черноризцу, до знакомства с иноземными алфавитами они пользовались «чертами и резами»^[31]. Эти знаки использовались и для передачи информации, и для гадания. Аналог «чертам» — линейные знаки на позднейших деревенских счетных бирках. «Резы» могут быть сопоставлены с условными значками резных календарей, доживших в сельской среде до Нового времени. Те же условные значки могли использоваться и как подписи^[32]. Они

представляли собой тип «рисуночного письма», пиктографии. Ближайшим аналогом позднему этнографическому материалу оказываются нанесенные на ритуальные сосуды календари Черняховской эпохи^[33]. Таким образом, этот способ сохранения информации сложился уже в праславянскую эпоху.

Достаточно хорошо можно представить религиозно-мифологические воззрения праславян. В значительной степени они восходили к балто-славянской и далее — индоевропейской эпохе^[34].

Возглавлял пантеон Небесный Отец, олицетворение неба и небесного света (балтский Диевас, славянский Див). Позднее у праславян происходит деградация этого образа. Ее можно связать с иранским влиянием^[35]. Древнеиранские дэвы, или дайвы, аланские дауаги считались младшим поколением богов. Славянское имя Див переносится, соответственно, на персонажей низших мифологических уровней. Функции верховного божества на какое-то время унаследовал Род, воплощавший идею родовой организации общества. Древнерусское «Слово о том, как поганые поклонялись идолам» говорит о почитании Рода и рожаниц «прежде» верховного бога Перуна^[36].

Супругой небесного бога, прародительницей богов и людей, считалась Земля-Мать (славянская Мать Сыра Земля, балтская Жемина). Она занимала подчас центральное место в пантеоне, будучи тесно связана с земледельческими обрядами. Со временем, еще у балтославян, ее супругом начинает считаться не Див-Диевас, а постепенно вытеснявший его в качестве верховного бога громовержец. Балтскому Перкунасу или Дундулису соответствует славянский Перун или Додол, Дундер. Это бог-воитель, покровитель воинов и племенных вождей, постепенно усиливавших свою власть.

Перун находился в центре нескольких восстанавливаемых современными исследователями^[37] мифов. Это миф о наказанной неверной жене громовержца (балтская Маря, славянская Мара), миф о «небесной свадьбе», где громовержец карал Месяц за супружескую измену Солнцу. Мотивы запирания вод, похищения скота, позже — жены громовержца являлись завязкой «основного мифа» о битве громовержца со змееобразным врагом (славянский Велес, Волос, балтский Веле, Велняс). Последний пользовался религиозным

почитанием как владыка подземного мира, покровитель колдовского знания и даритель богатств.

Култ Велеса у большинства праславян вначале преобладал над культом Перуна. Повсюду на северной славянской периферии «велесическая» традиция удерживалась долго.

У бантов как будто преобладает культ Перконса, но и почитание Велса сильно развито. Германская же, например, религия однозначно единическая. Один (Валль) — близкое соответствие Велеса-Велса. Почитание могущественного владыки загробного мира и создателя потаенного «ведения» в качестве «Всеотца» известно не только германцам, но и кельтам. Это, таким образом, древнеевропейское представление. При общей амбивалентности богов оно не противоречило культу громовержца, а у славян и позднее сохранялось лучше, чем у бантов.

К древнейшим небесным божествам относятся воплощения атмосферных явлений, Солнца (сперва в женском, затем у славян в мужском облике), Месяца. Воплощение утренней зари (балтский Усиньш, славянский Усень?) затем преобразилось в близнечный образ «детей Солнца». К древнейшему кругу мифических персонажей принадлежит также воплощенный Огонь. «Дочь Солнца» сменяет древнюю солнечную богиню в качестве невесты Месяца из мифа о «небесной свадьбе».

Почиталась также масса духов природы, человеческого жилья и т.д. Существовали поверья об «огненных змеях» — колдовских существах, приносящих в дом богатство, но угрожающих жизни и здоровью человека. Сильно распространен был издревле культ животных (как диких, так и некоторых домашних). Существовало поклонение деревьям (береза, дуб) и природным объектам (источники, камни).

Уже в балтославянский период оформилось в особый социальный слой жречество. Общее наименование его представителей производилось от глагола *ved*, «знать» — отсюда прусское *waidelotte*, славянские «ведун», «ведуница», «ведьма». В праславянском обществе выделялись собственно жрецы (значение слова связано с жертвоприношениями и ритуальной трапезой) и волхвы. Последним приписывались магическая премудрость и обладание особым, неясным для непосвященных «поэтическим» языком. Так и у кельтов имелось

деление на друидов (отправителей культа и хранителей священного знания) и филидов (хранителей традиции поэтической речи, колдовских умений и эпических сказаний). Помимо собственно жречества, в каждой общине имелись собственные заклинатели, знатоки обрядовых и иных традиций.

Глава первая.

СЛОВЕНЕ И АНТЫ

Славяне и гуннская держава

Гуннское нашествие и последующий уход кочевой волны на запад имели опустошительные последствия для Восточной и значительной части Центральной Европы. Это особенно проявляется с первых десятилетий V в. Остатки Черняховского населения сохраняются в V в. только в верховьях Днестра и Южного Буга, отчасти в Прутско-Днестровском междуречье и в Среднем Поднепровье. Здесь отмечено сближение черняховцев с балтской (или балто-славянской?) киевской культурой^[38]. Остроготы, значительная часть антов и степных аланов уходят вместе с гуннами или под их натиском в Центральную Европу.

Власть гуннской «державы» на востоке была непрочна. После ее распада, с середины V в., здесь прослеживается движение «киевских» племен на юг и юго-запад. Оно повлияло на формирование на месте черняховской культуры новой общности — пеньковской, связанной уже со славяноязычными антами VI–VII вв.^[39]

Что касается пшеворской культуры, то она в начале V в. прекращает свое существование. На значительной части ее территории долго отсутствовало постоянное население, за вычетом небольших групп потомков пшеворцев, доживших до славянского расселения конца V — начала VI в. Крупнейшая, добродзеньская на юге Польши — скорее германская по происхождению. Часть населения ушла под натиском гуннов на север, где начала складываться особая культура славянского облика.

Какая-то часть пшеворцев и черняховцев переместилась вместе с гуннами в центральные области новосозданной державы Аттилы в Паннонии и Западной Дакии. Здесь известиями греческого историка V в. Приска, побывавшего у Аттилы с посольством из империи, отмечено присутствие среди гуннов оседлого славяноязычного населения^[40]. Судя по этим сведениям, можно говорить о довольно далеко зашедшем своеобразном симбиозе. Это явление отразилось и в германско-скандинавском эпосе, где гунно-славянский союз против германцев становится одним из общих мест. Может, однако, рисоваться и обратная картина. В любом случае славяноязычное земледельческое население явно занимало в государстве Аттилы подчиненное

положение по сравнению с кочевниками — гуннами и аланами. Отличалось оно по своему статусу и от сохранявших в основном собственную политическую организацию германцев. Как и остатки романцев в Паннонии и Дакии, славяне в гуннской державе представляли собой особую социально-этническую группу кастового типа.

Именно в этих условиях происходит формирование собственно славян как особого этноса. Складывание нового славянского языка лингвисты относят к V столетию^[41].

Носители этого языка, в число которых первоначально не входили ни оставшиеся в Восточной Европе анты, ни жители северных польских земель, называли себя старым этнонимом «словене» — «говорящие». Применявшееся в зоне распространения пшеворской культуры для различения праславян от германцев (немцев, «немых»), это название и теперь несло ту же функцию, отделяя славян и от тех же «немцев», и от иноязычных кочевников, и от местного романского населения.

В подтверждение гипотезы о формировании славянского в узком смысле («словенского») этноса VI в. в пределах центральных областей державы Атилы можно указать на предание о дунайской прародине славян. Оно приводится в средневековых славянских памятниках — древнерусской Повести временных лет (начало XII в.), хрониках Богухвала (Польша, XIII в.) и Далимила (Чехия, XIV в.). Наибольшей цельностью и содержательностью отличается самая ранняя, древнерусская версия^[42].

Приведя ученое отождествление славян с придунайскими нориками, летописец Нестор повествует так: «По прошествии же многого времени [после библейского разделения языков] сели словене по Дунаю, где ныне Угорская земля и Болгарская. От тех словен разошлись по земле и прозвались именами своими... [далее перечисление племен, располагавшихся на территории Великой Моравии IX в.] Волохи ведь напали на словен на дунайских, и сели среди них, и чинили им насилие [далее описывается расселение славян на территории Польши и Руси]»^[43]. Западнославянские предания конкретизируют прародину на Среднем Дунае, в пределах тогдашнего Венгерского королевства (отождествлявшегося, заметим, в Средние

века с древней державой Атилы). Богухвал при этом говорит о «Паннонии», Далимил — о «Хорватии».

Здесь отразились исторические события первой половины — середины V в. Упоминание «волохов» — позднейшее наслоение, связанное с преданиями дунайских словен. Более раннюю (VIII в.) форму легенды дает «Армянская география», приписывающая захват исконных славянских земель «готам»^[44]. Сформировавшись как этнос в составе гуннской державы, славяне после смерти Атилы отчасти разделили судьбу ее создателей. Заметим, что основные места поселения могли быть на севере, в нынешней Словакии (прешовская культура, в которой к V в. появляется праславянский элемент). Известно о войне восставших германских королей против сыновей Атилы. В битве при Недао в 454 г. германцы нанесли поражение кочевникам и вытеснили их на восток. Часть гуннов осела близ низовьев Дуная, часть перешла на земли империи.

Под давлением победителей славяне были принуждены уйти вслед за гуннами на Нижне-Дунайскую низменность, с востока которой и начинается тогда распространение славянской археологической культуры «пражского» типа. Происходит это с середины V в., в годы крушения гуннской державы. Гунно-славянский симбиоз в том или ином виде еще сохраняется. Но среди подданных сына Атилы Динтцика, в 467 г. попытавшегося восстановить влияние гуннов в Среднем Подунавье, славяне или венеды, в отличие от германского племени ангискиров, не упомянуты.

Наиболее тесно связанная с гуннами часть славян тогда же последовала за теми из них, кто перешел на земли империи. Здесь славяне оставили о себе память в виде названий нескольких крепостей близ Наисса (ныне — Ниш) и Пирота — опорных пунктов империи на севере Иллирика^[45]. Можно заключить, что эти крепости были изначально заняты славяно-гуннскими гарнизонами с преобладанием или под началом славян. Есть и археологические следы пребывания славян в этих областях до начала VI в.^[46]

С середины V в. начинается расселение славян на север от Нижнего Подунавья вдоль линии Карпатских гор. Здесь жили племена культуры карпатских курганов, представлявшие собой подвергшееся лишь слабой романизации туземное дакийское население. Судя по материалам поселений на Буковине, славяне во второй половине V в.

местами жили вместе с ними, отчасти взаимно ассимилируясь^[47]. В этих восточнокарпатских областях и складывается пражская, или пражско-корчакская, культура, связанная со славянами (словенами) VI–VII вв.

С верховий Прута славяне, носители керамики «пражского» типа, расселяются в прилегающих областях бассейна Верхнего Днестра. Здесь еще жили Черняховские племена. Некоторое время черняховцы, судя по археологическим данным, сосуществуют с пришельцами, даже в пределах одних поселений^[48]. Другим местным субстратом являлись расселявшиеся на черняховских землях «киевские» племена^[49]. В результате смешения этих трех элементов в течение середины — второй половины V в. формируется пеньковская (пражско-пеньковская) культура. Она надежно связывается со славяноязычными антами VI–VII вв.

Третья группа славяноязычного населения оформляется в результате ассимиляции праславянами германцев и балтов на севере — в Великой Польше между Вислой и Одером. Эта группа сохраняла еще этноним «венеды», прилагаемый к ее потомкам германцами и прибалтийскими финнами. Во всяком случае, Иордан, перелагающий Кассиодора, сообщает о трех этносах, произошедших от древних венедов, — собственно венедах, словенах и антах^[50].

Из этих этнических групп только словене были носителями собственно общеславянского языка, сформировавшегося в V в. Анты и венеды, судя по имеющимся у нас отрывочным сведениям, говорили еще на диалектах праславянского. Однако из известий Прокопия и Иордана можно заключить, что все три племенные общности осознавали свое родство и единство языка. В целом с VI в. можно с уверенностью говорить о славянстве как этнической реальности.

После гуннского завоевания неизбежным было разрушение начатков политической организации. В пределах центральных областей гуннской державы статус праславянских политических институтов, если они вообще сохранились, существенно снизился. Как равноправные союзники гуннов с собственными «королями» во главе славяне выступают только в памятниках позднейшего германского эпоса. Однако на периферии — в антских областях и тем более у независимых северных венедов — политическая организация должна была пострадать меньше.

В Дакии и Паннонии в условиях симбиоза с гуннами, несомненно, сохранилась какая-то часть славяноязычной знати, быстро восстановившая свои позиции после падения державы Аттилы. То же самое произошло и со знатью ряда уничтоженных гуннами германских королевств (например, бургундов). С другой стороны, очевидно, что именно представители славянской воинской знати в первую очередь последовали за недавними союзниками на службу империи и осели в Иллирике.

Оформление известных в последующий период славянских племен и племенных объединений происходит начиная с конца V в., в условиях расселения славян в Восточной и Центральной Европе.

Первоначальное расселение словен

Первые письменные сведения о словенах восходят к концу V — началу VI в. В совокупности с археологическими материалами они позволяют очертить границы расселения славянских племен.

Особенно ценно свидетельство Иордана, опирающегося на полученную в начале VI в. информацию Кассиодора^[51]. Согласно Иордану, венеты (в широком смысле) живут вдоль северного — восточного (левого) склона Карпат на восток от Верхней Вислы. В том числе словенам отводится территория «от города Новиетуна и озера, которое называется Мурсианским, вплоть до Данастра и на севере до Висклы»^[52]. Днестр и Висла опознаются легко. Город Новиетун, по мнению большинства ученых, — римский Новиодун на Нижнем Дунае, в провинции Малая Скифия^[53]. Это соответствует археологической карте, на которой пражско-корчакская территория длинным языком протягивается вдоль левого (восточного) склона Карпат до низовий Дуная^[54]. Логика расселения словен — вдоль гор в северном и затем западном направлении.

Загадкой в этой связи остается «Мурсианское озеро» (у впадения Дравы в Дунай^[55]). В этом районе нет столь давних следов пребывания славян. Невозможно и предполагать какую-либо путаницу с нижнедунайскими областями. Наиболее вероятна следующая версия. Упоминание «Мурсианского озера» — исторический реликт, связанный с переходом в этом районе имперской границы группой славян, осевших во второй половине V в. в Иллирике, в округе Наисса. Возможно, кстати, у Кассиодора и шла речь об этом, а сокращавший предшественника Иордан неверно понял свой источник.

Более или менее надежно датируется V в. группа словенских памятников к востоку от Карпат — в Молдове (Костиш, Ботошаны), Буковине (Кодын, Гореча, Рашков и др.)^[56]. На большинстве этих памятников отмечено сосуществование славян с местным, отчасти романизированным, дакийским населением (прежде всего культуры карпатских курганов)^[57]. В начале VI в. в связи или с ростом численности словенского населения, или уже с расселением антов из-за Днестра этот процесс прервался^[58].

Из Буковины между верховьями Прута и Сирета расселение словен шло в последней четверти V в. двумя путями. Одна группа продолжила движение вдоль линии Карпатских гор, вскоре поворачивавших на запад, и достигла верховьев Вислы. Другая двигалась по изрезанной реками Подольской возвышенности на север, где словене вошли в первый контакт с антами. Миновав уже заселенные последними области Верхнего Поднестровья, словене по левым притокам Днестра вышли к Западному Бугу и осели по обоим его берегам. Иордан говорит о проживании словен в «лесах и болотах»^[59] — следовательно, они уже достигли болотистых областей Юго-западного Полесья и довольно прочно там обосновались. В верхнем течении Буга болота вплотную подступают к реке и отчасти переходят на левый, западный берег. Есть ряд указаний на то, что эти земли рано стали центром для дальнейших словенских миграций, так что упоминание Иорданом «болот» становится понятным. В описываемое время словене, судя по очерченным готским историком рубежам, уже заселяли междуречье Западного Буга и Вислы до впадения Сана и поворота Вислы на север, — юго-западную часть Волыно-Подольских возвышенностей. На западе словенское расселение достигло истока Вислы у оконечности Карпатских гор.

О словенах к западу от верховий Вислы Иордан (Кассиодор?) ничего не знает, что, впрочем, само по себе ни о чем не говорит^[60]. В политическом смысле эти земли действительно принадлежали еще германцам, а не словенам, хотя заселены были (особенно в северной части^[61]) крайне редко. Пражскокорчацкие находки, которые можно относить к V в., есть на поселениях (Иголомя, Хоруля, Страдув и др.) как в верховьях Вислы, так и на юге междуречья Вислы и Одры. В этих областях расселявшимся словенам встретилось родственное пшеворское население, немногочисленное и быстро ассимилированное^[62].

Стоит отметить, что пшеворцы, встреченные словенами, не обязательно сами относились к праславянскому этносу. В наиболее значительной позднепшеворской группе Южной Польши — добродзеньской — скорее всего, преобладали германцы. При этом праславянский элемент также имел место. На смешанных поселениях V в. пшеворцы жили в германских домах столбовой конструкции.

Помимо германцев, словене ассимилировали или вытеснили также гуннов, проникших на север в середине V в.^[63]

Продолжая движение по возвышенности вдоль Карпат, словене неизбежно должны были свернуть к югу и оказаться в долине Моравы. Здесь, в моравском Подолье, также есть славянские памятники конца V в. (древнейший славянский могильник Пржитлуки и др.)^[64]. В этой области словене встретили немногочисленное германское и романское население, быстро смешавшееся с пришельцами или ушедшее за Дунай. Этот процесс иллюстрируется, в частности, находками в поздних слоях древнего поселения Злехов^[65]. Война герулов с лангобардами и уход за Дунай большей части германцев Богемии (бойоваров, будущих баваров) создавали благоприятные условия для движения словен на запад.

Как уже говорилось, в сочинении Иордана об этих передовых группах расселяющихся словен на рубежах Паннонии нет ни намека. Зато о них знал основывавшийся на герульском предании Прокопий Кесарийский. Согласно ему, после поражения 494 г. герулы разделились на две части. Одни ушли к гепидам, а затем (в 512 г., по другому источнику) за Дунай, в римский Иллирик. Другая часть отправилась на свою северную прародину. Не совсем ясно, когда именно между 494 и 512 гг. и где (скорее всего, уже в землях гепидов) произошло это разделение. Зато четко сказано, что по пути на север из Паннонии или Западной Дакии герулам в первую очередь довелось миновать области, населенные словенами^[66]. Между землями словен и варнами (в Тюрингии или скорее в Саксонии), то есть к востоку от Эльбы и по Средней Одре, Прокопий в полном соответствии с исторической истиной помещает «обширную пустынную землю»^[67].

В ходе расселения происходило разделение словен на отдельные племена и племенные союзы. Кассиодор, перелагаемый Иорданом, говоря о славянах, оправдывался перед читателем: «Хотя теперь их названия меняются в зависимости от различных родов и мест обитания, преимущественно они все же называются славянами (Sclaueni) и антами»^[68]. Таким образом, латинский автор неплохо был осведомлен о славянских самоназваниях. Он знал об обеих моделях образования славянских этнонимов — по происхождению (на -ичи) и по месту жительства (на -ане,-яне и т.п.). Соответственно, обе эти модели уже существовали на рубеже V–VI вв. и использовались для

обозначения отдельных славянских (и антских) племен. В то же время словене осознавали общность своего происхождения и использовали термин «словене» как общее самоназвание. Это подчеркивают и позднейшие славянские хронисты^[69].

Русская летопись выделяет в отдельное племенное объединение, прежде всего, дунайских словен (дунайцев) на будущей территории Болгарского царства, включавшей и Мунтению^[70]. На раннем этапе «дунайцами» именовали себя словене, осевшие по Нижнему Дунаю, в Мунтении, и к востоку от Карпат, в Молдове и Буковине.

Западный Буг стал естественной границей между двумя другими группами словенских племен. Одна осела на правобережье (будущая Волынь) и двигалась вдоль реки на север в направлении полесских болот. Другая осела на западном, левом берегу реки (будущая «Червонная Русь») и быстро сомкнулась с соплеменниками, расселявшимися вдоль Карпат по направлению к Верхней Висле. С этим разделением следует связывать появление двух преданий о происхождении славян.

Одно предание, более ясное, сообщает арабский автор X в. ал-Масуди, располагавший сведениями восточнославянского происхождения. Согласно Масуди, «корнем из славянских корней» является племя волянян («валинана»), которому подчинялись все остальные славяне^[71]. «Воляняне» — позднее (с первой половины X в.) название племенного союза бужан. Это же последнее происходит от реки Буг. В древности на земле волянян, по Повести временных лет, жили дулебы^[72]. Данные топонимики в сопоставлении с археологическими позволяют сделать вывод, что дулебами именовалось первоначально все словенское население восточнее Западного Буга^[73]. Это нетрудно сопоставить с рассказом Масуди.

Дулебы — этноним западногерманского происхождения со значением «наследство умершего»^[74]. Слово могло быть заимствовано праславянами в пшеворскую эпоху. На каком-то этапе оно было осознано применительно к людям («потомки, наследники одного предка»). Его восприняли затем как кальку древнейшего славянского слова *śeďь, «чадь, домочадцы, потомки одного рода». Это понятие иногда употреблялось как самоназвание народа^[75]. Таким образом, «дулебы» стало самоназванием славянских племен, осевших на

правобережье Западного Буга. Бужане изначально являлись старшим племенем дулебской племенной общности. Позже они стали одним из входивших в нее племенных союзов. Славяне-дулебы, расселившиеся на восток от Волыни, связывали свое происхождение с бужанами (волынянами).

«Баварский географ» IX в. приводит другое предание о происхождении славян. Согласно его данным (несомненно, западнославянского происхождения), все славяне произошли из «королевства» (regnum) Zerivani^[76]. Оно завершает перечень племен Восточной Польши и прилегающих областей и всю первую часть сочинения. Убедительным является толкование этого названия как *Ѕъгѣѣ и отождествление червян с жителями «Червонной Руси»^[77]. Позже, в IX–X вв., на этих примыкающих к Волыни с запада землях жили лендичи (лядичи) или лендзяне (лядзяне). От последней формы происходит венгерское название поляка — lenguel.

Усеченный вариант этого же слова — «ляхи». Так издревле обозначали славян Польского королевства другие соседи — восточные славяне. Этноним восходит к практике подсечного земледелия и обозначает жителей местности, впервые расчищенной под пашню^[78].

Можно заключить, что второй центр словенского расселения образовался на противоположной бужано-дулебской стороне Западного Буга. Помещаемые здесь источниками племенные названия — червяне и лядичи / лядзяне. Они соотносятся так же, как названия бужан и дулебов. Разница в том, что местное имя бужан пережило на востоке общее имя дулебов. На западе же общим было как раз сохранявшееся дольше имя лядзян / лендзян (ляхов). На это указывает распространение слова «ляхи» как обозначения поляков в восточнославянских языках и венгерское lenguel. Кроме того, чешские значения lech, «начальник, землевладелец, старейшина» можно объяснить ляшским происхождением обитателей Чехо-Моравии. Объяснимы они и древними политическими связями (чешское lech, «поляк» заимствовано из древнерусского, как и в самом польском).

Племя червян на левобережье Западного Буга лидировало в племенной общности лендзян (ляхов). Позже имя «червяне» забылось, оставшись лишь в названиях города Червень и Червонной Руси. Западнославянские племена этой области именовались лендзянами, или лендичами. В то же время в языках соседей сохранялся и

расширительный смысл понятия «лендзяне» («ляхи»). Славяне-ляхи, расселившиеся на запад от Буга, считали своей прародиной древнюю землю червян.

Процесс расселения дулебов на восток от Буга относится в основном уже к VI в. Лендзяне же, двигаясь от Буга и вдоль Карпат, достигли, как мы видели, уже на рубеже V–VI вв. верховьев Вислы и местами перешли через нее, направляясь к Одре. Выделение из ляшской общности отдельных племен или племенных групп трудно проследить. Отчасти это связано с тем, что польские хронисты обратились к древнейшей истории страны только в XIII в., когда древние племенные названия забылись. Русская летопись называет только те ляшские племена, которые сохраняли значительную автономию в XI в. Тем не менее можно предположить, что в первом десятилетии VI в. уже обособилось племя вислян на Верхней Висле. Название этого племенного объединения IX в. доказывает, что ляшские словене впервые достигли Вислы именно в этом районе. Также ясно, что имя этой племенной группы возникло прежде, чем славяне продвинулись дальше на север.

В сложении племени, а затем племенной группы вислян приняли участие как славяне (включая пшеворцев), так и германцы, а возможно, и гунны. Археологически отмечено сравнительно плотное заселение района уже на рубеже веков.

Тогда же выделилась группа славян, осевшая на Мораве. Этноним «моравы, мораване» связан с названием реки. Первоначально так называлась вся травянистая низменность моравского Подолья^[79]. Мораване развивались отчасти автономно от племенного союза лендзян. Известие Кассиодора не позволяет считать территорией словен земли западнее Вислы — по крайней мере, в политическом смысле.

Итак, на рубеже V–VI вв. словене занимали уже обширную территорию. На юге, в Нижнем Подунавье, они вплотную подступали к рубежам империи. Впрочем, перед ними еще были обширные незаселенные или редконаселенные пространства. Пустовали Полесье, южные области древней Дакии, территории современной Польши, Чехии (древней Богемии), Словакии, Восточной Германии. В Паннонии и Западной Дакии располагались сильные королевства лангобардов и гепидов. Норик занимали подчинявшиеся остготам

ругии и бавары. Восточными соседями словен были гунно-болгарские племена в Нижнем Подунавье, и прежде всего — анты.

Первоначальное расселение антов

Антам рубежа V–VI вв. Кассиодор отводит территорию к востоку от словен, от Днестра до Днепра. При этом кажется, что южной границей их он полагает Черное море («там, где Понтийское море делает дугу, простираются от Данастра вплоть до Данапра»)^[80]. Это в целом соответствует распространению археологических памятников пеньковского (пражско-пеньковского) типа. В сочинении Кассиодора — Иордана говорится также, что анты «самые могущественные из них» (венедов)^[81], то есть сильнее или многочисленнее словен. В конце V — начале VI в. так оно и было, насколько можно судить по данным археологии и письменных источников.

Древнейшая и самая большая группа пеньковских памятников V в. располагалась в бассейне Верхнего Днестра. Существовавшие здесь поселения (Рипнев близ истоков Западного Буга, Бовшев, Демьянов на Днестре и др.) характеризуются постепенной сменой Черняховских элементов пеньковскими. С другой стороны, для поселений Рипнев, Бовшев и некоторых других в этом регионе (вплоть до притока Днестра Серета) характерно длительное сосуществование пеньковских и пражско-корчакских элементов^[82]. Это объяснялось географическим положением верхнеднестровских земель как связующего звена между районами расселения словен в Буковине и на Западном Буге.

Вторая, меньшая группа «промежуточных» черняховско-пеньковских памятников V в. расположена ниже по Днестру, за впадением Збруча (Сокол, Бакота). Здесь также наблюдается взаимодействие поздних черняховцев со словенами. Эти среднеднестровские памятники, соседящие с несомненными пеньковскими, иногда даже считают корчакскими^[83]. В полном согласии со свидетельством Кассиодора, антские поселения этого времени обнаруживаются только на левом, восточном берегу Днестра. Антов к западу от Днестра Кассиодор еще не знал. Их проникновение за реку в его время еще было незначительным.

Зато готский историк ясно отмечает движение антов к морю, вниз по Днестру. Надо, однако, отметить, что даже при наибольшем распространении пеньковской культуры анты, в отличие от древних

черняховцев, не селились непосредственно вблизи моря^[84]. Для данного же времени речь может идти о проникновении небольших, не закрепившихся еще на новых землях групп антов в не имевшее оседлого населения Нижнее Поднепровье.

В конце V в. уже произошло значительное продвижение антов на восток, в глубь лесостепных возвышенностей Восточной Европы. Возникли антские поселения в среднем течении Южного Буга (Куня и др.)^[85]. Продвинувшись еще дальше на восток, анты достигли Днепра и по меньшей мере в одном месте перешли реку. На левом берегу, за впадением Сулы, возникло пеньковское поселение Жовнин^[86].

Выше по Днепру анты обосновались на правобережье Среднего Днепра, в районе будущего Киева. О первоначально антском заселении Киевской земли свидетельствуют антропологический тип населения, восходящий к Черняховской эпохе, и длительное отсутствие здесь курганных погребений^[87]. В конце V — начале VI в. возникает первое поселение (быть может, уже укрепленное) на Старокиевской горе^[88]. Оно стало передовым форпостом антского расселения в Поднепровье, хотя уверенно начинать отсюда историю города Киева проблематично.

В Среднем Поднепровье антское расселение захватило южную область древней киевской культуры. Существуют разные точки зрения на степень участия «киевских» племен в сложении пеньковской культуры, но само это участие сомнений не вызывает. Особенно это касается пеньковских памятников VI в. на левобережье Днепра^[89]. Их основные культурные черты складываются в Поднепровье в конце V в., в процессе синтеза «киевских» и пришедших с запада элементов.

На основной территории киевской культуры в Подесенье и Верхнем Поднепровье к концу V в. на основе предшествующей сложилась новая колочинская культура^[90]. Высказывалось мнение о ее славянской принадлежности, связанное с гипотезой о славянской принадлежности и самих киевских памятников^[91]. Однако колочинская культура гораздо теснее связана с балтской культурой Тушемли-Банцеровщины в Верхнем Поднепровье и в прилегающих областях, чем с пражско-пеньковской. Влияние последней вполне объяснимо межкультурными контактами. В целом колочинская культура входит в восточнобалтскую культурную область^[92].

Кассиодор в полном соответствии с имеющимися у нас археологическими данными отводит балтам (эстиям) обширную территорию на северо-востоке Европы. Их южными (с учетом размещения венедов — юго-восточными) соседями он полагает акацир^[93], известных как гуннское кочевое племя. Очевидно, что колочинская культура и соответствует южному пределу эстиев, по Кассиодору. Границей между эстиями-колочинцами и акацирами была река Сейм, хотя колочинские памятники VI–VII вв. встречаются и между Сеймом и Сулой, и в верховьях Псёла^[94].

Восточными соседями антов были гуннские (тюркоязычные) кочевые и полукочевые племена. В верховьях Северского Донца и левых притоков Нижнего Днестра обитали акациры. К югу от них, в Тавриде и Приазовье, кочевали болгары, достигавшие в западных походах границ империи в Нижнем Подунавье. Дальше к востоку располагались кочевья савир и других гуннских племен.

Кочевников бассейна Днестра — акацир и болгар — сближала с антами общая аланская (и шире — Черняховская) основа их культуры. В лесостепной полосе аланы растворялись в праславянской среде, что и привело к сложению славяноязычной антской общности. В степи же аланские племена, иногда сохраняя автономию, вливались в гунноболгарские кочевые объединения, постепенно перенимали обычаи и язык пришедших с востока кочевников. Это привело к сложению степной болгаро-аланской культуры во многом на аланской основе.

Земли по Суле и Псёлу еще с Черняховской поры занимало племя или племенное объединение аланских кочевников с названием от основы *seu*, «черный». Они были потомками древних саваров^[95]. Это название отразилось в позднейших названиях славянского племенного союза северов и этнографической группы севруков (славянизированных потомков кочевников)^[96]. Эти аланы входили в состав гуннского племенного союза акацир.

Перейдя Днестр близ впадения Сулы, анты сразу же вступили в контакт с гунно-аланскими кочевниками. Присутствие довольно значительного числа алано-болгар отмечено на поселении Жовнин^[97]. Именно в Нижнем Посулье в результате смешения антов с местными аланами в начале VI в. сложилось антское племя северов. Это было именно небольшое племя, еще не продвинувшееся в глубь будущей

Северской земли. Основная ее территория была пока занята аланскими предками севруков и акацирами. Но возникновение племени северов следует все же относить ко времени, предшествующему миграции антов в придунайские области в первой половине VI в. Имя северов в VII–VIII вв. отмечено среди дунайских славян.

В контактной зоне между антами и акацирами возник и славянский этноним «хозирцы», упоминаемый «Баварским географом»^[98]. Произойти это могло также еще в начале VI в. Можно еще сопоставить упоминаемых тем же автором славян Zabrozi с названием другого гуннского племени — савир.

К раннему периоду сложения пеньковской культуры следует относить и другие славянские этнонимы в древнем антском ареале, в которых прослеживаются иранские корни. Прежде всего, это племенное название «хорваты» (*xъrvate), первоначально относившееся к жителям Верхнего Поднестровья. Это название было, по мнению ряда лингвистов, народной иранской формой этнонима «сарматы» (по происхождению индоарийского) — отсюда собственное имя «Хорват» в сарматской среде II–III вв.^[99] Первоначально алано-сарматы бассейна Верхнего Днестра называли себя так в отличие от славяноязычных переселенцев. Затем название стало обозначать уже племя или племенную общность славяноязычных антов, причем в контактной антско-словенской зоне. Последнее обстоятельство могло служить сохранению названия — анты как потомки сарматов противопоставляли себя словенам. В именовании прикарпатских хорватов «белыми», то есть западными, можно увидеть некую параллель со смыслом самого слова «анты». Белые хорваты — «западные, «внешние» («антские») «сарматы».

Еще один славянский этноним с иранским корнем — «тиверцы». В раннем Средневековье так именовались восточные славяне, жившие в Поднестровье. Название толкуется как «днестровцы» (от иранского названия Днестра) и, несомненно, возникло уже на славянской языковой почве^[100]. Но собственно славянское название реки — *Dъnestrъ — дако-фракийского происхождения, хотя в конечном счете также восходит к иранским языкам^[101]. Племенное имя тиверцев появилось в период, непосредственно следующий за славяно-иранскими контактами времен формирования пеньковской культуры. В ходе этих контактов одна из групп славяноязычных антов заимствовала

иранское название реки. Племя тиверцев, ставшее основой племенного союза, сложилось на южной периферии поднестровского антского ареала конца V в. — в районе поселений Сокол и Бакота. Оттуда анты двигались дальше вниз по Днестру, в районы позднейшего обитания тиверцев. Это название, соответственно, получило антское население Среднего и Нижнего Поднепровья.

К тому же периоду и к антам же восходит и ряд других славянских этнонимов неславянского происхождения. Σαυοῦδατα греческих авторов — название, скорее всего, тюркское, хотя и с иранской основой. Этимология Willerozi «Баварского географа» неясна, но почти наверняка неславянская, как и во всех названиях на -rozi/-рци. Изначально в числе антских племен должны были находиться и сербы. Название этого славянского народа берет свое начало в скифо-сарматских степях, где и упоминается античными авторами^[102]. Славяне-сербы, подобно хорватам, также издревле именовались «белыми». Первоначальная локализация всех этих антских племен нам неизвестна.

На рубеже V–VI вв. анты освоили практически всю территорию, еще занимавшуюся к середине V в. Черняховскими племенами. Отношения их с соседями в этот период первоначального расселения, судя по всему, были в основном мирными. Однако характеристика антов Кассиодором как «самых могущественных» все же наводит на мысль, что им доводилось мериться силами с соседями. Если поселение на Старокиевской горе конца V — начала VI в. действительно было укреплено, это может свидетельствовать о сложных отношениях с колочинскими племенами. С другой стороны, археологический материал свидетельствует о взаимопроникновении колочинского и пеньковского населения, затрагивавшем отнюдь не только приграничную полосу^[103].

Главную роль для антов этого периода, несомненно, играли контакты с кочевниками. Эти контакты были продолжением самого процесса формирования пеньковской культуры из симбиоза элементов славянских (пражских) и балто-славянских (киевских), с одной стороны, и полуиранских (Черняховских) — с другой. Соответственно, они носили на том этапе мирный характер. Материалы поселения Жовнин (как и ряда более поздних) свидетельствуют о мирном проживании алано-болгарских выходцев на антских поселениях;

кочевая культура оказывала существенное воздействие на пеньковцев^[104].

Тесные этнические контакты подразумевали и некие формы политических связей. После гибели державы Аттилы новая консолидация сил Степи начинается только с конца

V в. Центром ее стали области между Доном и Волгой, где разместилось мощное племенное объединение савир^[105]. Савиры были опасными противниками персидской державы Сасанидов, не раз беспокоившими ее кавказские границы. В савирское объединение входили хазары (акациры?), аланы, болгары (или какая-то часть тех и других).

В одном из набегов на владения Сасанидов в конце V в., если верить азербайджанскому автору XV в. Захир-ад-дину Мараши, участвовали и какие-то «славяне». Напав вместе с «хазарами» на Дербент, они были разгромлены сасанидским военачальником Джамаспом^[106]. Появление здесь «славян» вместо ожидаемых антов вполне объяснимо. На целое (славяноязычные племена) переносится более известное и единственно понятное позднему автору название части. Подобно этому и сами савиры у большинства мусульманских историков почти всегда, как и в данном случае, подменяются хазарами. Имя славян могло появиться у персидских авторов позже, с VI в.

Итак, если данное известие достоверно, оно свидетельствует о военно-политическом союзе антов с савирским союзом гуннских и аланских племен конца V в. (ср. Zabrozi «Баварского географа»). Мысль о вхождении антов непосредственно в этот союз опровергается и изолированностью факта, и ясным свидетельством сочинения Иордана об антах как могущественном и самостоятельном народе. Военнополитические контакты антов (и словен) с гуннским кочевым миром нашли свое продолжение в первой половине VI в., в ходе продвижения славянских племен на Балканы и войн с империей.

Движение к Дунаю

В первых десятилетиях VI в., позднее времени, отражаемого известиями Кассиодора, происходит расселение племен пеньковской культуры на запад от Днестра^[107]. Причины этого движения не вполне ясны. С одной стороны, оно могло быть следствием естественного расселения антов вдоль водных артерий — Днестра и Прута. Но в передвижение оказались втянуты и крайне удаленные от тех мест антские племена, в том числе одно из самых восточных — северы. Колочинская керамика найдена на поселении Рашков в Буковине^[108]. На движение антов повлияла активизация в Подунавье болгар. Их набеги на дунайскую границу империи становятся чаще с рубежа V–VI вв.^[109]

Прежде всего, анты заняли значительную часть Прутско-Днестровского междуречья. Районом наиболее плотного антского расселения и тогда остались земли в бассейне Верхнего и Среднего Днестра с прилегающей частью междуречья. Антское население (в основном хорваты) здесь абсолютно преобладало над словенским^[110]. На юге Среднего и в Нижнем Поднестровье возник в VI в. второй очаг расселения антов в регионе. Анты (тиверцы) осели на правом, западном берегу реки и по ее притокам (Реуш, Бык и др.). Реже встречаются антские поселения вниз по Пруту. Здесь обосновались отдельные разрозненные группы антов. У моря и дельты Дуная анты не селились^[111].

Основной поток западной миграции двинулся в уже занятые словенами земли Буковины, к югу от верховий Прута. Довольно плотно заселив эту область, анты тронулись вниз по Сирету, местами переходя реку. В итоге древнейшие словенские поселения Буковины и Молдовы (Рашков, Кодын, Гореча, Ботошаны) оказались смешанными по составу населения, антско-словенскими. Отдельные чисто антские поселения возникли в междуречье Прута и Сирета^[112].

В итоге своего продвижения по долине Сирета и вдоль Карпат на юг анты заняли довольно обширные пространства в древней Дакии — позднейшую Буковину, Молдову, северо-восток Мунтении (Валахии восточнее Олта). Они вышли к Дунаю немногим выше его дельты^[113].

Значительная часть этой территории (по крайней мере, на севере) была уже освоена словенями. Отношения между двумя группами славяноязычного населения в то время были мирными. Анты были более многочисленны и лучше организованы. Они без каких-либо конфликтов селились на словенских поселениях или чересполосно с ними.

Мирное совместное проживание словен и антов отмечено, прежде всего, на поселениях Буковины и Северной Молдовы (Кодын, Гореча, Каменка и др.). Некоторые из них, как уже говорилось, возникли как словенские еще до прихода антов. Словене расселялись вместе с антами и дальше на юг, в Подунавье, что отмечено в археологическом материале Мунтении. Корчакская и пеньковская керамика сочетаются в чуть более позднем могильнике Сэрата-Монтеору (северо-восток Мунтении)^[114]. В политическом плане более сильные анты, конечно, лидировали в этом симбиозе.

Родственные словене не оказали сопротивления антской миграции. Зато она натолкнулась на естественную враждебность местного романизированного дакийского населения, сосредоточенного в горных областях. С немногочисленными словенями дакийцы сосуществовали в основном мирно, но приход многолюдного, хорошо организованного потока переселенцев не мог не вызвать осложнений.

Отголоски преданий о враждебности «волохов» сохранились в Повести временных лет^[115]. Косвенным их подтверждением может служить восприятие славянами (именно в Дакии) мифологизированного образа римского императора Траяна. У румын Траян — эпический герой. Сербь же и восточные славяне восприняли его как враждебное божество подземного мира.

К 540-м гг. анты лучше других придунайских соседей империи были обучены навыкам войны в горной местности^[116]. Выработаться эти навыки могли только в Карпатах и в длительной борьбе с местными жителями.

Вместе с тем сопротивление дакийцев, хотя бы упорное и продолжительное, не могло быть организованным и действенным. Славянское (анто-словенское) расселение беспрепятственно продолжалось. Аборигенам, лишенным политической организации и давно брошенным империей на произвол судьбы, в итоге оставалось

только отступить в недоступные и ненужные завоевателям горы или смириться.

В последнем случае они могли оставаться на своих землях. Серьезной угрозы для антов подчинившиеся местные жители не представляли. Славяне воспринимали их в первую очередь как пастухов. Потому славянское название восточных романцев волохи перекликается с именем «скотьего бога» славян Волоса.

Острее всего конфликт проявился при первом приходе антов на Буковину. Недаром с начала VI в. совместное проживание аборигенов и словен на тамошних поселениях прерывается^[117]. Неассимилированные потомки создателей культуры карпатских курганов были вытеснены на юг или в горы. По мере продвижения антов дальше на юг, однако, напряженность между пришельцами и местными жителями спадала. На ряде поселений Молдовы и Мунтении (Ботошаны, Тырпешти и др.) совместное проживание словен и антов с волохами отмечено и в VI в.^[118]

Волохи, селившиеся со славянами, неизбежно включались в славянское общество и в политическом плане подчинялись антам и словенам. Скорее всего, именно это имел в виду ученый грек середины VI в., когда не без презрения говорил о «данувиях», что они «подчиняются и повинуются всякому»^[119]. Тот же автор (Псевдо-Кесарий) приписывает им воздержание «от обжорства» и даже вегетарианство^[120]. Это может быть отголосок каких-то повинностей данубиев, связанных с поставками скота антским и словенским племенам.

Особенно ярко симбиоз славянского и восточнороманского населения проявился в рамках культурной группы Ипотешти — Кындешти — Чурел (иногда выделяется в особую археологическую культуру). Ее основными создателями были словене, носители пражско-корчакской культуры. Увлеченные миграцией антов и отчасти смешавшиеся с ними, эти словене заселили земли немногим южнее и западнее основных земель сородичей — в Центральной и Северной Мунтении, местами приближаясь к Дунаю. Отдельные группы позднее продвинулись и дальше на запад, даже за Олт, в Олтению. Именно эта культура VI–VII вв. с преобладанием и возрастанием корчакского элемента, соответствует придунайским словенам, о которых говорят греческие авторы и русская летопись^[121].

Первоначально дунайские словене должны были входить в антскую племенную общность как некая автономная единица. Судя по некоторым типично «пеньковским» находкам (отдельные типы керамики, бронзовые пальчатые фибулы^[122]), анты жили на поселениях типа Ипотешти вместе со словенами, постепенно растворяясь в их среде.

Третьим этническим элементом культуры Ипотешти — Кындешти — Чурел было местное романизированное население. Рядом со словенами и смешивавшимися с ними антами в Мунтении проживало несколько более развитое в культурном и экономическом плане население, находившееся под воздействием имперской культуры Задунавья. Оно оставило большое количество керамики провинциально-римского типа, изготовленной на гончарном круге. С тем же элементом связаны некоторые находки византийского происхождения на памятниках этой группы. Часть находок можно объяснить пребыванием в среде славян VI–VII вв. пленников из Задунавья. Но количество и качество материала убеждает многих археологов в наличии на поселениях типа Ипотешти постоянного романо-дакийского населения. Оно мирно сосуществовало со славянами и оказывало на них разноплановое воздействие^[123]. Это явление было наследием традиций мирного сожительства словен и дакийцев в восточных карпатских областях.

Тесные контакты славянского и романского населения, длительное их совместное проживание подтверждают и языковые материалы. В общеславянском языке появился довольно мощный пласт заимствований из латинского, в том числе и более или менее явные восточнороманские диалектизмы. Выделяется группа терминов, связанных со скотоводством^[124], но, в общем, заимствования касаются разных областей хозяйства, быта, обрядности, социального устройства^[125]. В свою очередь, восточные романцы заимствовали у славян термины, связанные с земледелием и ремеслом (особенно деревообработкой)^[126], мифологические понятия (например, «вырколак» — оборотень, дух затмения).

Отдельные группы словен и антов уже в первой половине VI в. проникают в южные горные области позднейшей Трансильвании, входившие тогда в королевство гепидов. Это было мирное

проникновение небольших групп земледельцев. Пребывание славян отмечено здесь на гепидо-романском поселении V–VI вв. Братей^[127].

Славяне продвигались к Средне-Дунайской низменности и по другим направлениям. Две группы словен с верховий Сана и Днестра в VI в. пересекли Карпаты и обосновались в верховьях Тисы (будущая Подкарпатская Русь — Закарпатская Украина). Возникли, соответственно, две группы поселений — в районе Ужгорода и на самой Тисе (Чепа, Дяково). Здешние словене по материальной культуре были близки к северным сородичам, но имели и яркие особенности^[128]. Они явно смешались с местными жителями. Имеются некоторые, хотя и не прямые параллели с погребальным обрядом культуры карпатских курганов^[129].

Еще одна группа словен около того же времени продвинулась от Моравы в равнинные приречные области Юго-западной Словакии^[130]. Отсюда словене вытеснили немногочисленное оседлое или полuosедлое гуннское население — потомков подданных Атиллы^[131].

Другим направлением миграции из Поморавья в первой половине VI в. стал путь на нагорья, лежавшие к северо-западу. Словен, конечно, привлекали не горы, а пригодные для земледелия долины Влтавы и Огрже — левых притоков Верхней Эльбы. Двигались они сперва вверх по Йиглаве, притоку Моравы, а от ее истоков — по Лужнице и Влтаве.

Всех жителей этой страны, издавна именовавшейся Богемией по древнему кельтскому племени бойев, праславяне столь же издавна называли чехами (своеобразная калька племенного имени бойев со значением «ударяющие»^[132]). Подобно тому как германские племена маркоманов в Богемии приняли имя прежних ее обитателей (бойовары, бавары), первые словене, осевшие в стране, взяли себе имя чехов. Согласно чешскому хронисту Козьме Пражскому (первая четверть XII в.), первые чехи осели между впадениями Огрже и Влтавы, близ горы Ржип. В хронике Козьмы впервые приводится и предание о мифическом предводителе Чехе, якобы приведшем первых жителей в эту «обетованную страну», в честь чего они и дали ей имя вождя^[133].

Далимил (XIV в.) несколько дополняет легенду о Чехе, утверждая, что он был знатный изгой из «Хорватии» и имел шестерых братьев^[134]. Последний мотив отражает древнейшее деление чехов на «роды»,

затем разросшиеся в отдельные племена. Точное количество этих «родов», однако, определять на основе известия Далимила о семи братьях-родоначальниках невозможно. Семь — типичное «фольклорное» число.

Одно из древнейших словенских поселений чешских земель — Бржезно на Огрже. Оно возникло как германское. Словене пришли позднее и стали жить вместе с германцами. Германцы тесно контактировали со словенами, постепенно растворяясь в их среде^[135]. Столь же мирно шло расселение словен и в других районах древней страны бойев. Древние чехи расселились по Огрже и Влтаве, включая район будущей Праги. На территории города найден могильник, относящийся к первой фазе славянского расселения. Одно поселение уже в начале VI в. возникло далеко на севере по Эльбе, в ее междуречье с Заале^[136]. Германское население Богемии все сильнее редело: лангобарды переселялись в Паннонию, а бавары — в Норик. К середине VI в. славянскими считались не только области, примыкавшие с севера к лангобардской Паннонии и гепидской Западной Дакии, но и земли, граничившие с остготскими владениями в Норике^[137].

Хозяйство и быт

Основой хозяйства славянских племен в рассматриваемый период являлось земледелие. Конкретные его формы плохо прослеживаются по археологическому материалу. Однако можно предполагать, что в северной части расселения словен (Полесье, Южная Польша) преобладало подсечно-огневое земледелие^[138]. На более открытых и старопахотных местностях восточноевропейской лесостепи и дунайских низменностей анты и словене освоили переложное земледелие. С быстрым истощением земель в результате обеих этих форм ее эксплуатации (особенно подсеки) связаны частые перемещения словен и антов с места на место, о которых упоминает Прокопий^[139]. Истощение участка, эксплуатируемого по подсечно-огневой системе, происходило, по современным оценкам, спустя три-четыре года^[140]. В областях, прилегающих к Дунаю, анты и словене могли отчасти воспринять римскую агрикультуру и перейти к двуполью.

Из возделывавшихся зерновых культур следует назвать просо, мягкую пшеницу, овес, ячмень^[141]. На пахотных землях была возможность выращивать волокнистые культуры. Судя по языковым материалам, к таковым относились лен и конопля^[142]. Славяне выращивали также хмель, виноград, занимались огородничеством и плодоводством.

Основным орудием пахоты было рало. У словен, судя по отсутствию материальных остатков^[143], использовалось примитивное деревянное рало (орало). Древнейшее рало представляло собой цельное тонкое дерево с корнем, который превращался в ральник. Ствол дерева становился дышлом пахотного орудия; рукояткой могла служить вколоченная палка^[144]. Рало использовалось в основном на старопахотных землях. Издревле применялась также деревянная мотыга (*праслав.* *motyka, *кораśь^[145]). Двухзубую мотыгу иногда считают прототипом сохи^[146]. Это орудие могло использоваться и при подсечном земледелии.

Более развитой была конструкция антского рала. Анты вслед за древними черняховцами использовали рало с железным

широколопастным наральником с плечиками. По оценкам археологов, это было орудие типа позднейшего рала с полозом^[147]. На этом орудии (именно оно первоначально называлось «плуг») рукоятка была дополнена полозом, сделанным из цельного дерева.

В антской среде зародились и некоторые другие переходные к плугу формы рала. Наряду с безотвальным, только разрезающим землю ралом с полозом к таковым можно отнести рало (орало, плужницу, иногда именовалось «плуг») с отвалом и расширенным ральником^[148]. Оно еще ближе к плугу и появилось позже, в условиях совместных антословенских миграций.

К орудиям иного типа, но возникшим в тех же условиях относится рало с копыстью (деревянным брусом, вставлявшимся в дышло под углом 45°), на которую насаживался треугольный наральник без плечиков (позднейший сошник). Находки наральников без плечиков в антском ареале единичны^[149]. Для рала уже широко использовалась животная (конская или воловья) тяга.

Борона, применявшаяся для рыхления пашни, известна всем славянским народам. При подсеке и лесном перелогe борона служила для запашки сева «под соху». Ее архаичными формами являются срубленное дерево с ветками или его верхушка с подрубленными сучьями — суковатка. Общеславянский характер носит и более совершенное боронительное орудие — деревянная борона из четырехугольной рамы, трех продольных брусков и 25 деревянных же зубьев (продольно-брусовая борона)^[150]. Изучение эволюции древних боронительных орудий затруднено отсутствием их материальных следов.

Урожай и анты, и словене убирали железными серпами на короткой деревянной рукоятке, с округлым клинком и слегка загнутым внутрь носом^[151]. Наряду с ними использовались косы-горбуши с короткой деревянной рукоятью, которыми можно было косить на обе стороны. Такие косы найдены также и на антских, и на словенских поселениях. Использовались они, как полагают, в основном для сенокоса^[152].

Наиболее архаичные способы молотьбы — прогон скота, топтание ногами, околачивание снопов и т.п., на что указывает и этимология слова «гумно» («место, где скот [топчет снопы]»). В описываемый период применялось и хлестанье с помощью жердей-обивалок, и

обивание молотильными палками (прототипами цепа). Появляется еще в общеславянскую эпоху и собственно цеп, в котором рукоять (в рост молотильщика до подбородка) соединялась с билем сыромятным ремнем^[153]. На гумне происходило также веяние. Наиболее распространенный позднее и, несомненно, древний способ — веяние на ветру с помощью лопаты (первоначально деревянной, у антов отмечено наличие железных лопат^[154] на деревянной ручке).

На антских и словенских поселениях обнаружено большое количество хозяйственных сооружений. Прежде всего это хозяйственные и зерновые ямы (у словен хозяйственные ямы иногда непосредственно в жилищах)^[155]. У антов отмечены также хозяйственные наземные постройки с углубленным полом, изредка с очагами^[156]. Несомненно, среди этих сооружений есть предназначенные для сушения зерна (*праслав.* *jěvinъ, «овин»). Особое внимание в этой связи привлекают антские постройки с очагами (далекий прототип ямного овина, где снопы для просушки ставили в надземной части). Чаще всего зерно сушили прямо на гумне, за пределами поселения. Хранили же обмолоченное и просушенное зерно в зерновых ямах. У антов для той же цели могли служить и некоторые из наземных сооружений, хотя и у них преобладал способ хранения в ямах.

Для помола зерна применялись исключительно ручные жернова из камня (*праслав.* *mělnica, *mělnikъ)^[157]. Они представляли собой два соединенных диска с изогнутой сверху рабочей поверхностью, приводимые в движение деревянным рычагом, укрепленным с верхней стороны в отверстии^[158].

Наряду с земледелием значительную роль в хозяйстве славянских племен играло скотоводство. Основное место в стаде занимали крупный рогатый скот и свиньи^[159]. Разводили также коз и овец (последних в основном в прилегающих к степи антских областях и на Дунае). В стаде их процент был значительно меньше^[160]. Сложнее определить удельный вес лошадей. Малое количество конских костных остатков на поселениях связано с тем, что их разводили не на мясо. Представляется несомненным, что конь имел огромное значение для антов (находки культовых изображений коня, конского седла, удила)^[161]. У словен роль лошади была значительно меньше.

Скот держали в открытых загонах или специальных сооружениях — хлевах. Праславянское слово *xlevъ (заимствование из германских языков) первоначально обозначало углубленное, ямного типа сооружение с сеновалом. Такие обнаружены, например, на территории Польши в Ленчице^[162].

Несомненно, распространено было птицеводство, хотя указывают на это почти исключительно языковые материалы. Основной домашней птицей у славян издревле была курица.

Для добывания известного праславам с древнейших времен меда требовалось определенное развитие бортничества. Археологически проследить его практически невозможно.

Охота играла в хозяйстве меньшую роль сравнительно с производящими отраслями. На долю костей диких животных приходится на пеньковских и корчакских поселениях порядка 10–16% костных остатков. Меньше роль охоты была в лесостепных антских областях, больше — в лесной зоне^[163]. Основным объектом охоты был кабан (на поселении Рипнев — более 91% от костей диких животных; в Бржезно — единственное дикое животное)^[164]. Охотились на волков, медведей и других животных. Псевдо-Кесарий упоминает о «лисах и лесных кошках»^[165]. Не существовало четкого разграничения между животными, добываемыми на мех и в пищу, хотя в основном из дичи в пищу шел кабан. Из птиц охотились в первую очередь на тетерева^[166]. Занимались славяне и рыбной ловлей, чему благоприятствовало проживание у водных артерий.

Поселения словен и антов практически всегда располагались на берегах рек и ручьев^[167]. Кассиодор писал о словенах, что «леса и болота заменяют им города»^[168] — служа защитой от врагов. Та же тенденция использования естественных укреплений прослеживается и у антов^[169]. Собственно же укрепленные грады в описываемый период встречаются очень редко (Зимно у словен, Пастырское городище у антов) и несут особую социальную функцию.

Возникали поселения по двум основным схемам. Одну можно наблюдать на примере таких поселений, как Кодын, Гореча, Бржезно, а также смешанных антско-словенских. Здесь пришлое население подселялось к прежним обитателям, строя собственные дома. Вторая схема представляет собой земледельческую колонизацию неосвоенных

земель, хорошо известную из этнографического материала. Первоначально присматривался участок под земледельческие работы — займище, на нем образовывался жилой двор — починок. Затем починок разрастался в собственно сельское поселение, именовавшееся «весь»^[170]. Термин же «село» изначально обозначал «все заселенное [общинной] пространство» и прилагался как к крупным поселениям, так и группам («гнездам») поселений.

Первоначальное, часто кратковременное поселение, жители которого занимались подсечным земледелием, могло состоять всего из одного-двух домов. При них размещалось ямное хранилище. Такую картину мы наблюдаем, например, в Хоруле^[171].

Размеры поселений увеличивались со временем. Поселения словен занимали первоначальную площадь в среднем около 5,5 тыс. м², затем их размеры увеличиваются до в среднем 8,5 тыс. м².^[172] В антских землях поселения были крупнее. Некоторые не превышают размером ранних словенских (Пеньковка-Молочарня в Поднепровье — 3500 м²). Другие соответствуют по размерам поздним (поселения Прутско-Днестровского междуречья). Но площадь антских поселений Подолии — в среднем около 1,5 га^[173], что намного превышает не только средние, но и максимальные словенские примеры. Количество одновременно существовавших домов на всех поселениях — от 5 до 25.^[174]

У словен преобладает кучная, часто бессистемная застройка селищ. Широко засвидетельствована она и у антов. Отдельные жилища при такой планировке располагались на значительных расстояниях друг от друга. Но часто выделяются группы жилищ (расстояния между жилищами в группе от 1 до 10–15 м), далеко отстоящие от других групп (расстояния между группами от 10 до 100 м)^[175]. Именно кучную застройку описывает Прокопий Кесарийский. Он объясняет обширность территории, занимаемой словенами и антами, разбросанностью их поселений и жилищ^[176]. Наряду с кучной была распространена рядовая застройка, при которой жилища располагались двумя рядами вдоль берега реки. Расстояние между домами при этом могло даже превышать расстояние между рядами жилищ. Рядовая планировка чаще встречается у антов, но отмечена она и у словен^[177].

Поселения часто огораживались плетнем или подобной ветхой оградой. Неровный плетень на вбитых через 1–0,1 м столба ограждал Ленчицу V–VI вв.^[178] На площади поселений, кроме домов, располагались хозяйственные сооружения, иногда огороды, насаждения кустарников и лозы.

Преобладающий на антских и словенских поселениях конца V — первой половины VI в. тип жилища — правильная четырехугольная полуземлянка^[179]. Именно их имеет в виду Прокопий, говоря, что словене и анты «живут в жалких хижинах»^[180]. На праславянском языке эти жилые строения и обозначались терминами *domъ («дом» вообще), *хузъ, *хусъ (последние два заимствованы из германского). Площадь полуземлянок невелика — у словен в среднем около 10 м² (хотя есть и большие, достигающие 25–32 м²). У антов средняя площадь больше — от 12 до 20 м² (но в Шипоте в Молдове отмечены полуземлянки площадью около 7,5 м², а в Пастырском — около 9 м²). Поздние антские жилища отличаются и большими размерами. Антские полуземлянки также чуть более углублены (0,3–1,2 м против 0,2–1 м у словен). Впрочем, и у словен изредка встречается глубина более 1 м, а на периферии отмечены даже землянки до 3,2 м в глубину^[181].

Стены жилищ были деревянными. У словен преобладали бревенчатые срубы, наряду с ними иногда встречались срубы из плах. Иногда плахи прижимались к стенам котлована столбами^[182]. У антов первоначально преобладала столбовая конструкция стен, сложенных из стояков и жердей, переплетенных лозой. Ее можно считать местной. Со временем начинает распространяться срубная техника. Так же как у словен, отмечены единичные случаи использования для стен прижатых к стенкам котлована плах^[183]. И корчакцы, и пеньковцы иногда обмазывали стены домов глиной (на Пастырском все дома)^[184]. Это можно связать с воздействием жилых кочевнических глинобитных построек (такие найдены на антском поселении Жовнин^[185]). Во всяком случае, праславянское слово *xata, обозначавшее позже глинобитные или обмазанные глиной дома «украинского» типа — заимствование из иранских (сарматских) языков^[186].

Кровли полуземляночных строений были двускатными, у антов изредка — четырехскатными (также кочевническое или колочииское^[187] воздействие). Кровли опирались на столбы по углам и

в середине стен, изредка (что соответствует четырехскатной кровле) — в центре жилища. Делались они из плах (словенские поселения), жердей (антское поселение Перебыковцы). Конек двускатной крыши изготавливался из бревна. У антов крыша также иногда обмазывалась глиной. Наземные части более углубленных полуземлянок присыпались землей для утепления^[188].

Наряду с полуземлянками в процессе расселения словен в прикарпатских областях начинают строиться наземные дома. Обозначающий отапливаемый наземный срубный дом термин — *jъstьba, «изба» — заимствован из романского, причем ближе к восточнороманским диалектам^[189]. Это указывает на вероятное место появления таких домов — Закарпатье, где смешение словенских и романизированных туземных элементов зашло достаточно далеко. Здесь строили наземные срубы площадью 15–20 м² с котлованом для печи в центре. Площадь котлована (собственно «избы») при этом совпадала с традиционной площадью полуземлянки — от 8 до 10 м². Другое местонахождение наземных домов словен первой половины VI в. — городище Зимно^[190].

Основным элементом внутреннего интерьера славянского жилища была печь-каменка (реже глиняная). В полуземлянках печи располагались в углу, противоположном входу. Положение печи, как и позднее, имело сакральный смысл (по диагонали от нее был красный угол с домашними святынями) и потому четко выдержано. Так, на всех поселениях «гнезда» Корчак печи расположены в северо-восточных углах, на поселении Бржезно — в северо-западных. Сходная ситуация на ранних антских поселениях. Глиняные печи встречаются гораздо реже каменок^[191].

В Карпато-Дунайских землях местное воздействие определило особенности интерьера. У антов к западу от Днестра (Шипот и др.) над печами-каменками сначала преобладали простые очаги, обложенные камнями. Очаги, а также печи, вырытые в стенке полуземлянок, отмечены на поселениях типа Ипотешти^[192]. В Закарпатье глиняные печи располагались в центре изб^[193].

Печи-каменки обычно были прямоугольными, реже подковообразными в основании, под имел округлые формы. Такая печь занимала порядка 2400–3500 см², а в высоту — до 65 см (чаще

меньше). При строительстве нижней части печи использовались камни больших размеров, чем для верхней. Под, расположенный всегда на уровне пола, мог выкладываться каменными плитами. Иногда (чаще у пеньковцев) для укрепления свода печи наряду с галькой и черепками использовались глиняные вальки; глиной мог мазаться и под^[194]. Глиняные печи больше каменок (0,8–1,7 м² в основании при практическом совпадении площади топочной части и высоты). Они делались на материковой основе, вырезанной в полу жилища^[195].

Другие элементы интерьера прослеживаются гораздо хуже. Ясно, что вход в жилище располагался обычно с южной стороны. В жилище вела земляная, реже деревянная лестница^[196]. У стен располагались деревянные лавки с вкопанными столбиками-опорами или земляные выступы с настилом, служившие сиденьями и лежанками. В ряде случаев в жилищах обнаруживаются небольшие ямы-хранилища, иногда рядом с печью^[197].

Утварь изготавливалась в основном из дерева и иных растительных материалов. Это относится и к средствам переноски тяжестей, которые и позже были в основном деревянными (ведра) или плетеными (корзины). Археологически устанавливается наличие глиняной посуды. Это почти исключительно горшки, изредка встречаются глиняные миски и сковородки^[198]. Гончарная керамика (горшки, кувшины, миски ипотештинского и пастырского типов) имела локальное распространение^[199]. Из других предметов обихода чаще всего встречаются железные ножи длиной 5–10 см, во множестве найденные на поселениях и в могильниках^[200].

Существенную роль в хозяйстве играли домашние промыслы. Это, прежде всего, обработка дерева, орудия которой (топоры, тесла, долота, токарные резцы и др.) найдены на словенских и антских поселениях^[201]. Наконечники стрел, гребни вырезали из кости^[202].

Лепная керамика изготавливалась в каждой семье вручную, с последующим обжигом в домашней печи^[203]. Посуда не отличалась разнообразием. Корчакский тип представлен горшками, расширяющимися в верхней трети и слегка сужающимися в горлышке. Пеньковские типы — вытянутые, подобно корчакским, горшки с расширением в средней части и близкие к ним округлой или биконической формы. Орнамент отсутствует или очень беден.

Использовалось глиняное тесто с примесью дресвы, песка и шамота^[204].

К числу важнейших домашних промыслов относились прядение и ткачество. Для прядения использовались деревянное веретено с глиняными пряслицами, для ткачества — вертикальный (в антских областях уже и горизонтальный) ткацкий стан. Ткань представляла собой, по оценкам современных исследователей, тонкое полотно с прямым переплетением^[205].

Итак, изготовление утвари и одежды являлось почти исключительно домашним промыслом, специализированным разве что внутри большесемейного коллектива. Гончарная керамика изготавливалась мастерами иноплеменного происхождения. Ясно, что они ревниво оберегали секреты своего ремесла, обеспечивавшего определенный социальный статус^[206].

Работа с металлом требовала наличия и длительного сохранения определенных навыков и уже издавна носила характер специализированного ремесла. Особое место в этой связи занимало кузнечное дело. В славянском мифологизированном сознании образ кузнеца окружен легендами и поверьями. Кузнечное дело народные верования связывали с обладанием тайным знанием и сверхъестественной чародейской силой. Ключевой «кузнечный» миф — о происхождении самого кузнечного ремесла от мифического героя и правителя Сварога (или Божьего Коваля — змееборца из позднейших преданий)^[207]. Судя по этому мифу, кузнечное дело у славян считалось ремеслом знати.

На словенских и антских поселениях найдены углубленные железоплавильные горны, кузница (на Пастырском городище). Сырьем для железоделов служили болотные руды. Освоение их месторождений происходит в течение V–VI вв., даже на северо-западной периферии. Кузница представляла собой крупное прямоугольное строение (28 м²) из дерева, обмазанное глиной, с каменной печью и с наковальней в северо-восточном углу. Рядом с наковальней хранились инструменты кузнеца — кувалда, молоток, большие и малые клещи, зубило, ножницы для разрезания металла^[208]. Из железа делались и орудия труда, и оружие (наконечники стрел и копий), и предметы обихода.

Несколько более узкой была сфера применения цветных металлов (серебра, бронзы, меди). Это было связано с почти полным

отсутствием местного сырья. Зачастую шли в переплавку привозные предметы. Довольно значительны следы бронзолитейного производства^[209]. Мастерская антского бронзолитейщика (поселение Хуча) представляла собой небольшую (чуть более 6 м²) прямоугольную полуземлянку. В ней хранились орудия труда (тигли, глиняная льячка; на других поселениях обнаружены также формочки, чаще из камня). Глинобитная печь для плавки металла располагалась на площади поселения^[210]. Из серебра и бронзы изготавливались преимущественно украшения. Литейное и ювелирное дело также были специализированы, хотя и менее распространены, чем кузнечное.

На поселениях и могильниках найдены также разноцветные стеклянные бусины. Преимущественно они обнаружены в придунайских областях^[211]. Неясно, можно ли говорить о местном стеклоделии. Отчасти к специализированным ремеслам, отчасти к домашним промыслам относилось камнерезное дело (изготовление каменных жерновов, литейных форм и др.).

Обычной одеждой словен и антов, насколько можно судить из известия Прокопия, были «хитон», «плащ», «штаны, прикрывающие срамные части»^[212]. О славянском (по крайней мере, антском) «хитоне» мы можем судить по литым статуэткам мужчин из Мартыновского клада. Их одежда напоминает славянскую позднейшего времени, известную из этнографического материала. Рубахи туникообразного покроя имеют широкую вставку с вышивкой (рисунок которой опять же близок к общеславянскому), прямые рукава стянуты тесемкой на запястьях. Воротника нет, как и в позднейшей рубахе-голошейке. Длина рубахи ниже пояса сравнительно невелика^[213].

Важнейший, имевший сакральное значение элемент одежды издавна представлял у славян пояс. Имеется немало находок металлических частей поясов (пряжки, бляшки из бронзы, серебра и железа, нередко фигурные). На ногах мартыновских фигурок облегающие штаны, доходящие до щиколоток, и остроносые башмаки или сапоги^[214].

Упоминаемый Прокопием плащ (точнее, тривоний — грубый, «варварский» плащ, аналог позднейшего корзна) изредка застегивали металлическими фибулами и пуговками, а чаще стягивали обычной

тесьюмой^[215]. Это был плащ без рукавов, широко распространенный в Средние века. Другим видом мужской верхней одежды, судя по металлической статуэтке из Требужан, был короткий кафтан с глубоким вырезом на груди — нечто типа кожуха^[216]. Для изготовления верхней одежды (в том числе неизвестной нам для того времени с достоверностью зимней) использовались меха и шкуры диких животных, но в первую очередь овчина^[217].

Неизвестны нам и головные уборы славян того времени. Мартыновские статуэтки показывают, что анты, как позднейшие словаки и украинцы Карпат, отращивали длинные волосы. Карпатские горцы в историческое время заплетали отросшие волосы в несколько кос^[218]. Отращивались и волосы на лице — усы и борода издревле считались признаком мужественности. Славяне пользовались теплыми головными уборами из меха и кожи лишь зимой.

О женской одежде в письменных источниках данных нет. Женщины носили более длинный (до колен и ниже) «хитон», а также пояс и остроносые сапожки. Антские женщины застегивали накидку на плечах (оплечье?) пальчатыми фибулами. Словенки чаще пользовались для этого тесьюмой. Женский головной убор был близок позднему кокошнику, включал в себя серебряные налобные венчики и наушники. К головным уборам крепились височные кольца разных типов, подвески. Из украшений известны также серьги, части ожерелья-монисто (бусы, швейные обручи), браслеты^[219]. Издревле славянские женщины носили длинные волосы, заплетавшиеся в косу.

За своей внешностью славяне, естественно, следили меньше, чем цивилизованные граждане империи. Но вопреки Прокопию^[220], славяне издавна придавали большое, в том числе сакральное, значение ритуальным омовениям^[221]. Как раз около описываемого периода было заимствовано из народной латыни слово *ban'a, «баня»^[222].

О пищевом рационе этого периода можно только догадываться на основе языковых и сопоставляемых с ними этнографических данных. В пищу употреблялись хлеб из кислого (*xleбъ) и пресного (*krixъ) теста, разного рода ритуальные и праздничные мучные изделия, крупяные каши. Для употребления в пищу возделывались овощи, выращивались или собирались ягоды, фрукты. Из напитков к числу

древнейших относятся квас, мед («вместо вина», по словам Приска^[223]), пиво.

Разнообразна была животная пища — молочные продукты, яйца, мясо и рыба. О потреблении мяса можно судить также и по археологическому материалу, и по письменным источникам. В пищу шло мясо как домашних (говядина, свинина, козлятина, редко конина), так и диких животных (в основном кабана), птицы. Употребление в пищу волчатины и медвежатины происходило редко, будучи связано с древним ритуалом поедания тотема ради восприятия его силы.

Передвигались славяне в основном пешком. Среди антов была, как уже говорилось, больше распространена верховая езда. Использовались и четырехколесные возы на воловьей или лошадиной тяге. Реки славяне могли пересекать вброд, по льду или на плотках. Для плавания по крупным рекам применялись лодки-однодеревки (*праслав. *сьлнъ*; у греков именовались моноксилами). По морю славяне в первой половине VI в. еще не плавали.

Военное дело словен и антов характеризует Прокопий. Согласно ему, словене и анты нападают преимущественно пешими^[224]. Отдельные упоминания о конных отрядах в первой половине VI в. могут быть связаны с антами^[225]. Вооружение их составляли небольшие деревянные щиты, копья и луки со стрелами. Доспехов не было^[226]. Наконечники копий и небольших дротиков, судя по археологическим находкам, делались из железа, стрел — из железа и кости^[227]. Меч (*праслав. *тежь*) был известен, но как чужеземное оружие^[228].

Прокопий отмечает особое умение антов вести войну в горной местности^[229]. С другой стороны, и словене, по его словам, неохотно спускались на равнину^[230]. Тот же автор не раз отмечает умение словен нападать из засады и заставить врага врасплох^[231]. Говорит он и о доблести, проявляемой антскими воинами в бою и содействующей их победам^[232]. Дальнейшее развитие военной тактики славян происходит в течение первой половины VI в. (особенно в 540-х гг.), в ходе нападений на Восточную империю.

Семья и община

Основной ячейкой славянского общества была большая семья. С большими семьями следует связывать группы домов (по два и более) на поселениях, отстоящие друг от друга на значительное расстояние. На поселениях таких групп чаще всего две-три, но иногда больше. Наряду с делокализованными (живущими в нескольких домах) большими семьями имелись и семьи, живущие в отдельных домах. Так, на поселении Корчак IX выявлена группа из пяти домов и отстоящие от нее два отдельных дома. На других словенских поселениях иногда встречается разбросанное положение жилищ, не образующих групп^[233]. С большими семьями связываются также коллективные курганные усыпальницы и группы захоронений в грунтовых могильниках (таких как Сэрата-Монтеору)^[234].

Строение большой неразделенной семьи хорошо изучено по славянскому этнографическому материалу. Большая семья включала несколько брачных пар и объединяла родственников до третьего от родоначальника поколения. Проживавшая, как правило, в одном доме «отцовская» большая семья могла превратиться в «братскую». Последняя проживала в нескольких домах и включала семьи женатых братьев до второго от них поколения. Она уже представляла переходную форму от большой семьи к патронимии. В отличие от «отцовской» семьи, где функции главы переходили от отца к сыну, в «братской» главой считался старший из здравствующих братьев, и власть его была меньше. И «отцовская», и «братская» семья коллективно владела имуществом, занималась производством и потреблением продукта^[235].

Древним славянам были известны как «отцовские», более консолидированные, так и «братские» семьи. По мере разрастания «братской» семьи от нее могли отделяться новые, «отцовские». Так и произошло на поселении Корчак IX. В собственности семей находились орудия труда и его конечный продукт.

Глава семьи — старший мужчина — обладал широкой властью над членами семьи, вплоть до судебной, был хранителем традиционного семейного уклада. Он же руководил хозяйственной

деятельностью мужской части семьи и отчасти работой женщин вне дома, представлял от имени семьи в общине. Велика была роль и старшей женщины (не всегда супруги главы семьи). В ее ведении находилось домашнее хозяйство; она могла быть советчицей старшего мужчины. В коллективном ведении семьи в той или иной степени находились вопросы вступления в брак младших членов, распоряжения имуществом.

Иерархия внутри семьи зависела от возраста и семейного положения. В наиболее зависимом положении находились сироты, младшие вдовы, а также снохи. Имущественные права женщин и сирот, как правило, были в той или иной степени ущемлены. Так, в «братских» семьях в случае выделения сирот отцовская доля имущества делилась ими с его братьями. Дочь могла иметь имущественное право только на приданое своей матери. В то же время старшая женщина, овдовев, сохраняла свое положение^[236].

Следующей ступенью в славянской общественной организации была патронимия («род» в самом узком смысле), образовывавшаяся в результате разрастания первоначальной большой семьи. Значительная часть славянских поселений описываемого времени соответствует именно патронимическим общинам.

Этнографическими преемниками древнеславянской патронимии являлись южнославянский род и белорусское дворище (древний термин для патронимии или отдельно проживающей большой семьи). Судя по этим поздним формам, патронимия изначально располагала правом коллективной собственности на землю и вела общую хозяйственную деятельность. Глав у патронимии не было, хозяйственные и правовые проблемы (распределение продукта между семьями, разбор конфликтов между членами патронимии и в исключительных случаях семейных разладов) решались сообща^[237]. О совместном ведении хозяйства в пределах патронимии свидетельствует и археологический материал^[238].

На словенских и особенно антских поселениях отмечено проживание отдельных семей явно иноплеменного происхождения. У древних славян существовал обычай приема в патронимический коллектив фактически не принадлежащих к нему людей.

В то же время некоторые селения занимались как минимум двумя патронимиями, часто разноплеменными и даже разноязычными,

связанными свойством или ритуально-правовыми узами. Как показывает история славянского заселения Карпато-Дунайских земель, такие коллективы могли и в дальнейшем мигрировать совместно.

С совместным оседанием двух патронимий связано и появление правильной двухрядной застройки на многих пеньковских и некоторых корчакских поселениях. Стихийно формирующаяся кучевая застройка больше соответствует разрастанию селения из первоначального семейного двора. Из большесемейно-патронимической структуры наверняка выбивались «грады» вроде Пастырского и Зимно с их разноплеменным населением.

В плотно заселенных славянами областях небольшие поселения, занятые одной-двумя патронимиями, объединяются в «гнезда». У словен «гнездо» поселений тянулось на 2–5 км и включало обычно три-четыре веси, отстоящие друг от друга на 300–500 м. У антов на их старопахотных землях больше и количество селений в «гнезде» — от 5 до 10, и расстояние между ними — до 2 км, и протяженность «гнезд» — до 7 км. Не вызывает сомнений вывод, что каждое «гнездо» представляло собой территориальную общину^[239].

Такая община могла образовываться и в результате разрастания и почкования изначальной патронимии^[240], и путем сближения соседних патронимий. Эти два пути отражаются и в терминах, прилагавшихся древними славянами к общинам — «род» и «мир». Последний термин как раз и обозначал общину, основанную на дружественном соседском согласии и связанную, как правило, свойством между вошедшими родами-патронимиями. Те же два пути отражены и в двух способах образования древнейших славянских местных (и этнических) названий. Названия на -ичи отражают идею происхождения от общего предка, то есть разрастания общины или племени из патронимии. Названия, оканчивающиеся на -ане, -яне, -цы (по месту проживания), отражают территориальный принцип формирования общины или племени. Он преобладал на территориях со смешанным этническим составом населения — например, в прикарпатских областях и в целом у антов.

Община считалась верховным собственником и распределителем земли, могла организовывать коллективные работы. Общинный характер носили и основные религиозные обряды. Высшим органом общинной власти было вече, производившее подушное распределение

земли^[241]. Оно же разбирало конфликты между патронимиями, а при необходимости и внутри их. В этом общинном сходе участвовали главы семей, а с правом совещательного голоса — все женатые мужчины (мужи). При среднем количестве 6–7 весей в «гнезде» и 2–5 семей в веси ясно, что количество участников общинного веча с правом решающего голоса едва превышало 20–30 человек.

В основе решений веча лежали нормы обычного права. Наиболее распространенной уголовно-правовой категорией была у древних славян кровная месть (*праслав.* **тъсть*). Ею еще в историческое время карались убийство, изнасилование и серьезное членовредительство^[242]. Смертью исстари карался и привод в общину преступника в качестве гостя^[243]. Вместе с тем немало указаний и на то, что община могла заменить смерть изгнанием, если речь шла о преступлении внутри самой общины и тем паче внутри патронимии. Изгой, впрочем, лишался всех прав и объявлялся вне закона. По сути, изгнание было лишь отсрочкой смертного приговора и слабым шансом выжить. Община, приютившая преступника, отвечала за его преступление^[244]. Смертью или тяжким увечьем грозило обычное право и клятвопреступнику (на что есть прямые указания в фольклоре и самих клятвенных формулах).

«Обиды» (в том числе преступления против собственности) карались тяжкими, иногда до смерти, побоями, но уже тогда могли быть прощены за откуп^[245]. Факт совершаемого в дневное время преступления против собственности (а часто и иного) удостоверялся «криком» потерпевших^[246]. Самосуд над преступником на месте преступления, увечье и даже убийство, совершенные в целях самообороны, преступлениями не считались вовсе, во всяком случае, к числу тяжких не относились^[247]. В случае неочевидности какой-либо вины применялась судебная процедура, включавшая клятвы, испытания тяжущихся, иногда колдовские обряды. Клятва, как правило, требовала поручительства^[248]. Среди испытаний упоминаются поединок, испытания каленым железом и водой (утоплением), в зависимости от преступления или юридической ситуации^[249]. Высоко ставилось свидетельство очевидцев, причем они должны были свидетельствовать не «со слуха»^[250].

Общины объединялись в племена. Они могли возникать вследствие разрастания первоначальной общины (в том числе патронимической) и потому именовались также «родами» (и «мирами?»), но чаще «коленами». Последний термин употреблялся в славянской книжности для связанной общим происхождением части этнического целого (например, «двенадцать колен Израиля») и соответствует понятию «племя» в его современном смысле. Названия племен также образовывались по двум названным выше моделям. Но здесь уже наблюдается чередование (например, лендзяне / лендичи). Оно отражает естественное размывание идеи общего происхождения и в целом патронимических представлений на уровне племени и тем более группы племен. Даже если они реально происходили от общего предка, что бывало нечасто. Так, запрет на внутриродовые браки мог еще «работать» на уровне территориальной общины. Но для разросшегося из патронимии племени он был вреден и подлежал безусловному ограничению^[251].

Небольшое племя, сформировавшееся на основе территориальной общины, представляла собой группа поселений в районе Корчака. В нее входило 14 поселений (весей), объединенных в несколько «гнезд», расстояние между которыми — от 3 до 5 км^[252]. Расстояния между ближайшими «гнездами» весей у антов — от 10 км^[253]. Территория, охваченная властью племенных институтов (прежде всего общего веча), издревле именовалась «волостью». О делении словен и антов на множество племен сообщает Прокопий Кесарийский^[254]. Племя являлось верховным собственником и распределителем угодий — в основном неземледельческих (луга, леса)^[255].

В результате «почкования» или сближения племен внутри антской и словенской этнических общностей возникли устойчивые племенные группы. Такой группе из двух-трех широко расселившихся племен соответствует состоящая из четырех десятков поселений культурная группа Ипотешти. Более обширными локальными группами внутри единой словенской общности стали племенные объединения на правом (дулебы) и левом (ляхи) берегу Западного Буга. Анты были несколько более монолитны в географическом, культурном и политическом отношении.

Религия

Каждое славянское поселение имело свой сакральный центр, который мог считаться местом обитания сверхъестественного покровителя — духа-предка или божества. Подобные объекты могли помещаться в священных рощах^[256]. В такой роще мог располагаться и примитивный «храм» (*праслав.* *хогъ), об облике которого мы можем судить только по этимологии слова^[257] и отдельным мотивам славянского прикладного искусства. Это было небольшое, устремленное вверх сооружение шатрового типа из древесных материалов или даже простой материи с естественным столбом — деревом — в центре. Священное дерево (береза, дуб или иное) в таком «храме» служило главным объектом поклонения. Оно считалось вместилищем божества и одновременно символом Мирового древа — сакрального центра мира.

Более развитое, открытое святилище VI–VII вв. изучено близ пеньковского поселения Городок. Основную часть святилища составляла ровная каменная прямоугольная площадка 3,45 м². На ней в древности устанавливался деревянный идол. Перед площадкой, с востока, в углублении возжигался священный огонь^[258].

Верховным богом славян Прокопий называет «создателя молний». Его анты и словене якобы считают «единым владыкой всего»^[259]. Несомненно, что здесь имеется в виду Перун (Додол) — высший бог, повелитель грома, известный в древности всем славянам. В пантеон входили и другие боги, греческому автору оставшиеся неизвестными. В их числе была, прежде всего, Земля (Мать Сыра Земля), сопоставимая с супругой громовержца — Додолой, Перуной^[260]. Почитались Огонь, Ветер, Солнце, Месяц.

Светлым земным и небесным богам противопоставлялись божества подземного мира. Велес (Волос) — противник громовержца в «основном» змееборческом мифе и покровитель скотоводства. Мора (Мара^[261]) — мифологическая неверная жена громовержца, олицетворявшая болезни и смерть. К этому ряду древних потусторонних персонажей иногда относят и Бадняка, «старого бога»,

воплощение косности и хаоса^[262]. К древним божествам или духам относится также известный всем славянам олицетворенный Мороз.

Довольно сложен вопрос о почитании у славян судьбы. С одной стороны, образ божества Рода (Суда) и связанных с ним рожаниц (рожениц, наречниц, судениц), предрекающих судьбу новорожденного, — общеславянский^[263]. С другой стороны, по Прокопию, славяне не признавали «предопределения» («по крайней мере, в отношении людей» — любопытное дополнение, указывающее на рок богов, известный и в германских мифах). Они считали, что злую судьбу может отвратить Перун^[264]. Как представляется, это является ключом к пониманию отношения славян к судьбе — сама по себе судьба существует, но человек может «исправить» дурной рок молитвой к высшему божеству. Род и рожаницы не только воплощали судьбу, но и считались покровителями родового коллектива.

Этнические процессы IV–VI вв. привнесли некоторые изменения в славянский пантеон. Прежде всего, речь идет об алано-сарматском влиянии. В зоне тесных контактов со степными народами сформировался образ Сварога (имя заимствовано из арийских языков и связано с образом солнечного неба^[265]). Позднее он известен большей части славянских племен вплоть до Балтийского моря. Сварог выступает как первый кузнец, выковавший первое орудие пахоты из железа, герой-змееборец, сближаемый до полного тождества с Перуном^[266]. Он становится также связующим генеалогическим звеном для целого ряда божеств. Его сыновьями считались Солнце (позже велетский Радгост Сварожич, древнерусский Дажьбог Сварожич) и Огонь (Огонь Сварожич в Древней Руси; ср. Огнян, брат Солнца в южнославянском фольклоре). В этом же ряду оказываются и Дети Солнца — мифологические близнецы (Усени?) и «Солнцева Дева» — обманутая невеста Месяца из мифа о небесной свадьбе и жена сказочно-эпического героя.

Дальнейшее продолжение родословного ряда составляли уже земные носители высшей власти и сакрального знания, вожди славянских племен. Отсюда мифы, в которых Сварог, или «Божий Коваль», становится первым правителем и отождествляется с основателями конкретных «княжений» (такими как волынский Радар и Полянский Кий^[267]). Миф о Свароге и божественная родословная формировались параллельно с развитием институтов власти. Новые

религиозные представления влияли на социальные процессы и, в свою очередь, отражали их.

Любопытно, что антагонистом Сварога в его змееборческом мифе становится Троян^[268] — персонаж, заимствованный около того же времени. У славян герой романского эпоса в результате переосмысления имени слился с трехглавым божеством подземного мира и в этом качестве вошел в пантеон. Само это трехголовое божество тождественно Велесу. Поморский Триглав — изначально только эпитет Велеса, балтийским славянам под своим именем неизвестного. Подобно всем остальным подземным божествам, Троян теперь представлялся и в обличье змееобразного чудовища.

Из кочевнической религиозной традиции пришли в славянский пантеон еще два божества. Они, однако, почитались лишь в пределах древних антских земель. Это Хоре (отождествляемый с Солнцем^[269]) и Семаргл (или Симаргл; бог войны, представляемый в облике птицы^[270]). Скорее всего, оба божества были восприняты в ходе контактов антов с алано-болгарскими кочевниками в VI или уже в VII в.

Помимо богов, славяне почитали различных персонажей низшей мифологии. Прокопий говорит о почитании «рек и нимф»^[271]. Здесь отражена древнейшая форма почитания водоемов, при которой они персонифицировались. Не вполне ясно, имеются ли в виду здесь именно водяные «нимфы» типа греческих наяд. В любом случае представляется, что греческим нимфам ближе всего соответствуют славянские вилы или дивы — духи источников, лесов и гор в женском (дивы иногда в мужском) облике^[272]. Они были известны позднее всем славянам.

О «некоторых иных демонах» славян, упоминаемых далее Прокопием, мы можем судить по языковым материалам и отчасти русским поучениям против язычества. Прежде всего, почитались враждебные злые демоны (упыри, бесы) и противопоставляемые им духи-хранители берегини. Существовали поверья об огненных змеях, способных сожигать человека. Ураган воплощали духи-оборотни юды^[273]. Верили славяне и в призраков (мар). Страх перед духами мертвых (именовались манами, а также навями^[274]) отразился в обрядах их задабривания. Болезнетворный дух (сперва отвечавший

за болезни дыхательных путей?) звался «нежитью»^[275]. Сюда же примыкали существа вроде «духов-двойников» (*праслав.* *namestьnikъ, «заместитель»^[276]).

Наряду с представлениями о загробном мире бытовали и поверья о переселении душ предков в животных. Сохранялись и другие пережиточные формы тотемных верований. Мифы и обычаи, связанные с почитанием животных, были довольно распространены у славян. Выше уже говорилось о возможных следах обряда поедания тотема (волка и медведя) у словен с целью восприятия магической силы членами воинских братств. С ними же нужно связывать общеславянские представления об оборотнях (волкодлаках).

С религиозными представлениями была тесно связана мифологизированная картина мира. За пределами известной славянам земли (в основном ограниченной на первых порах Доном и Дунаем) их сознание помещало «иной», потусторонний мир, воспринимаемый иногда как прародина людей. Представления о верхнем (небесном) и нижнем (подземном) мире еще были развиты довольно слабо — позднейшие их вариации у славян почти не содержат исконных общих черт. Однако само трехчастное деление вселенной, несомненно, уже существовало. Сакральным центром и связующей осью мира мыслилось древо (иногда дуб), растущее на острове посреди моря. Море воспринималось как часть потустороннего мира. Довольно долго оно внушало страх стремившимся селиться на всхолмьях у рек земледельцам.

В мифологической картине мироздания находилось место и другим народностям тогдашней Европы. В соответствии с общей для первобытных мифологий тенденцией они воспринимались как существа, отчасти принадлежащие «иному» миру, не «настоящие» люди. К таковым словене и анты с полной уверенностью относили, пожалуй, лишь друг друга, балтов, а также в какой-то степени германцев. Последние в славянских преданиях воспринимаются как «братья»^[277], но, с другой стороны, всегда — как немцы, «немые» в противовес словенам, «говорящим». Со светлыми силами ассоциировались (по крайней мере, у родственников им антов) аланские кочевники — об этом можно судить хотя бы по заимствованиям имен богов.

Романцы (волохи), напротив, связывались с богом загробного мира, антагонистом Перуна и покровителем скотоводства Волосом-Велесом. Отождествляемый с ним Троян мог мыслиться и покровителем «греков». Несмотря на отношения симбиоза, славяне восприняли от восточных германцев представление о гуннских кочевниках как потомках демонических сил, «бесовых детях»^[278]. Впрочем, у антов, для которых болгары были ближайшими родичами на общей аланской основе, это представление едва ли было принято.

Основным способом отправления культа было жертвоприношение. Обряд этот совершался как по установленным празднествам, так и по особым случаям. Прокопий сообщает, что существовал обычай обещать Перуну («богу») жертву в искупление жизни в случае болезни или выступления на войну^[279]. Жертвы приносились всем почитаемым славянами божествам и духам. Жертвоприношения низшим духам («рекам и нимфам» и т.д.) сопровождалась гаданиями^[280], что находит параллели в позднейших обычаях славян. Обряд жертвоприношения включал принесение жертвы с молитвой (обряд обозначался *праслав. *modlitva*^[281]) и жертвенной трапезой с участием жреца (собственно «жертва»).

В жертву приносились животные, а также продукты земледелия или растительные яства в глиняной посуде. Часть приносимого сжигалась на костре перед святыней, а часть составляла жертвенную трапезу. Перуну приносили в жертву преимущественно быков, но и других животных^[282]. У славян долго сохранялся древний индоевропейский обычай сезонных человеческих жертв Земле. Жертва воспринималась как заместитель сакрального правителя^[283]. В описываемый период обряд как бы искупал бесчинства княжеской дружины в период зимнего гощения. После убийства ритуального «князя» — заместителя из числа дружинников — появлялся настоящий князь, символизировавший в данный праздничный момент воскресшее божество плодородия (Перуна-Сварога?). На вражеской территории члены воинских союзов производили кровавые «посвящения» пленников и захваченного скота своим богам или духам^[284]. В славянском фольклоре отразился обряд «строительной» жертвы — животной или человеческой.

У славян существовали представления о сверхъестественной магической силе отдельных людей. Первоначально способность к магии (чарам) связывалась с определенной социальной функцией. «Вещестью» в разной степени наделялись служители культа, племенные вожди, члены воинских братств, ремесленники (во всяком случае, кузнецы и гончары^[285]), сказители.

С магией сближалось в народных представлениях занятие медициной. Славянское зелейничество, восходящее к широким познаниям в области лекарственных растений и иных целебных средств, существовало издавна. В описываемый период уже были люди, специализировавшиеся на целительстве^[286].

Понятие «вещести» включало в себя способность к магии, оборотничеству, предсказанию судьбы, общению с «иным» миром. Колдовские действия осуществлялись путем разного рода обрядов и заклинаний (заговоров). Некоторые же магические обряды проходили с участием обычных общинников, хотя и под руководством вождя или служителя культа. К таким обрядам относились, например, опахивание села во время мора, вызывание дождя, календарные ритуальные действия. В каких-то ритуалах использовались сохранившиеся в археологическом материале небольшие глиняные «хлебцы»^[287].

Традиционная духовная культура

О календарной обрядности древних славян V–VI вв. судить трудно. Одна часть названий календарных праздников не является общеславянской, другая — воспринята в ходе балканской миграции, то есть в основном в течение VI столетия. Элементы ритуалов, отдельные обрядовые тексты имеют явные черты сходства, но в целом варьируются у разных славянских народов. Все же на основе этих сходных черт^[288], а также пиктографических календарей с Черняховских сосудов^[289] можно охарактеризовать календарную обрядность славян, сложившуюся у их предков еще в IV в.

Календарь обычного года состоял из 12 месяцев по 30 дней каждый. Следовательно, уже произошел переход от древнейшего лунного календаря (с которым связан смысл славянского слова «месяц») к лунно-солнечному с какой-то формой високоса. Месяцы издревле, хотя и не вполне четко, объединялись в четыре или два времени года. Год начинался с начала весны или с условно определяемого дня зимнего солнцестояния.

К новогоднему циклу праздников, соответственно, принадлежали дни зимнего солнцестояния и встречи весны. Они сопровождались разжиганием ритуальных огней и гаданием на будущий год. Сюда же относилось ритуальное сожжение Карачуна (Бадняка), позднее воплощавшегося «рождественским поленом». При проводах зимы подводились все итоги прошедшего года. Производилось принятие молодоженов во «взрослую» возрастную группу и посрамление тех, кто не вступил в брак в положенное по обычаю время (в первую очередь, впрочем, девушек). В период контактов с романцами обряды встречи нового года и весны стали зваться колядой — от латинского *calendae*, «первый день месяца»^[290]. Отмечалось по крайней мере первой ритуальной пахотой начало пахотных работ весной. Выгон скота на пастбище тоже сопровождался празднованием.

Центральными праздниками годового цикла были летние. В июне отмечались праздник, посвященный плодоносящим силам земли и день летнего солнцестояния (встреча лета). Последний завершал неделю, связанную, скорее всего, и с поминовением умерших, и с

выбором суженых. Со времени балканской миграции, по аналогии с латинскими днями поминовения умерших — розалиями, этот шестидневный цикл стал именоваться русалиями. Оба июньских праздника также сопровождались разжиганием священных огней. Обрядовый цикл летнего солнцестояния был связан с ритуальными омовениями. В июле праздновали в честь громовержца Перуна, принося моление о прекращении гроз накануне сбора урожая. Тогда-то и производилось главное жертвоприношение быка. Центральные обряды всех летних праздников справлялись в священных рощах.

К числу древнейших осенних празднований относился день последнего снопа, посвящавшегося божеству. Изначально он совмещался с проводами лета. По общеславянским народным представлениям, лето (или весна) и солнце на зиму «замыкаются» далеко на юге, в потустороннем мире. Их «отомкнут» с началом новогоднего цикла по зову («выкликанию») людей.

На декабрь приходился период древних общеевропейских «волчьих» ритуалов^[291]. Эти действия, представлявшие собой ритуальный обход племенных земель, совершались членами воинских союзов в течение всего месяца.

Руководили обрядовыми действиями общинные жрецы и главы семей обоих полов. Основной же движущей силой празднования внутри общины была молодежь, не вступившая в брак. Почти все обряды календарного цикла сопровождались пляской с пением (*праслав.* *jьgra, откуда «игра», «игрище»). Важную роль в обрядах играли ряженные члены ритуальных союзов, по происхождению тождественных воинским братствам^[292]. Эти «игрецы», обходившие в ходе празднества все общины племени^[293], одаривались всеми участниками ритуала — в обязательном и даже принудительном порядке.

В осенне-зимний период, свободный от земледельческих работ, обычно заключались браки. Славянский род (в узком смысле) был экзогамен — браки заключались только за его пределами. Отсюда устойчивый образ жениха как чужака в славянском фольклоре. Экзогамии патронимии соответствовала эндогамия общины или, по крайней мере, племени, что служило укреплению внутриплеменного единства. Нарушение как экзогамных, так и эндогамных установлений приравнивалось к бесчестному совокуплению без брака. Виновному

мужчине грозила кровная месть (если речь шла о человеке из другого рода) или изгнание. Смерть или позор в зависимости от воли семьи и общины могли быть суждены в этом случае и девушке^[294].

У славян допускалось многоженство^[295]. Вряд ли, однако, в описываемый период оно было широко распространено. Существовали отдельные, в основном ритуальные, пережитки многомужества и группового брака^[296]. Но к VI в. эти формы в основном, конечно, отошли в прошлое. Допускалось вступление в повторный брак. Развод производила община в случае бездетности супругов^[297].

Выбор суженых внутри эндогамного коллектива происходил, как уже говорилось, в ходе летних празднеств. Он был достаточно свободен. Но община могла оказать давление на молодежь путем как прямого принуждения, так и разного рода обрядовых манипуляций. Впрочем, такое принуждение было направлено не столько на выбор пары, сколько на само по себе вступление в брак.

Сделанный выбор в идеале требовал общинной и семейной санкции, оформленной в ходе сватовства родителей жениха. Однако это могло быть обойдено путем умыкания невесты. Умыкание, судя по русским летописям^[298], происходило по уговору с «жертвой» (нередко и с ведома ее семьи) непосредственно на летних «игрищах», «у воды». Этот обычай был довольно широко распространен. Впрочем, увоз девушки за пределы эндогамной общности с неизбежностью влек за собой внутри- или межплеменной конфликт.

Гораздо шире была распространена «чинная» свадьба, основанная на договоре сторон — родичей жениха и невесты. Договор мог нести черты «брака-купли» — тогда жених вносил выкуп за невесту (вено), хотя бы символический^[299]. Но больше был распространен и лучше сохранился другой вариант, при котором договор сопровождался принесением обета, ритуальным обменом дарами, а невесте давалось приданое. При такой свадьбе вено и представляло собой, как иногда полагают, «утренний дар» жениха невесте^[300].

Древнейший свадебный ритуал славян, как полагают, носил отчасти уксорилокальный (сосредоточенный на территории невесты) характер^[301]. Достоверно мы можем судить лишь о том, о чем говорит в связи с полянами русская летопись: «Не ходил жених за невестой, но

приводили ее вечером»^[302]. Это, судя по позднейшей этнографической сохранности, и являлось древнейшей формой обряда.

При такой форме первое формально-обрядовое «знакомство» молодых (их первая совместная трапеза, игровое опознание или поиски невесты и пр.) происходило еще до свадьбы, после заключения договора между семьями. В свадебный день охранительные и магические ритуалы над молодыми, их одевание, обрядовое омовение происходили порознь. Тщательнее, чем жениха, готовили к свадьбе невесту — ведь она уходила в чужой род. К вечеру от жениха прибывали за невестой. Древнейшая форма ритуала понятна лучше с учетом того, что в VI–VII вв., как правило, жених и невеста жили в разных селениях. При отъезде из селения невесты происходило одаривание остававшейся части ее родичей. С приездом в селение жениха молодые встречались, и происходил ритуальный обход местной родовой святыни — дерева, кустарника или источника. Отсюда позднейшие выражения типа «вкруг ракитова куста венчаться», означающие языческий обряд (ср. «свадебное дерево» у чехов)^[303]. В доме жениха проходило свадебное пиршество, главным угощением которого считался ритуальный хлеб — каравай (коровай). Веселье прерывалось на постельный обряд (укладывание жениха и невесты), а затем продолжалось до «совершения» брака.

За свадьбой следовало возвращение жениха с невестой в ее родовое гнездо. Здесь молодые жили до вступления на празднества новогоднего цикла в новую возрастную группу. Для молодой супруги это было прощание с родным домом, а для ее мужа пребывание на подчиненном положении в семье жены служило своеобразным посвятельным испытанием.

Обряды, связанные с рождением ребенка, не сохранились в первоначальной форме и подчас сильно разнятся у славянских народов^[304]. К числу древних элементов ритуала, несомненно, относятся пережитки кувады (ритуального подражания мужа рожавшей женщине). Считалось, что всякая «завязь» затрудняет роды, потому в доме распускались все узлы, роженице расплетали волосы. При родах и сразу после них принимались различные охранительно-магические меры, призванные скрыть сам факт рождения ребенка от враждебных духов. Большое значение в ритуале придавалось перерезанной пуповине и особенно «рубашке», если ребенок рождался

в ней, — «рубашка» считалась признаком будущих сверхъестественных дарований. При рождении давалось условное имя, лишь позднее заменявшееся настоящим. Завершался этот обрядовый цикл первым омовением ребенка и совершением охранительных обрядов уже над ним. Большую роль в ритуале играла повивальная бабка.

В случае тяжелой болезни младенца совершался обряд «перепекания» — как бы нового рождения. Ребенка клали на лопату и трижды всовывали в теплую печь. Ритуал тесно перекликался с древнейшими посвятельными обрядами, также представлявшими «второе рождение»^[305].

О возрастных группах у славян судить сложно. Эпос обозначает в качестве граней 7, 10, 12 и 15 лет^[306]. Отрезок от 7 до 12 лет предстает как период обучения и воспитания. В воспитании мальчика ключевую роль играл дядя по матери (вуй; ср. слово «дядька») — мальчик на каком-то этапе отправлялся жить в материнский род. Именно вуй нарекал ребенку его «истинное имя» в ходе посвятельных обрядов или ранее^[307]. В воспитании девочки соответствующую роль играла сестра отца. Впрочем, в обережных целях для наречения ребенка могли пригласить первого встречного. В тех же целях давались имена с негативным смыслом (типа Тугарин).

Славянские имена делились на три группы. Одну составляли заимствованные, германского или кочевнического происхождения, в VI в. распространенные в основном у антов. Вторую — значащие односоставные имена (типа Сваруна). Их носили большинство словен и антов. Третью группу составляли двусоставные имена. В описываемое время такие имена, связанные с представлением о сакральном могуществе, носили племенные вожди. В охранительных целях такие имена могли усекаться (например, Добрята — от имени с Добр-) или заменяться родовыми прозвищами-титулами сакрального смысла (как Мусок / Маджак, Кий и др.)^[308].

Основные посвятельные обряды, связанные со вступлением во взрослую жизнь, совершались в возрасте 12 лет. Этот возраст считался у древних славян совершеннолетием.

Древние, плохо сохранившиеся посвятельные обряды представляли собой серию суровых испытаний, которым дети подвергались в изоляции от общины жрицей (ведьмой),

символизирующей богиню-мать в ее «гневно», кровожадном обличье. Эти ритуалы нашли частичное отражение в мифологическом образе Яги. В той же роли мог выступать и жрец-ведун^[309]. Следовало символическое включение ребенка (с этого момента отрока) в общину — первым боронованием (у мальчиков), первым прядением (у девочек). Инициацию завершали ритуальное пострижение, омовение и общее празднование с участием инициированных. Помимо жреца-наставника, иницируемому придавался также помощник из числа уже прошедших инициацию — он и позже должен был быть его покровителем^[310]. Брачный возраст у древних славян наступал с пятнадцати лет.

Определеннее нам известен похоронный ритуал славян. Он сопровождался обрядами по задабриванию умершего и предотвращению угрозы со стороны его духа. Древними чертами погребальной обрядности являлись ритуальное игрище с пиром (*праслав.* *jъztrava^[311]) до и после похорон, пение причети во время погребения^[312].

В конце V — первой половине VI в. словене и анты хоронили своих умерших в грунтовых могильниках по обряду трупосожжения^[313]. Размер могильника зависел от срока использования и численности населения в общине. Так, в могильнике Сэрата-Монтеору — более 1500 погребений, в Пржитлуках — ок. 450, тогда как в могильниках к востоку от Прута и Западного Буга — до 30.^[314] Кремация умерших совершалась на стороне, на специальной площадке, окруженной ровиком^[315]. Останки умерших часто помещались в урны (глиняные горшки), иногда нет, и погребались в небольших ямках^[316]. Безурновые погребения отражали подчиненное положение погребенных как младших членов семьи^[317] и не свидетельствуют о социальном расслоении в собственном смысле слова. К числу чисто ритуальных особенностей у словен относился отмеченный в ряде мест обычай помещать урну в могилу уже после погребения, накрывая останки^[318].

У антов не было обычая сопровождать захоронение инвентарем. Умерших кремировали в одежде, чаще всего без огнестойких предметов. Несколько иначе обстояло дело у словен. Изредка в их захоронениях встречается, хотя и очень бедный, погребальный

инвентарь. В большей степени это касается крупных могильников дунайско-карпатских земель^[319].

В некоторых областях словенского и антского расселения имелись яркие этнографические особенности погребального обряда, связанные с местными влияниями. Так, словене Закарпатья кремировали умерших на отдельных кострах, затем делали поверх вымостки из камней и ставили на них урны^[320]. Здесь следует видеть наследство предшествующей дакийской культуры карпатских курганов. кое-где в антских землях потомки аланов и германцев продолжали хоронить своих умерших согласно обычаям предшествующей Черняховской культуры — по обряду трупоположения, с инвентарем. Особенно это характерно для восточной периферии, Поднепровья и Левобережья^[321].

Наряду с разнообразным обрядовым и игровым фольклором у древних славян, несомненно, существовали и иные фольклорные жанры. Образный фольклор — пословицы, поговорки, загадки — в первобытном обществе играл существеннейшую роль. Он способствовал запоминанию и передаче правовых и моральных норм, а также сакрального знания о мире.

С обрядовым фольклором был тесно связан мифологический эпос, действующими лицами которого выступали божества. Отражение его можно увидеть в «мифологических» эпических песнях южных славян, а также в некоторых фольклорных текстах других славянских народов. Такой эпос был тесно связан не только с обрядом, но и с собственно мифом и гимном божеству. Сохранялась вся сакральная традиция служителями культа.

Наряду с эпосом о мифологических временах существовали и слабо еще разграниченные «былевые» жанры фольклора, где действующими лицами выступали люди. К былевым жанрам у славян традиционно относились героический эпос, мифологический рассказ и историческое предание. Первый жанр бытовал в песенно-прозаической форме (как позднейшие русские богатырские бывальщины), остальные — преимущественно в прозаической. Грани между былевыми жанрами были довольно зыбки. И мифологический рассказ о происшедших с реальным человеком событиях с участием сверхъестественных сил, и предание об исторических фактах могли лечь в основу эпического повествования.

Героический эпос славян повествовал о «храбрах», сражавшихся со злыми духами, чудовищами и внешними врагами. У славян сохранились следы существования героического эпоса первого стадийного ряда (по современной классификации^[322]). Он повествовал о «храбрах»-великанах (асилках, волотах-велетах), основными противниками которых выступали чудовищные змеи и оборотни-юды. Осколками этого древнейшего эпоса являются белорусские богатырские сказы, южнославянские песни о юнаке, носящем условное имя Рабро или Бранко, отдельные русские былины, отчасти — предания о великанах. Поэтические тексты русских, болгар, сербов содержат ряд общих мест (эпитеты, речевые обороты), ярко свидетельствующих об общих корнях славянского эпоса. Пример — мотив о змееобразном чудовище, которому «намочило крылья» по молению героя^[323].

На основании русских и южнославянских сказаний о рождении змеевича, наделенного магическими дарованиями, у обесчещенной Змеем женщины и его битвы с отцом восстанавливается древнее эпическое сказание о герое-оборотне, сыне Змея и змееборце. Оно нашло непосредственное отражение в русской былине «Рождение Змеевича», а также в некоторых южнославянских эпических песнях^[324]. Изначально это сказание было частью змееборческого волотского цикла.

К древнейшим относится также сказание о богатыре-исполине, от крови которого протекла река (русская былина «Дунай»). Прямым наследием волотского эпоса являются и русские былины о богатыре-великане Святогоре.

Географически ближайшей параллелью славянским сказаниям о великанах является эпос кавказских народов о нартах, основные герои и сюжеты которого имеют аланское происхождение. Сходные эпические сказания о богатырях-исполинах бытовали на обширной территории Центральной и Средней Азии, Ирана, Закавказья. Центром их распространения были скифо-сарматские степи. С другой стороны, мифологический образ великанов как предшественников или предков нынешних людей носит универсальный характер. Воспринятые от аланских сказителей мотивы упали на благодатную почву исконных славянских представлений.

Сохранение былевой традиции в славянском обществе, как и у других народов, было издревле специализировано.

Во все времена сказители пользовались у славян всеобщим уважением, и передача древних сказаний являлась основным их занятием.

Существовали, несомненно, и другие жанры повествовательного фольклора, не требовавшие достоверности. Сказыванию сказок, впрочем, также придавался некий сакральный смысл^[325]. Для древнего периода можно выделить сказки о животных и волшебные (этиологические, объясняющие обряд, и героические, близкие волотскому эпосу). Существовали, как и у других народов на схожей стадии развития, ходячие бытовые рассказы анекдотического характера.

Основные устойчивые мотивы славянского народного искусства отражены в вышивке и резьбе по дереву. Древние мотивы особенно отражены в вышивке. Общеславянский геометрический орнамент использует священные знаки — ромбы, квадраты, свастики, розетки. Часто встречаются изображения «богини-матери» с «прибогами»-всадниками (одним или двумя). Другие женские фигуры — с рыбьими хвостами или крылатые. Мужчина-воин в полный рост — скорее всего, бог-воитель Перун. Имеются также изображения птиц («утицы» и хищной) и домашних животных (прежде всего коня и быка)^[326]. Как явствует из этого перечисления, искусство было тесно связано с религиозными представлениями и мифологической картиной мира.

Стоит заметить, что орнаментация глиняной посуды чрезвычайно бедна. В восточных антских землях изредка встречаются налепы на сосудах, иногда в виде шишечек или полумесяца. Но самый распространенный (и все равно встречающийся крайне редко) вид орнамента у антов и словен — косые насечки или зацепы по краю венчика^[327].

К числу памятников древнеславянского искусства относились и несохранившиеся деревянные изображения богов. Они были столбовой формы^[328]. К древнейшему периоду восходит также обычай украшать крышу дома головой коня (с чем связано слово «конек»).

От антской пеньковской культуры сохранились отдельные стилизованные глиняные статуэтки — животных (в том числе коня) и человека. Они использовались в обрядовой сфере, как и глиняные

«хлебцы» у словен^[329]. Металлическим деталям одежды и украшениям часто придавалась форма животных или людей. Особенно это было характерно для антской культуры^[330].

Для передачи и сохранения информации, а также для гаданий славяне использовали «черты и резы»^[331]. Образцов этого рисуночно-символического «письма» от описываемого времени не сохранилось — знаки наносились исключительно на дерево.

Социальное расслоение

Славянское общество описываемого периода находилось на стадии племенного строя. Процессы его разложения, развития собственнических отношений и формирования государства, замедленные на время гуннским нашествием, с VI в. подходят к завершающей фазе. Тем не менее общественно-политический строй антов и словен, насколько можно судить по данным археологии, языка, а также скудным известиям греческих авторов, пока еще был весьма архаичен.

Расслоение славянского общества прослеживается в целом слабо. Однако у словен и антов существовало рабство. Рабами становились пленники^[332]. Раб считался собственностью господина (как правило, того, кто его захватил^[333]), его можно было продать и, соответственно, выкупить^[334]. Рабский труд использовался в хозяйстве. С другой стороны, рабу вполне могли доверить оружие. Тогда он сражался на войне рядом с господином и мог даже «покрыть себя большой славой»^[335]. Если раб оказывался на земле своего племени или племенного объединения, то «по закону» считался свободным. Например, ант, находившийся в рабстве у словен, считался на основании «закона» (то есть обычного права) свободным с момента вступления на антские земли^[336]. В целом рабство, как можно видеть, носило патриархальный характер, и в реальности положение рабов мало отличалось от положения младших членов большой семьи.

Другой неполноправной группой в славянском обществе были данники (термин общеславянский^[337]). Таковыми для словен и антов, насколько можно судить, в описываемый период являлись только аборигены дунайско-карпатских земель. Волохи жили вместе со славянами, занимались гончарством и скотоводством (занятиями непрестижными в глазах древних славян). Вероятно, они несли какие-то связанные с этим повинности в пользу славянских племен^[338].

Но не все инородческие группы в антском и словенском обществе были принижены по своему статусу. К германцам «немцам» это, судя по всему, совершенно не относилось. То же самое можно сказать и о словенах и «эстиях», вошедших в антскую общность. А арийское

происхождение антских племенных названий свидетельствует, по меньшей мере, о равном положении потомков аланских кочевников в антских племенах^[339]. Да и волохи наделялись в сознании славян определенным сакральным могуществом и, следовательно, пользовались известным почтением.

Основную массу населения составляли свободные полноправные общинники — люди. В правовом отношении их масса была достаточно однородной, и деление проходило лишь по половозрастному признаку. Характерно практически полное отсутствие в общеславянском языке специальных терминов, обозначающих принадлежность к воинской касте. Свободный мужчина-общинник (муж, людин) — одновременно воин (вой, муж); никаких привилегий здесь не прослеживается. Единственное исключение — раннее заимствование у германцев «витязь» — обозначало у древних славян просто воина на коне. В ранних антских и словенских погребениях нет оружия.

Единственное, что вызывает сомнения, — значительное отличие получаемой картины от ситуации у других индоевропейских народов на соответствующем этапе развития. Общества дардов Гиндукуша или древних индоариев, например, характеризуются поступательным развитием систем кастового типа, где воинское сословие присутствовало неизменно. На более развитом, непосредственно предгосударственном или раннегосударственном этапе мы находим подобные же системы, пусть и менее жёсткие, у осетин, у древних германцев и кельтов, у гомеровских греков и т.д. Однако, видимо, развитие славян имело свои особенности — по крайней мере, в весьма архаичном обществе черногорцев нового времени кастовых перегородок не было. Возможно, кризису первобытных сословий способствовали сложные перипетии истории славян. Как будет видно далее, в благоприятных для этого исторических условиях воинская каста развивалась у них довольно быстро.

Стоит отметить, что для эпоса характерно негативное отношение к тем, кто пытался жить исключительно «храбрством». В былине о великане Святогоре он после горделивой похвальбы погибает, не в силах поднять суму с «тягой земной», которую легко несет на плече пахарь. Другой воин-великан, Дунай, из-за состязания в воинской доблести убивает свою жену, тоже воительницу. Она оказывается беременной — в чреве у нее ребенок-богатырь. В раскаянии Дунай,

предавший из-за «молодечества» свою обязанность продолжить род и погубивший возлюбленную, кончает с собой. Эти трагические сюжеты отчасти, несомненно, были зарисовкой с натуры. Те, кто пытался выломиться из общинного уклада, строя жизнь исключительно на воинской удали, как правило, кончали плохо — по самым разным причинам.

Тем не менее расслоение в общине происходило, и это было в первую очередь расслоение имущественное. Оно быстрее шло в придунайских землях. Сельское хозяйство здесь было более доходно, а военные набеги позволяли значительно увеличить свою собственность. О небольшой относительно богатой прослойке свидетельствует наличие в некоторых погребениях уже этого времени инвентаря, хотя и чрезвычайно скудного. В основном погребения с инвентарем сосредоточены в дунайско-карпатских землях от Поморавья до Сирета.

О имеющих в общинах семей, выделяющихся именно по имущественному принципу, тому свидетельствует и языковой материал. Термины для обозначения таких зажиточных хозяев — господа, паны (*праслав.* ед. ч. *gьрань). Судя по исконному смыслу последнего термина^[340], основным богатством еще в праславянскую эпоху считался скот, что согласуется и с иными сведениями. В то же время семьи «господ», конечно, были больше, именно в их среде было возможным многоженство, — соответственно на их долю приходилось больше и земледельческих угодий, и, опять-таки, военной добычи. Естественной возможностью для формирования этой прослойки становился сам характер славянской колонизации. В каждой патронимии в выигрышном положении оказывалась пришедшая первой на данное место и (или) старшая по родословию семья, от которой чаще всего и отпочковывались другие, младшие. Аналогичная ситуация складывалась и в территориальной общине.

Имущественному расслоению не могло не способствовать и развитие меновых и товарно-денежных отношений. В придунайских землях обращалась имперская монета, попадавшая сюда через дакийских романцев или как военная добыча^[341]. Общеславянская терминология, связанная с торговлей и ростовщичеством, восходит к более раннему времени, а наем был одной из древнейших славянских правовых категорий^[342]. Были уже люди, отчасти

специализировавшиеся на торговле (купцы, гости) и даче ссуд (лихвари). Но все-таки ввиду прочности общинных институтов у славян не сложилось никакого подобия «плутократии». Несомненно, что от торговли и ростовщичества выигрывала та же родовая старшина, одна только и обладавшая излишками собственности. Не принадлежавший к такой знатной семье торговец мог быть только посредником.

В формально-правовом смысле из общины выделялись, пожалуй, только жрецы. Славянское жречество делилось на мужское (ведуны) и женское (ведьмы, ведуницы, вещицы). Различались собственно жрецы и волхвы. Последние выступают в источниках как не связанные с конкретной общиной бродячие предсказатели и чудотворцы. Они сохраняли сакральную мудрость, выраженную особым, непонятным для непосвященных языком (как кельтские филиды). «Ведение» всегда рассматривалось как некое избранничество, предназначенное от рождения (мотив «урожденного» ведовства в славянских поверьях). Однако собственно посвящение ведуна или ведьмы требовало длительной «науки» — обучения сверхъестественным способностям, а затем суровых посвячительных испытаний. Подобным образом обстояло дело и в других древних обществах. Все это позволяет предполагать, по крайней мере, осознание ведовства как некоей единой традиции, идущей от глубокой древности.

Особенно это относится к ведьмам — служительницам древнего матриархального культа богини-матери, Земли. Судя по фольклорным припоминаниям, ведьмы, как правило, селились изолированно от общины. Они принимали обет безбрачия — при полном отсутствии каких-либо иных сексуальных запретов. Ведовское знание они передавали своим избранницам, зачастую ближайшим родственницам. Ритуальные собрания ведьм были связаны с культом плодоносящей земли. Фольклор представляет их как разнузданные и к тому же кровавые оргии, несущие смертельную угрозу вольным и невольным свидетелям, особенно мужчинам. По мере укрепления патриархата изоляция ведьм от общины неизбежно возрастала.

Итак, славянское жречество было достаточно обособленно внутри общества. Но эта обособленность не носила кастового характера. «Ведение» передавалось формально не по наследству, а по линии ученичества. Выбор ученика или ученицы обуславливался, по

народным представлениям, не родословной, а особыми признаками избранничества со стороны богов или духов. Наконец, ведуны и ведьмы рождались в обычных семьях, и в качестве родственников этих служителей языческого культа выступают и в наиболее архаичных памятниках фольклора простые общинники.

Жречество было тесно связано с ритуальными союзами, которые являлись наследниками тайных союзов эпохи позднеархаического и раннего племенного строя. В славянском обществе выделялись, прежде всего, замкнутые половозрастные группы, охватывавшие практически всех свободных. Эти группы были наиболее близки по своему характеру прежним мужским и женским союзам^[343]. Выделяются мужские возрастные группы отроков («юных») и мужей, женские — дев и жен. Пожилые, в меньшей степени вдовы (имеющие детей) люди пользовались определенными преимуществами, играли существенную роль в некоторых обрядах (например, опахивание села). Но в отдельные сообщества они не объединялись. Дети и просватанные невесты оставались за пределами половозрастных групп.

Собрания и пиры половозрастной группы, ее обряды были закрыты для посторонних. Сообщество принимало важные решения о судьбе своих членов (например, о вступлении в брак), играло важную самостоятельную роль в календарных ритуалах. Так, в обязанности молодежных половозрастных групп входило посрамление лиц другого пола, не вступивших в брак в положенный срок. Запретность обрядового действия, совершаемого сообществом, для посторонних ярко проявляется в обряде опахивания, совершавшемся девушками и пожилыми женщинами. Мужчин, попавшихся на пути процессии, нещадно избивали^[344]. Во главе совершаемых половозрастными группами обрядов стояли служители культа, остававшиеся как бы вне сообществ. Для мужских обрядов это был общинный жрец, для женских — ведьма.

Наряду с группами половозрастного характера существовали и союзы, принадлежность к которым подразумевала некое избранничество, близкое ведовскому предназначению. Такого рода объединения могли носить, как и жреческие корпорации, межобщинный и внеобщинный характер.

Как особая традиция, скрытая от непосвященных и связанная со сверхъестественными силами, осознавалось в славянской традиции кузнечное дело. «Знание» его передавалось по наследству в родах, генеалогически или иным образом связывавших себя с божественным прародителем — первым кузнецом Сварогом. Кузнецам приписывалось чародейное умение. Мифический Сварог был одновременно кузнецом, пахарем, воином и первым правителем, что указывает и на высокий статус воинов-кузнецов в обществе, и на их неотделенность от общины и земледельческого труда. В семьях кузнецов общинным кузнецом, естественно, становился кто-то один. Отмечается большая роль кузнеца в календарной и свадебной обрядности^[345]. В основе соответствующих ритуалов — идея права кузнеца на всех девушек общины, брак с любой из коих требовал его формального разрешения и утверждения. В условиях патриархального общества это была значительная привилегия. Положение кузнеца в древней общине, судя по этим припоминаниям, — сразу после жреца.

Нетрудно заключить, что воины-кузнецы, носители тайного знания, восходящего к общему источнику, осознавали себя как некое целое в противовес другим людям племени. В таком случае возникает вопрос: не было ли сперва имя Сварог, заимствованное и непонятное большинству славян, «скрытым» именем «создателя молний» Перуна в ритуальной практике тайного союза? Подобные факты у первобытных народов широко известны в этнографии^[346]. Это позволяет объяснить относительно редкое упоминание Сварога в источниках и наличие разных замен для собственного имени Божьего Коваля. Особенно показательны восходящие к табу на произнесение имени Сварог наименования Тварог, Рарог, Рах, Страх^[347]. Распространение культа Сварога и соответствующих ритуальных традиций шло из антских областей. На это указывает и арийское происхождение имени божества, и упоминание в ключевом змееборческом мифе металлического орудия пахоты, то есть пеньковского рала с наральником.

Другая сходная традиция была связана с образом противника Перуна, владыки преисподней и покровителя скотоводства Велеса (в то время еще прямо отождествлявшегося с Триглавом-Трояном). Хранителями знания, восходящего к Велесу, «Велесовыми внуками» считались «песнотворцы», носители поэтических традиций, то есть

сказители и отчасти волхвы. С поэзией у индоевропейских народов связывалось представление о «поэтической речи», сопряженной с магическим даром. Славянский «песнотворец» мистическим образом проникает в загробный мир по «тропе Трояней», вызывая оттуда образы минувшего.

С образом Велеса, несомненно, было связано и мифологическое представление о пастухах^[348]. Пастух наделялся в народных поверьях различными сверхъестественными дарованиями; проходили сезонные чествования и одаривания пастухов. Бывали обрядовые действия, совершаемые совместно самими пастухами. Во всем этом можно видеть следы существования тайного союза, связанного с культом Велеса. При этом нужно иметь в виду, что пастушество не считалось у славян престижным занятием и часто пастухами становились инородцы. Характерно, что одаривание пастухов чаще всего происходило вне села, то есть это был как бы откуп от существ, связанных с «иным» миром.

Особое место среди тайных союзов древних славян занимали братства, связанные с представлениями об оборотничестве и тотемным по происхождению культом волка. Традиция их существования восходит к балто-славянской и далее индоевропейской древности^[349]. У славян, как и у германцев^[350], эти союзы со временем превратились в воинские братства, независимые от общины и противостоящие ей. Оборотничество волкодлаков представлялось в славянских поверьях врожденным избранничеством. Такие избранники от рождения (например, родившиеся «в рубашке») могли считаться детьми мифического духа-змея и, несомненно, возглавляли братства. Второй, низшей категорией их членов были те, кто, по поверьям, оборачивался волком (или иным животным) лишь по воле предводителя. Такую картину рисует и эпос (например, былина о Волхе; ср. мотив «природного» и «вынужденного» оборотничества в позднейших поверьях).

Судя по фольклорным припоминаниям (в сказках, преданиях, обрядах и пр.), братства бойников или бродников жили отдельно от общин, часто в лесах, или вели полукочевой образ жизни. Источником существования для них являлись охота (как и для их тотема) и более или менее принявшее форму ритуала ограбление близлежащих общин. В течение «волчьего месяца» (примерно соответствовал декабрю)

«волкодлаки» в волчьих шкурах обходили селения и собирали с них дары, служившие, по сути, откупом^[351].

В среде воинских братств долго сохранялись пережитки многомужества. Судя по связанным с разбойниками сказочным сюжетам, их «большим домом» в лесу ведала женщина, считавшаяся одновременно сестрой и женой братьев^[352]. Она была призвана служить ведьмой, жрицей воинского культа и наделялась магическими дарованиями (ср. образ бродницы в южнославянском фольклоре).

Бойники стремились влить в свои ряды всех по желанию или вынужденно отрывавшихся от общины — изгоев, «храбров»-одинок и т.д. С другой стороны, того, кто желал быть членом братства, не порывая с семьей и общиной, ждала жестокая и изощренная кара^[353]. Идеальный, с точки зрения братства, предел его существованию полагала одновременная женитьба всех его членов, осуществленная путем умыкания невест^[354].

В древности обряд посвящения в братство включал жестокий ритуал «обагрения оружия» — кровью первого встречного, даже если это близкий родич. Отголоски этого сохранились в позднейшем фольклоре. Человеческое жертвоприношение завершалось каннибальской трапезой — смысл ее был тот же, что и в пожирании тотема (волка или медведя), так как поедались органы, связанные с представлениями о жизненной силе^[355]. В описываемый период, однако, этот древний кровавый обычай уже уходил в прошлое — братства, стремившиеся влиться в племенные институты, отступали от резкого противостояния с обществом. В этой связи следует обратить внимание на фольклорные представления о том, что человеческая жертва может быть заменена обрубанием дерева^[356].

В то же время в первой половине VI в. еще происходили массовые истребления первых пленников без различия пола и возраста^[357] — тот же обряд «обагрения оружия», только в военном походе. Псевдо-Кесарий говорит и о каннибализме, причем определенно ритуальном^[358]. Он же сообщает, что славяне «перекликаются волчьим воем» — ясное указание на то, что члены оборотнических союзов играли не последнюю роль в набегах на империю. На время военного похода братство в некотором смысле расширялось, и в него могли формально включаться, помимо собственно бойников, все шедшие с

ними и нередко под их началом войны. То же самое мы наблюдаем и в случае скандинавских викингов, ядро которых составляли «оборотни»-берсерки. Находки костей волка и медведя на корчакских поселениях — след ритуальных трапез бойников и свидетельство их постепенного сближения с общиной.

Былина о Волхе^[359], отражающая реалии времен набегов на богатые южные страны, явно говорит о заинтересованности во внешних завоеваниях именно бойников-«волкодлаков». В этом эпическом тексте описывается поход дружины юношей-ровесников, живущих охотой, во главе с вождем, волкодлаком и сыном Змея, на богатую южную страну. В итоге герои овладевают женами, богатством и местом для поселения. Былина плохо сохранилась в позднейшем фольклоре, несомненно, именно из-за своего завоевательного пафоса.

Надо заметить, что все свидетельства влияния оборотнических братств относятся к словенам. В связи с этим можно обратить внимание на явное разложение обрядности «волчьего» цикла у болгар, тесно связанных по происхождению с антами. У антов «волчьи» союзы были явно менее влиятельны, не выдерживая соперничества с какими-то характерными именно для антов общественными структурами. Естественным противовесом «волкодлакам» были потомки воинской знати «королевства» Боза и (или) союз воинов кузнецов, возникший как раз в антских землях. Эти группы, собственно, представляют собой довольно надёжный аналог воинских каст других индоевропейцев.

Все названные механизмы общественного расслоения, несомненно, многократно переплетались. Господином легче было стать члену влиятельного ритуального союза, например кузнецу. Общинные жрецы, конечно же, часто происходили из авторитетных и богатых семей; наследник пана мог уйти в бойники и даже стать главой их братства и т.д. Все это служило хотя и медленному, но размыванию массы людей и формированию господствующих общественных слоев.

Пути сложения государственности

Не вызывает сомнения, что именно родовая знать всецело контролировала общинное вече. Основные выборные посты на общинном уровне занимали или члены влиятельных семей, или их ставленники. В общинную «администрацию» входили бирич и землемер, руководивший переделом пахотных угодий (*праслав. *meraśь*^[360]). Полномочия биричей еще в общеславянскую эпоху расширились, они стали своеобразными посредниками между общиной и племенной властью по самым разным вопросам. В придунайских землях, где славяне столкнулись с более совершенной романской организацией местной власти, стали выбирать старосту — кмета (от народно-латинского *comitis*^[361]).

Вече было высшим органом власти и на уровне племени. Именно это в первую очередь дало повод греческим авторам утверждать, что словене и анты живут в «демократии»^[362] и даже в «безначалии»^[363]. Вече решало все военные и политические вопросы. Оно же было высшей судебной властью, причем не только разбирало споры между общинами и в сложных случаях внутри общины, но и само инициировало судебные разбирательства. Тем самым вече брало на себя верховное право распоряжаться статусом и имуществом любого члена племени^[364]. Племенное вече было также верховным распорядителем земли. Оно проводило межевание между общинами и даже внутри общины — между родами и семьями^[365].

В племенное вече входили те же люди, что и в общинное, и на тех же правах. Количество полноправных участников собрания могло доходить здесь уже примерно до двух сотен. С этим и связан обычай выбирать для рассмотрения судебных дел своеобразную коллегия из 12 наиболее авторитетных «мужей»^[366]. Этот же узкий совет вполне мог играть ключевую роль и при выборах главы племени. Состав его не был постоянным. Но можно не сомневаться, что входившие в него люди были как-либо связаны с родовой знатью и жречеством.

Прокопий утверждал, что анты и словене «не управляются одним человеком». Вторит ему и Псевдо-Кесарий, но тут же упоминает о наличии у словен «архонта и игемона»^[367]. Несомненно, также

обстояло дело и у антов^[368]. Но власть этого «архонта и игемона» была ограничена одним племенем и совершенно не соответствовала ромейским представлениям о монархическом правлении.

Прежде всего, племенной князь (владыка; *праслав.* *кънѣзь, *voldyka) был выборным правителем. Следы древнего обряда выборов князя и утверждения его во власти сохранились в обычном праве средневековой Каринтии. В одном из списков «Швабского зеркала» содержится текст, описывающий обряд возведения на трон каринтийского герцога. Некогда князь выбирался из числа «свободнорожденных» племенным вечем. Описываемый обряд хранил следы сверхъестественной санкции его власти. В ходе обряда власть князя утверждалась выборными представителями общин, которые проверяли достоинства претендента суровым допросом у древней колонны — так называемого Княжего Камня. Хорутанам этот дославянский памятник служил, как можно судить, идолом. Затем, воссев на герцогский престол в открытом поле, новый князь клялся блюсти право и обычаи, а подданные приносили ему присягу. Она всецело обусловлена в обряде обязательствами, которые берет перед лицом племени избранный предводитель^[369].

Обряд выборов включал разнообразные состязания, которым, несомненно, придавался сакральный смысл. Чаще всего в различных памятниках славянского фольклора упоминаются в этой связи скачки (ср. еще следы в некоторых преданиях обряда «узнавания» нового вождя священным конем или конем предшественника^[370]). Другое состязание было как-то связано с возжиганием «святого» огня^[371] и призвано доказать благосклонность к претенденту бога Огня, сына первого легендарного правителя Сварога.

С последним моментом напрямую связано определение круга претендентов на княжескую власть. На существование в древности такого ограниченного круга претендентов указывает, в частности, устойчивый в славянском фольклоре мотив «царских знаков» на теле. В них можно увидеть отражение древней татуировки членов некоего «рода» или ритуального сообщества^[372]. Из обрывков древнеславянской (в первую очередь русской) мифо-исторической традиции вырисовывается представление о князьях как представителях некоего генеалогического единства, «внуках Солнца», сына Сварога. Оба божества выступают как учредители

государственного устройства и первые правители, предки земных князей.

Все это указывает на то, что приемлемыми для избрания претендентами считались члены ритуального содружества воинов-кузнецов, «потомков» и «учеников» Сварога. В реальности количество родов, из которых избирали князей, могло быть очень ограничено. Князя могли избирать даже из одного рода, выводящего себя «напрямую» от мифического предка. Все правящие князья такого клана присваивали себе в качестве титула-прозвания имя предка (например, Кий). В случае признаков неблагополучия (например, отсутствия в роду мужского потомства или падения власти князя) могли обратиться к более широкому кругу претендентов. Отсюда распространенное у западных славян предание об избрании в князья простого пахаря (Пшемисл в Чехии, позже Пяст в Польше). Вспомним, что труд земледельца относился к числу престижных и приемлемых для «потомков» Сварога занятий, что сам Божий Коваль предстает как первый пахарь.

Функции княжеской власти были довольно ограничены. Князь / владыка был верховным жрецом и наделялся сверхъестественными дарованиями, следы чего мы находим и в фольклоре^[373]. Можно не сомневаться, что он играл важную роль в земледельческой обрядности (как потомок кузнеца-пахаря Сварога).

В чешских средневековых преданиях подчеркивается судейский характер власти древнейших правителей^[374]. Право князя быть верховным арбитром в любом внутриплеменном споре вытекало из его сверхъестественного происхождения и жреческого достоинства. Но вождь не мог сам выступать инициатором разбирательства — к нему на суд приходили добровольно.

знаком высшей власти князя над «волостью» был ее объезд — гощение. В ходе гощения князь останавливался в центрах каждой общины — на погостах, где располагались местные святыни. Изначально это имело обрядовый смысл. Князя принимали представители родовой знати (господа «гостеприимцы»), которые и устраивали ему торжественный пир. К князю на погост свозились дары от отдельных родов, составлявших общину. Эти дары постепенно слились с древним сбором на обрядовые нужды (биром). Гощение сопровождалось ритуальной охотой. На период гощения князь получал

также полное и безапелляционное право присваивать в любых количествах домашний скот всех людей племени^[375]. Проходило оно после завершения земледельческих работ, в осенне-зимний период.

В поездках и походах князя сопровождала дружина. Изначально каждый новый князь набирал новую дружину. Постепенно, однако, неизбежно формируется более или менее постоянная племена дружина, переходившая с минимальными изменениями от князя к князю.

Естественной основой для такой дружины (по крайней мере, у словен) стали воинские братства. В противном случае они оказывались столь же естественными противниками княжеской власти. Достаточно было уже того, что гощение и «волчий месяц» приходились примерно на одно и то же время. Князю было необходимо заручиться поддержкой хотя бы части бойников.

Процесс превращения бойников в княжескую дружину отражен, как уже говорилось, в мифе о князе-оборотне. Стоит обратить внимание на то, что в наиболее древних вариантах (например, в былине о Волхе) сын Змея и знатной женщины, оборотень, собирает вокруг себя дружину и лишь после этого становится князем. Итак, насколько можно судить, не правящие князья подчиняли себе бойнические братства, а предводители бойников, имевшие право претендовать на власть, добивались ее. Бойники не могли быть непосредственными участниками общинного веча, но они были той силой, с которой не считаться было нельзя.

По мере слияния бойнических братств с институтами племенной власти в их среде должно было происходить размежевание. Княжеские дружинники уходили от конфронтации с племенем и общинами, отказывались от наиболее враждебных по отношению к соплеменникам обычаев. С другой стороны, обособлялись бродячие ватаги разного рода изгоев, по-прежнему враждебные общинам. Однако четкой грани между теми и другими бойниками (как показывает сравнение, например, со скандинавскими викингами или ирландскими дибергами) не было. Изгои, например, вполне могли на время или навсегда прибиться к княжеской дружине.

В древности власть князя была ограничена во времени^[376]. Князя, «пересиживавшего» свой срок, тогда попросту убивали. К описываемому периоду этот обычай, скорее всего, уже отошел в

прошлое. Никаких его следов в письменных источниках нет. Но князей у словен еще в середине VI в. по-прежнему убивали «сплошь и рядом»^[377]. Ритуальное убийство князя могло связываться с нарушением им неких обычаев или с неудачами (военными либо хозяйственными), ответственность за которые возлагалась на вождя-жреца. Убивали князя во время гощения («за совместной трапезой или в совместном путешествии»). Упоминание же почти сразу вслед за этим, в той же фразе, что словене «перекликаются волчьим воем»^[378], указывает на то, что убийцами исправившегося правителя выступали княжеские дружинники, члены бойнического братства.

Антское общества в этом отличалось от словенского. Выше говорилось, что роль бойников-«волкодлаков» у антов была меньше. Раньше ушел у них в прошлое и обычай убийства «исправившегося» князя, делавший вождя полностью подвластным или своей дружине, или родовой знати. Есть основания считать, что у антов к середине VI в. уже начала складываться фактически наследственная власть, с наследованием уже в пределах не одного клана, а одной семьи^[379].

Наряду с князьями или вместо них выбирались военные предводители — воеводы^[380]. Их власти не придавался сакральный смысл, и она сводилась к предводительству племенным ополчением в военное время. Отсюда следует, что сперва воевод выбирали на вече временно. Но постепенно и эта должность становится постоянной, а могла стать и родовой — удачливого воеводу выбирали на предводительство раз за разом, но и после его смерти логично было искать преемников его ратного умения среди родичей.

Оформление надплеменных властных институтов у славянских племен происходило на протяжении первой половины — середины VI в. Эти процессы были в той или иной степени связаны с внешней обстановкой, в которой оказались словене и анты в ту пору. Со второго десятилетия VI в. начинается натиск славян на рубежи империи.

Глава вторая.
ПЕРВЫЙ ШТУРМ ИМПЕРСКИХ
ГРАНИЦ

Переход Дуная

Передвижения «варваров» за Дунаем сперва не привлекли внимания ромеев. Даже собственное имя новых поселенцев в задунайской Дакии оставалось сперва неизвестным в Константинополе. Кассиодор, римлянин на службе готского короля, писал о словенах и антах, заимствуя информацию из приграничных провинций Восточной империи. Но для книжников империи новые пришельцы довольно долго оставались «гетами»^[381], то есть просто жителями древних гетских областей по ту сторону великой реки.

Между тем близилось время, когда империи было суждено хорошо — слишком хорошо — узнать своих новых соседей. Со второго десятилетия VI в. славяне начинают пересекать дунайскую границу. Эти набеги в недалеком будущем перерастут в грандиозное нашествие, которое поставит под вопрос само существование ромейской державы.

Некоторую роль в активизации славян на ромейских рубежах сыграли союзные отношения антов и словен с гунно-болгарскими кочевниками. Последние, как уже говорилось, регулярно тревожили империю набегами с последних лет V в. В условиях возобновившихся с 502 г. войн на востоке, с персами, набеги болгар (булгар) создавали для империи серьезную угрозу.

В этот период происходит формирование племенных объединений болгарских племен. Их связь с савирским «царством» на востоке была слабой и непостоянной. По ромейским источникам она почти не прослеживается. Болгары управлялись собственными наследными правителями (ханами) и были объединены в первой половине VI в. в два крупных племенных союза. Между этими объединениями была поделена обширная полоса степи от впадения Прута в Дунай до восточной оконечности Азовского моря. Основным районом поселения болгарских кочевников были приазовские степи и Нижнее Поднепровье.

Восточная часть болгарских племен объединялась в ханство утигур, западная, самая близкая и опасная для империи, — кутригур. Оба этих ханства состояли в тесных, временами союзных отношениях

с антскими и (прежде всего кутригуры) словенскими племенами. Утигуры также временами входили в состав савирской федерации племен, хотя роль посредников между савирами и антами играли, скорее, акациры. К концу V в. кутригуры поглотили гуннских кочевников Подунавья — ултзинзур, прежний народ Динтцика, сына Атилы.

Отношения гунно-славянского симбиоза, восходившие еще к временам Атилы, сохранялись в какой-то степени и в первой половине VI в. О тесных связях славян с гуннскими кочевниками можно отчасти судить по языковым данным^[382]. Это нашло определенное отражение в письменных источниках. Выражение «гунны (булгары), анты и словене» встречается у Иордана и Прокопия^[383]. Анты в этом перечислении сперва стоят на втором месте и лишь примерно с 540-х гг. перемещаются на третье — свидетельство их первоначального лидерства среди славяноязычного населения древней Дакии^[384].

Интересно, что некоторую аналогию этой формуле мы находим и у персидских провинциальных хронистов, использовавших материалы Сасанидской эпохи, — «хазары [частая замена савир] и славяне»^[385]. Это некий отголосок того, что до разгрома савир персидским царем Хосровом Ануширваном в середине VI в. отдельные отряды антов и словен принимали вместе с хазарами и болгарами участие в савирских набегах на Закавказье.

Если это было так, то данные действия славян на самом деле были связаны только с их гуннскими контактами. Но относительно военных действий, развернутых антами и словенами на Западе, против империи, столь же однозначно о гуннском факторе говорить нельзя. Конечно, первые (и надо думать, заманчивые) сведения о богатых задунайских областях славяне должны были получить от гунно-болгар^[386]. Союзные отношения с последними не могли не сыграть определенную роль — кочевники бились с ромеями с переменным успехом и остро нуждались в союзниках. Но славянское движение первой половины VI в. было столь мощным и массовым, что это внушает сомнения в исключительно внешних его побудительных мотивах. А главное — до 559 г. неизвестно ни об одном конкретном славянском нападении, предпринятом совместно с гунно-болгарами. Даже упомянутая формула «гунны, анты и словене» возникает лишь во

времена Юстиниана (с 527 г.), в самый разгар славянских вторжений. Итак, анты и словене выступили против империи по каким-то собственным мотивам, хотя и не без влияния или наущения болгар^[387].

При определении этих мотивов мы, конечно, вступаем в область чистых гипотез. Но некоторые соображения достойны того, чтобы их высказать. Во-первых, гунны не были для славян единственными поставщиками информации об имперских землях. Романизированное население древней Дакии, особенно Мунтении, поддерживало тесную связь с забывшей о нем метрополией даже после анто-словенского расселения. Информация, получаемая от волохов, неизбежно должна была быть более объективной (и более настораживающей), чем повествования гуннов о своих заречных деяниях. В этой связи стоит обратить внимание на латинское происхождение слова «греки»^[388], которым славяне обозначали восточных «ромеев». Взгляд на них как на «греков» был характерен не только для западных римлян, но и для их дакийских сородичей.

Во-вторых, некоторые легендарные сведения о могущественной империи были и у самих славян. Память словен о легендарной прародине на Дунае, с которой их изгнали «готы», еще не была столь смутной, как сотни лет спустя — с тех пор к 510 г. сменилось не более двух поколений. Славяне помнили еще и о походах Атиллы против римлян — конечно, не столь четко, как гунно-болгары, чье общение с империей с тех пор было непрерывным.

Дунай занимает совершенно особое место в славянском мифопоэтическом сознании. Наряду с Доном он издревле, еще в праславянскую эпоху, воспринимался как рубеж известного, «своего» мира. За рекой лежит «иной», чуждый мир. Этот мир воспринимался как прародина людей (в этом качестве сливаясь с полуисторической прародиной славян) и обитель умерших предков. С другой стороны, этот потусторонний край наполнен богатствами, не лежащими без охраны, и опасен для человека из «своего» мира. Тем больше, однако, его привлекательность для человека доблестного^[389].

На смешение в мифологическом восприятии реальной державы ромеев с потусторонним миром отчасти повлияло заимствование у волохов легендарного образа Трояна. Эпический герой противников, воспринятый как враждебный демон, затем слился с трехглавым божеством преисподней как естественный властитель потустороннего

края, «земли Трояновой». Реальные дороги, построенные историческим императором Траяном в Дакии, превращались в мифах славян в «тропу Троянову» — дорогу в наполненный магией загробный мир.

Основания для демонизации реальных ромеев у славян появились довольно скоро. При всей значимости Дуная как психологического и мифологического рубежа его пересечение быстро стало для словен и антов естественным продолжением их расселения. Надо думать, что небольшие легковооруженные группы «гетов», пересекая реку, наткнулись за ней на сопротивление, какого не ожидали встретить. Ни борьба со скрывавшимися в горах волохами, ни стычки с другими соседями не могли дать опыта для противостояния хорошо организованной и охватывающей непостижимые просторы военной машине. В Константинополе, должно быть, не обратили особого внимания на уничтожение маленьких «варварских» шаек едва известного племени, просочившихся с левобережья. Главной заботой на дунайской границе были болгары, известия о них и попадали в хроники.

Уцелевшие же «варвары», если такие были, вернувшись, могли рассказать многое о страшной угрозе «своему» миру, таящейся за Дунаем.

Уникальную возможность посмотреть на славянский набег, направленный против южных соседей, глазами славян дает нам уже упоминавшаяся былина о Волхе^[390].

В былине молодой богатырь-чародей Волх, набрав себе дружину из погодков, выступает в поход на далекую южную страну («Турец-землю» или «царство Индейское»), Страна эта наделяется чертами потустороннего мира, вход в «царство» защищает стена с воротами, в которые невозможно пройти (едва ли не первое впечатление славян от стен укрепленных городов!):

Крепка стена белокаменна,
Ворота у города железные,
Крюки, засовы все медные,
Стоят караулы денны, нощны,
Стоит подворотня дорог рыбий зуб.
Мудрены вырезы вырезано,

А и только в вырезы мурашу пройти^[391].

Мотивировка похода не вполне ясна. Согласно варианту былины из сборника Кирши Данилова, «индейской царь» готовился к походу на Русь. Волх, как-то узнав об этом, выступил против него, в пути одевал и кормил свою дружину охотой с помощью оборотнических способностей. Затем он в облике сокола отправился на разведку в «царство Индейское», подслушал разговор царя с женой, отговаривающей его идти на Русь, а после в обличье горностая испортил оружие врага. И дружина Волха напала на царский город.

В онежском варианте последовательность событий почти та же: охота Волха — разведка Волха — нападение на царя. Но о намерении царя («Сантала», то есть турецкого султана) напасть на Русь Волх узнает только во время разведки, а охота здесь предшествует походу и не связана с необходимостью кормить и одевать дружину. Первое более логично, второе же — менее. Проясняет ситуацию мезенский вариант. Здесь Волха в начале похода просто привлекает «богатый город»; охота вновь на своем месте; во время разведки же Волх узнает о том, что «молодой индейской царь» опасается его набега и готов к войне.

В целом складывается впечатление, что для Волха и его дружинников разоряемая страна — некий «естественный» противник. С одной стороны, само существование этого государства воспринимается ими как угроза своему родуплеменю. С другой стороны, «богатый город» царя предстает столь же естественной воинской добычей. Ни о каких попытках договориться, ни о каких правилах ведения войны речь не идет. Волх побеждает хитростью, лишив врага возможности сопротивляться и тайком пробравшись в его цитадель. Когда после его чародейской разведки дружина, превращенная им в «мурашей», проникает в город, происходит следующее:

И стали молодцы на другой стороне,
В славном царстве Индейском,
Всех обернул добрыми молодцами,
Со своей стали сбруею со ратною.

А всем молодцам он приказ отдает:
«Гой еси вы, дружина хоробрая!
Ходите по царству Индейскому,
Рубите старова, малова,
Не оставьте в царстве на семена,
Оставьте только вы по выбору
Ни много ни мало — семь тысячей
Душечки красны девицы!»
А и ходит ево дружина по царству Индейскому,
А и рубят старова, малова,
А и только оставляют по выбору
Душечки красны девицы.
А и сам он, Вольх, во полаты пошол,
Во те во палаты царския,
Ко тому ко царю ко Индейскому;
Двери были у полат железныя,
Крюки-пробои по булату злачены.
Говорит тут Вольх Всеславьевич:
«Хотя нога изломить, а двери выставить!»
Пнет ногой во двери железныя —
Изломал все пробои булатныя,
Он берет царя за белы руки,
А славнова царя Индейского,
Салтыка Ставрुльевича,
Говорит тут Вольх таково слово:
«А и вас-та, царей, не бьют — не казнят!»
У хватя ево, ударил о кирпичетой пол,
Расшиб ево в крохи говенныя.

Издевательское замечание Волха выглядит как прямая насмешка над действовавшим тогда «международным правом»^[392]. В устах едва познакомившегося с ним и не желающего его признавать «варвара» такая фраза, пожалуй, вполне уместна. В связи с этим и упомянутым странным для русского эпоса отсутствием всяких попыток договориться миром на память приходит фрагмент из трудов Прокопия. Тот признавал сильной стороной «варваров» (в том числе

славян) полное безразличие их к устоявшимся в «римском мире» правовым нормам. Войны с «варварами», в том числе славянами, как они характеризуются Кесарийцем, — войны без ясного повода, без переговоров и перемирий, без самого объявления войны и заключения мира^[393]. То, что от природы славяне (для того же автора) «менее всего коварны или злокозненны»^[394], лишний раз подчеркивает, насколько далека была реальность времен войны от нравственных идеалов внутривременной жизни.

Нарисованная в былине картина, за исключением несбыточного убийства царя, как будто сошла со страниц ромейских источников, описывающих славянский набег. Только для древних славянских сказителей, без сомнения, все описанное являлось не бессмысленным зверством, а героическим деянием. Природный (то есть сильный) враг в сознании древнего славянина увязывался с враждебными силами потустороннего мира. С чудовищами и демонами, с «Трояновым» племенем в переговоры не вступают. И в живых такого врага оставлять также неразумно, разве что в неволе. В онежском варианте, в отличие от двух других полных версий, Волх все-таки берет ставшую беззащитной «силу турецкую» в плен; впрочем, рабы мужского пола не упоминаются далее при разделе добычи. Итог захвата и разорения «богатого города» рисуется в целом схоже, но с разными подробностями. В сборнике Кирши:

И тут Волх сам царем насел,
Взявши царицу Азвяковну,
А и молодую Елену Александровну.
А и те ево дружина хоробрыя
И на тех на девицах переженилися.
А и молоды Волх тут царем насел,
А то стали люди посадския;
Он злата-серебра выкатил,
А и коней, коров табуном делил,
А на всякова брата по сту тысячей^[395].

Еще яснее о заселении завоеванной страны в близком к этому мезенскому варианту былины:

Населился он в Индеюшку богатую...
Свою силушку заставил тоже в городе Индейском жить...
Завладел он всей Индеюшкой богатою.

В онежском же варианте подчеркнуто исключительно богатство добычи:

«Дружина моя добрая, хоробряя!
Станем-те мы теперь полону делить!
Что было на деле дорого,
Что было на деле дешево?
А добрые кони по семь рублей,
А оружие булатное по шесть рублей,
А острые сабли по пять рублей,
Палицы булатные по три рубля.
А что было на деле дешево — женский пол:
Старушечки были по полушечки,
А молодухи по две полушечки,
А красные девушки по денежке».

Итак, былина дает нам достаточно полную картину тех мотивов, которые двигали славянами в набегах на империю. Здесь сплеталось множество разных факторов. Было здесь и стремление нанести упреждающий удар по более сильному, демоническому врагу — стремление, исходящее из мифологической картины мира славянина. Но не меньшую роль играло и стремление к наживе в «богатых городах» — добыванию рабов (прежде всего рабынь), скота (коней, коров), ценностей (золота, серебра, металлического оружия). Поиск новых земель для возрастающего в числе населения придавал лишние основания и так не нуждающейся, с точки зрения «варвара», в оправданиях безжалостной «расчистке» захватываемой страны. Места для постоянного жительства, а нередко и местных жен для продолжения там рода искала, прежде всего, молодежь из воинских братств, а также примыкавшие к ним изгои. «Храбры»-одиночки, порицаемые общиной, могли сполна реализовать свои силы и

прославиться в дальнем походе. Вожаки бойнических ватаг и князья отдельных племен добивались самоутверждения. Ведь именно им доставалась львиная доля добычи и наибольший почет, а то и власть над захваченной землей — как былинному Волху.

Переход Дуная большими группами антов и словен происходит в начале второго десятилетия VI в. Положение на дунайской границе империи стало критическим. Религиозные распри, разгоревшиеся при Анастасии, усугубили положение. Восстание Виталиана в 512–514 гг. позволило вторгшимся «гуннам», с которыми мятежный стратиг заключил союз, практически уничтожить власть империи на Нижнем Дунае^[396]. Под прикрытием болгарских орд и получили возможность проникнуть в римскую Скифию (ныне Добруджа) отдельные отряды неведомых прежде «гетов». Как следует из былины о Волхе, каждый такой отряд мог стать общиной поселенцев. Антские или анто-словенские поселения возникают на малоскифских землях уже в первые десятилетия VI в. (Диногоция и др.)^[397] и вытеснить отсюда этих пришельцев империи так и не удалось.

В 517 г. на фоне очередного болгарского вторжения (тогда же савиры напали на Малую Азию), но независимо от него, в балканских провинциях империи развернули военные действия и «геты»^[398]. Эти «гетские всадники», должно быть, — в основном анты^[399], у которых (в отличие от словен) известно развитое коневодство. О переходе ими Дуная или разорении приграничных областей ничего не говорится. «Варвары» объявляются сразу в Македонии (то есть собственно македонских провинциях, Македонии Первой и Второй на севере — северо-востоке диоцеза Македония). Затем они вторгаются в Фессалию. Базой для этого вторжения, следовательно, явились обживавшиеся антами и отчасти словенами земли Малой Скифии. Что касается прилегающих фракийских провинций, то они уже были основательно опустошены «варварами» и фактически неподвластны Константинополю.

«Варвары» пронесли по македонским и фессалийским землям, достигнув на юго-западе границ Старого Эпира, а на юге — Фермопил. Не сообщается об их нападениях на крупные города. Фермопильское укрепление — ключ к Элладе — они то ли вовсе не осмелились штурмовать, то ли не преуспели в этом. «Гетская» конница подвергала опустошению в основном небольшие и неукрепленные

поселения. Однако число пленных оказалось достаточно велико. Император Анастасий отправил за них выкуп — 1000 либр золота. Но префект Иллирика Иоанн никого не смог выволить — все пленники были перебиты «варварами» сразу после получения платы^[400]. Дальнейшее неизвестно. Скорее всего, в условиях кровопролитной войны империи с кочевниками «геты» беспрепятственно ушли на контролируемую их соплеменниками территорию.

Причины срыва переговоров о возврате пленных неясны. Наиболее вероятно, что угнанные с начала набега пленники являлись для «варваров» жертвой в кровавом обряде «обагрения оружия». Деньги у ромеев они приняли как воинскую добычу, но и от жертвоприношения не стали отказываться. Эта версия, конечно же, не бесспорна; возможны и иные объяснения. Так или иначе, именно в связи с этими событиями империя впервые «заметила» новых соседей и новых врагов.

Правление Юстина (518–527) отмечено для империи безуспешными попытками восстановить реальный контроль над придунайскими провинциями и навести порядок на границе. О безуспешности этих попыток свидетельствуют сообщения о разбое словен в придунайских областях. Своими засадами эти «варвары» отрезали укрепления Улмитон (в Скифии) и Адина (в Мезии, причем немного к югу от Дуная на границе со Скифией), опустошив их окрестности. Обе крепости в результате оставались покинутыми до времен Юстиниана^[401]. Подобные факты, судя по всему, были не единичны.

Ситуация, с которой пришлось иметь дело Юстину и его племяннику Юстиниану, с первых лет правления дяди, причастного к делам власти, была поистине катастрофической. Европейские провинции подвергались непрерывным набегам. Прокопий в направленном против Юстиниана памфлете, так называемой «Тайной истории», писал, что «гунны» и славяне, разоряя европейские провинции до Эллады включительно «почти что каждый год с тех пор, как Юстиниан воспринял власть над ромеями, творили ужасное зло тамошним людям. Ибо думаю, что при каждом вторжении оказывалось более чем по двадцать мириад^[402] погубленных и поработанных там ромеев, — скифская пустыня впрямь стала повсюду в этой земле...»^[403] Оставляя в стороне выглядящие фантастично

вычисления^[404] и субъективность автора, нельзя все-таки не признать, что за его словами стоит страшная для ромеев тех лет реальность.

Сведения подданных империи о захватчиках-«гетах» со временем приобретают более ясный характер. Во всяком случае, говоря о событиях времен Юстина, Прокопий четко различает антов и словен. Какое-то время до появления в обиходе отдельных племенных названий греки называли их общим именем «споры» (Σποροι)^[405]. Как полагает ряд лингвистов, это калька праславянского самообозначения *ščedь, «потомки одного рода»^[406]. Если так, то контакты между греческим населением и «варварами»-завоевателями в те годы стали уже довольно тесны. Может быть, σποροι было народным эллинским соответствием книжного термина «геты» — поэтому Прокопий и не знал точного происхождения названия.

Юстин и Юстиниан упорно противостояли набегам, нанося противнику большой урон, что вынужден был признать даже их ненавистник Прокопий^[407]. И несмотря на все неудачи, именно при Юстине ромеи одержали первую победу над новым противником. Император назначил *magister militum* Фракии своего племянника Германа Аниция. Несомненно, первоочередной задачей Германа являлось как раз сдерживание антско-словенских и болгарских набегов. В самом начале командования Германа в пределы империи вторглось из-за Дуная «огромное войско» антов. В ожесточенной битве Герману, «пустив в ход все силы», удалось разбить противника. Победа ромеев была для «варваров» сокрушительной и ошеломляющей. Их многочисленного антского войска пали почти все, а имперский полководец «стяжал великую славу» и среди антов, и среди словен^[408]. Именно тогда, скорее всего, контроль над собственно Фракией был частично восстановлен. Тем не менее решительно переломить ситуацию на границе и наладить управление Скифией с прилегающей частью Мезии не удалось ни Герману, ни его ближайшим преемникам.

Переход славянами Дуная и их поселение на землях империи явились важным рубежом в их истории. В развертывавшихся далее событиях определенную роль сыграли изменения в самом антско-словенском мире. Процессы эти непосредственно не отражались в ромейских источниках, но ход их поддается научной реконструкции.

Анты и дулебы

В конце V — начале VI в. бесспорными гегемонами ареала, населенного предками славян, являлись антские племена. Анты заселяли обширную территорию от Карпат до Днестра, от северных окраин лесостепи до среднего течения рек Черноморского бассейна. Выделялось несколько районов компактного расселения антов. Эти районы соответствуют отдельным племенам или племенным группам.

Наиболее плотно анты заселяли Поднестровье. Плотнее всего были заняты ими север Прутско-Днестровского междуречья и долины прилегающих левых притоков Днестра (Серет, Збруч). Как уже говорилось, здесь жили хорваты. Второй крупный очаг антского расселения (тиверцы?) располагался южнее, в бассейне Среднего Днестра. Многочисленным было антское население и к западу от Прута, в древней Дакии, где (как и на севере «хорватского» ареала) анты селились совместно или чересполосно со словенами. Еще одно большое «гнездовье» антских селищ сложилось по Южному Бугу (Куня и соседние с ней — Голики, Самчинцы, Семенки и др.). Сейчас невозможно отождествить его с каким-либо известным нам позднее племенем или племенным объединением. Из этого района анты продвигались и на север по Бугу, до его верховий (поселения Соколец, Парневка)^[409].

В Поднепровье северной границей расселения антов первоначально был район Киева. Об этом свидетельствуют и присутствие элементов средне-верхнеднепровской киевской культуры в пеньковских древностях, и следы поселения на Старокиевской горе. Однако основные районы расселения антов по Днепру, несомненно, располагались южнее. Самое северное из бесспорно антских поселений этого региона — Канев выше впадения Роси. В начале VI в. анты уже сравнительно плотно заселили оба берега Днепра от впадения Роси до впадений Сулы и Тясмина. При устье Тясмина расположено Пеньковское «гнездо» селищ, давшее название всей антской археологической культуре (поселения Макаров Остров, Молочарня, Луг-1 и Луг-2).

В этой восточной части ареала своего расселения анты тесно общались и смешивались с соседними племенами балтского и алано-болгарского происхождения. На северо-западе в антскую среду проникали балты («эстии»-колочинцы). Следы их присутствия достигают селения Луг-1 к югу от впадения Тясмина^[410]. В свою очередь анты еще на рубеже V–VI вв. проникали вверх по Днепру, в ареал колочинской культуры. Характер этого взаимопроникновения оценить сложно. Речь могла идти как о следствии добрососедских связей, так и о приеме изгоев из враждебного племени или натурализации рабов-пленников. Так, появление колочинской керамики на антских поселениях легко объяснить наличием здесь пленниц — жен или рабынь. Как бы то ни было, присутствие колочинцев ощущается и на весьма удаленных от днепровского порубежья приднестровских землях^[411].

Более тесными были связи антов с кочевым миром. Выходцы из алано-болгарских племен в немалом числе оседали в антской среде. Их присутствие отмечено находками жилищ на приднепровских поселениях Стецовка, Луг-2, Дериевка и других. Кочевническое влияние весьма ощутимо в группе пастырских древностей^[412].

Единственным значительным укрепленным поселением антского ареала с VI в. являлось Пастырское городище. Анты обосновались на древнем городище скифской эпохи, защищенном валами и рвами, не подновляя старых укреплений и не строя новых. Городище было расположено в верховьях впадающей в Тясмин реки Сухой Ташлык. Оно отстояло как от селищ поросско-тясминской группы, так и от поселений антов на Южном Буге. Южнее Пастырского проходила условная граница антов с алано-болгарскими кочевниками. На Пастырском находилось не менее 20 жилищ. Обитатели Пастырского занимались ремеслом — гончарным и кузнечным. Пастырское являлось центром изготовления и распространения гончарной керамики. Гончары, изготавливавшие самобытную посуду «пастырского» типа, жили также в нескольких поселениях на правом берегу Днепра^[413]. Гончары представляли собой особую этнокастовую группу алано-болгарского происхождения. В антском обществе они могли занимать только привилегированное положение, о чем свидетельствует и проживание вместе с кузнецами на Пастырском городище.

Экономическое значение Пастырского демонстрирует распространение керамики «пастырского» типа (городище, вне сомнения, являлось одним из главных центров ее производства и главным — распространения) на антских памятниках. «Пастырская» керамика встречается не только в Поднепровье, где составляет от 5 до 5,8% керамики, но и в удаленных областях Побужья и даже Приднестровья (до 3%). Керамика попадала на запад антских земель в результате не только переселений, но и меновой торговли. Иначе существование Пастырского как сугубо ремесленного поселения трудно представить.

Если экономический статус Пастырского играл большую роль в жизни антской общности, то неизбежна постановка вопроса и о политическом его статусе. Пастырское, единственное, по сути, укрепление антов, являлось естественным средоточием их общественной жизни. Только здесь (не обязательно прямо на площади городища) можно предполагать местонахождение веча «всех антов», о котором говорит Прокопий. Это вече обсуждало вопросы, значимые для всей антской общности, и принимало решения от имени всех антов^[414]. Вече являлось высшим органом антского племенного союза, существовавшего уже в первые десятилетия VI в. Союз не имел единого главы и, скорее всего, являлся довольно рыхлым объединением. Можно не сомневаться, однако, что на «всеантском» вече реально распоряжался узкий круг племенной знати. Число полноправных участников веча в случае полного представительства установить трудно, но вряд ли оно превышало бы 5–7 тысяч. Анты жили разбросанно, и общая численность их едва ли была столь велика, как можно заключить из слов Прокопия в другом месте^[415]. В антскую племенную общность на первых порах входила и часть словен в областях со смешанным населением. В частности, сюда можно предположительно отнести дунайских словен (группу Ипотешти).

У словен также происходило оформление племенных общностей. Выше говорилось о том, что линией размежевания между этими общностями — дулебами и лендзянами (ляхами) — стал Западный Буг. События, связанные с этим размежеванием, отразились в местном варианте мифа о Божьем Ковале. В этом позднем фольклорном тексте рассказывается о борьбе избранного князем «коваля» Радара (от древнего княжеского имени *Radomĕgъ) с «королем» Ляхом и его

подручным «Змеем Краговеем», разорявшим Волынь. Как и в других версиях мифа, в этой Радар хитростью захватил Змея в своей кузне. Затем князь пропахал на своем пленнике «межу» до самой Вислы. Земли по правому берегу новой реки по уговору должны достаться Радару, по левую — Ляху. Эта река — Западный Буг. «Каменная вежа», где Радар поймал Змея, — Каменец^[416]. Предание входит в ряд тех версий змееборческого мифа, где Божий Коваль выступает в качестве первого правителя-родоначальника.

Змееборческий мотив здесь, с одной стороны, унаследован от древней мифологии, с другой — связан с историческими реалиями. «Змей Краговой» — Краковский Цмок, дракон, персонаж из польских преданий, побеждаемый змееборцем Краком (скорее всего, еще одним полуисторическим «продолжением» бога-громовника^[417]). Таким образом, «змеиные» ассоциации с Краковщиной имеются в преданиях по обе стороны Западного Буга. Скорее всего, они отражают некие особенности развитых у местных племен религиозных воззрений. Целый ряд признаков указывает на сохранение особого почитания Велеса-Змея у ляхских племен. Собственное имя Змея «ляхами» не употреблялось, в отличие от большинства славян, что указывает на табуирование. Слово «ящер» — источник имени верховного божества поляков *Yesza*. Праславянская «велесическая» религия подолгу удерживалась на периферии. В Щецине, у поморян, поклонялись Триглаву; на Руси кривичи возводили себя к Криву, антиподу «правого» Перуна. Распространение культа Перуна (как Ковалю-Сварога, врага Трояна-Триглава-Велеса) шло к словенам из антских земель.

В этой связи стоит вернуться к племенному названию из сочинения «Баварского географа», реконструируемому как *šьgvjane. Убедительного объяснения этого названия (и позднейшего «Червонная Русь») на праславянской почве не существует. Однако, скорее всего, основа здесь — праславянское слово *šьgvь, «червь» (производные слова со значением «красный» едва ли могли дать жизнь племенному названию^[418]). «Червь» и «змей» в мифологии — синонимы. Червяне — «племя Червя (Велеса, Змея)».

Скорее всего, разделение словен на лендзян и дулебов было вызвано различными причинами. Сыграло свою роль в том числе соперничество культов и стоявших за ними культовых союзов. Союз

воинов-кузнецов пришел к власти на правобережье, а союз, связанный с культом Змея-Велеса, был весьма значим на левобережье Западного Буга. Разрыв сопровождался неким конфликтом и размежеванием земли по Бугу, воспоминания о котором в мифологической форме отразились в белорусском предании. Интересно также, что в нем Змей выступает лишь как помощник мифического предка поляков. Радар же — противник не столько Ляха, сколько Змея, издыхающего после богатырской пахоты князя-коваля. Надо думать, и на ляшском левобережье княжеская власть по складывающейся у всех словен традиции находилась в руках «потомков» Сварога, но власть их была слабее и делилась с почитателями Велеса.

Лендзяне и дулебы оформились как самостоятельные племенные общности. Предание IX в. характеризовало западную общность (червян) как «королевство». Но не сказано, что его власть распространялась за пределы первоначальной земли червян, на происшедшие от них племена. Лендзяне в первой половине VI в. еще не имели значительных политических и экономических центров. Большая на тот момент часть их (чехи, поселенцы Словакии и Моравии, кривичи) оторвались от пока немногочисленной червянско-вислянской группы. Старшинство червян помнилось, но как власть вполне могло и не признаваться. Со временем центр ляшской племенной общности смещается от Буга к Висле. Средоточие культа Велеса-Змея, судя по преданиям, находилось именно в земле вислян, в районе будущего Кракова. Лендзяне относительно спланивались, должно быть, сознанием лишь культового и этнического, а не политического единства.

Иначе обстояло дело на дулебском (бужанском) правобережье. Масуди ясно сообщает о подчинении всех племен, происшедших от «корня славянских корней» — племени «Валинана», — «царю» этого племени. «Царь» этот у Масуди именуется «Маджак». Это скорее титул, чем личное имя.

«Маджак» возглавлял типичный племенной союз, где каждое племя имело своего «царя», но «власть была у него, и прочие цари ему повиновались»^[419]. Верховный «царь» являлся первым «великим князем» в славянской истории. Подчиненные ему князья именовались «малыми» (судя по сохранившемуся позже титулу князя древлян — одного из первых отпочковавшихся от бужан племен)^[420]. Власть

«Валинана» (вернее, предков волянян — бужан) основывалась на «почтении» и «превосходстве» и носила в большей степени культовый, а не политический характер. «Маджак», вероятнее всего, периодически совершал ритуальный объезд «подвластных» земель и был чем-то вроде верховного жреца племенного культа (Перуна-Сварога?). На некоторую условность объединения дулебов в пору его сложения указывает полное отсутствие данных о какой-либо славянской «монархии» в письменных источниках того времени. Не исключено, что дулебы не имели общесоюзного веча, а единство их обеспечивалось только ритуальным лидерством бужанского «царя».

«Маджак» должно являться родовым титулом дулебских владык. Власть в таком случае передавалась в пределах одного клана, связывавшегося происхождением с Божьим Ковалем — Сварогом. Историческим двойником его в данном случае выступает герой-предок Радар. Арабское Маджак сопоставлялось с Μουβωκίος (Μουβωκίος) — греческим именованием верховного (?) словенского «царя» (рикса) второй половины VI в.^[421] Титул, как представляется, неславянского (аланского?^[422]) происхождения. В связи с этим следует вспомнить об антском происхождении традиции, связанной с Божьим Ковалем.

Еще в правление Юстина в империи (518–527)^[423] неподалеку от впадения в Западный Буг реки Луга основано городище Зимно. Какое-то время это был единственный укрепленный центр словен. Несомненно, что именно здесь располагалась «столица» племени бужан и всего дулебского племенного союза, резиденция «царя». Городище, расположенное на мысу, поднимается над долиной на 15–16 м и занимает площадь (сильно вытянутую) 1890 кв. м. Защищено оно, прежде всего, глубокими рвами. На северо-востоке был неприступный крутой склон, на юго-западе — стена от стояков с горизонтальными бревнами и частокол. Многокамерное наземное строение с 13 очагами (наземными глиняными печами?) располагалось под стеной и было к ней пристроено^[424]. Именно оно и могло служить домом «царю» и его дружинникам. В сравнении с Пастырским очевидно оборонительное значение Зимно, воздвигнутого против антской или ляхской угрозы.

Городище являлось важнейшим ремесленным центром. Здесь работали мастера по металлу и камню, снабжавшие своей продукцией округу^[425]. Скорее всего, Зимно служило к тому же важнейшим в регионе средоточием меновой торговли. На тесную связь с антскими

землями (присутствие антских поселенцев среди основателей Зимно?) указывают находки пеньковской керамики.

Расселение дулебов шло с запада на восток, через ненаселенное Полесье по направлению к Днепру. Основные пути движения дулебских «колонистов» пролегали вдоль рек бассейна Припяти, на которых и расположена большая часть поселений восточной группы корчаковцев^[426]. С собственно бужанами следует связывать группу поселений с центром в Зимно, располагавшуюся на Западном Буге и в верховьях Турьи, притока Припяти. Позже дулебы продвинулись и вверх по Турье. Еще одна группа поселений (Подрижье и др.) расположена по реке Стоход, а с ней, несомненно, связано происхождением племя, осевшее на реке Стырь, — выше и ниже по течению современного Луцка (Липа и др.). Эта последняя группа селищ может быть с уверенностью сопоставлена с летописными лучанами. «Баварский географ» говорил в IX в. о племени луколан, скорее всего, где-то на западе восточнославянских земель^[427].

Районом наиболее плотного расселения дулебов явились верхнее и среднее течение Случи, междуречье Горыни и Случи (есть отдельные поселения и на западном берегу Горыни) и верховья Тетерева, притока Днепра. На север от Тетерева поселениями охвачены бассейн его притока Ирши и верховья Ужа. Здесь явно лежали земли нескольких племен. На Тетереве располагалась Корчакская группа селищ, давшая название археологической культуре словен. Из компактно расселившихся в этих областях дулебских племен позже сложился племенной союз древлян. Изначально древлянами называлось племя (или уже ряд племен), осевшее в густых местах этого региона^[428], непосредственно подступавших к антской лесостепи.

О том, что еще довольно долго древлянами именовалась только часть (южная?) здешних обитателей, свидетельствует опять же «Баварский географ». Среди славянских племен между русами и луколанами он упоминает Seravici (жеравичи? жеревичи? — на Жереве, притоке Ужа^[429]). В древлянском племенном союзе позднее выделялись два центра княжеской власти. Одним являлся район сближения Ирши и Ужа, где тогда располагались княжеские города Малин и Искоростень. Другим были земли выше по Ужу и к северу от Жерева, где находился город Овруч. Последний район (который

надежно можно соотносить с жеревичами) в корчакский период был заселен еще редко. Но единичные словенские поселения уже имелись, и довольно далеко, к северу оттуда, на впадающей в Припять Словечне. Древлянское племенное «гнездовье» явилось главным оплотом словенского расселения на антском порубежье.

Наряду с селищами на Словечне сложилась еще одна группа поселений словен, далеко оторвавшихся от основного массива и ушедших на север. Эта группа (Хотомель, Хорск, Семурадцы и др.) возникла к северу от широкого пояса полесских топей. Она расположилась на сравнительно небольшом пространстве пригодных для земледелия земель между впадением в Припять Горыни и Львы. Еще одно поселение (Буда Шеецкая) возникло дальше к востоку и уже на левом берегу реки. Словене пришли сюда с запада, двигаясь вдоль Припяти непосредственно с ее верховий (где есть одно их поселение) или с Турьи. Припятская группа стала зародышем племенного союза дреговичей, которых русский летописец при описании расселения славян называет вслед за древлянами^[430]. Племенное название дреговичей, упоминающееся в источниках с VII в. (часть племени тогда оказалась на Балканах), связано со словом «дрегва», обозначающим болото, топи^[431].

В связи с дреговичами в греческих источниках упоминается племя Βερζιται (берзичи? от *bergъ, «берег» или *bъreza, «береза»^[432]). «Баварский географ» упоминает среди восточнославянских племен Fresiti — тех же берзичей (точнее, их сородичей)^[433]. Скорее всего, племена дреговичей («Баварским географом» не упоминаемых) и берзичей составляли некую общность, в которой попеременно лидировали. Припятско-горынская группа поселений, отчасти заходящая в болота к югу от Припяти, соответствует этим двум племенам. Дреговичей следует помещать тогда на южных, заболоченных землях, берзичей — по берегу Припяти.

Заселение Полесья двумя кланами переселенцев, давшими начало двум племенам, союз этих племен и их взаимоотношения с южными сородичами отразились в позднем белорусском предании^[434]. Здесь сперва рассказывается о двенадцати братьях, живших в «темном лесу», промышлявших скотоводством и охотой, держа в страхе соседей. После смерти отца ссоры между женами братьев вылились в раздел и междоусобицу из-за земли. Двое младших, дружные между собой, «не

захотели колотиться с братьями» и ушли из родных краев с женами, многочисленными детьми и всем своим добром. С этим переселением, между прочим, предание связывает изобретение колеса, а с переправой переселенцев через Припять — плота. Старший из братьев, отчаявшись выбраться из дремучего заболоченного леса, стал родоначальником белорусов-полешуков, младший же, пробившийся из чащоб и болот на равнины, — полевиков. Этот мотив — явно позднее наслоение, связанное с переносом действия предания из Припятского Полесья на всю Белоруссию. Жители подвинских равнин иного происхождения, чем полешуки, далекие потомки дреговичей.

После того как поселенцы разбогатели на новом месте, старшие братья напали на них, чтобы отобрать добро. Однако сперва враги потерпели поражение, попав в затопленные ямы-ловушки или заплутав в чаще среди неприступных засек. Но из-за того, что каждый род приписывал себе честь победы, между полешуками и полевиками началась жестокая междоусобица (картина весьма достоверная для эпохи племенного строя). Ослаблением истощивших и разоривших друг друга сородичей воспользовались десять старших братьев и, наконец, захватили их земли, став над ними «панами».

Предание связано с событиями первоначального заселения Полесья, хотя подлинный их ход нам уже не восстановить. Достоверно то, что первые поселенцы (дреговичи и берзичи) отделились от дулебской общности и ушли далеко на север, в припятские леса и топи. Образование обоих названий с -ичи указывает на древность и даже на возможную реальность традиции о братьях-предках. В древнем предании первый из них поселялся бы в болотах (дрегве), другой — на берегу Припяти. Дальше мы вступаем в область если и не фантазий, то догадок. Можно полагать, что отношения дреговичей и берзичей с дулебами были непросты, что северные выселки не считались с властью великого князя, не платили ему ритуальную дань и действительно возбуждали алчность южных сородичей. Можно также полагать, что реальные события, сопровождавшие обуздание этой непокорности, отражены преданием достоверно. Вхождение дреговичей и берзичей в дулебский союз доказывается тем, что они появились в итоге на Балканах, — изоляция от бужан это исключала бы. Но предание отделено от описываемых событий почти полутора тысячами лет и содержит неизбежные черты позднейших эпох.

Из бассейна Тетерева словене продвинулись еще дальше на восток, в Среднее Поднепровье. Отсюда они вытеснили антов, основателей Старокиевского городища. Приход словенских поселенцев в район Киева с запада нашел отражение в нескольких преданиях, начиная с древнерусской Повести временных лет^[435]. В одном из украинских текстов (из поздних — наиболее логично построенном)^[436] недвусмысленно рассказывается о военных действиях. Некий «пан» неимоверно притеснял людей, «отбирал от них все, что можно было». В конце концов «подданные» восстали. Объединенные силы восставших разбили «пана» с его войском и гнали до места нынешнего Киева, где уничтожили своего угнетателя и его присных. В этом опять-таки чрезвычайно позднем предании смутно отразилось первоначальное могущество антов (ощущавшееся соседними дулебами) и падение этого могущества в результате войны, приведшей к заселению словенами-дулебами Киевщины.

Словенское население Киевщины было тем не менее крайне немногочисленно. По сути, речь шла о небольшом дулебском форпосте на крайнем востоке, отчасти в антском окружении. В Киеве поселение с пражско-корчакской керамикой расположилось на Почайне (нет доказательств обживания дулебами уже в это время антского городища). Чуть южнее располагалось другое поселение — Ходосово. Здешние жители именовались «поляне» (производное от «поле»^[437]). В славянской фольклорной традиции «полянин» (или «поляница») — воин-одиночка, чужеземец, но свободно общающийся со славянами, живущий на ничейной земле. С другой стороны, и представитель «своего» рода-племени ездит «в чистое поле поляковать». Этноним «поляне» появлялся на границах словенского ареала с другими славянскими (в широком смысле) группами населения — с антами на Среднем Днепре, с венетами на Висле. Таким образом, можно вывести, что «полянин» — представитель славяноязычного, но не словенского племени. Для дулеба VI в. это в первую очередь ант. С другой стороны, и представители «своего рода», оседающие на порубежье, в «поле», становились «полянами», тем более что нередко смешивались с аборигенами.

Будущая земля киевских полян в VI–VII вв. еще была в значительной части заселена антами. Анты селились по правому берегу даже выше впадения Роси. Антский элемент ощущается в

позднейшей Полянской культуре^[438]. Именно поэтому летописцы подчеркивают длительную разъединенность полян на отдельные «роды»^[439]. Позднейший племенной союз потомков антов и дулебов в VI в. еще не сложился. Но взаимодействие и смешение «родов» уже могло происходить.

Поселение в Среднем Поднепровье словен привело к расширению территории, занятой вытесненными отсюда антами. Отмечавшаяся близость антской культуры Левобережья Днепра к киевской культуре указывает на происхождение ее создателей из Среднего Поднепровья. Расширение антского ареала на восток в первой половине VI в. прослеживается, как увидим, и по письменным источникам.

Не вызывает сомнений, что часть антов отступила из района Киева вниз по Днепру, к впадению Роси и далее. Неизбежное в этом случае перенаселение этих земель, вероятнее всего, привело к образованию отдельной группы антских поселений гораздо дальше на юг — по обоим берегам реки при ее изгибе (Яцева балка, Игрень, Волошское и др.). В своем продвижении с севера эти анты должны были миновать на левом берегу впадение реки Орель (др.-рус. Угол). От этой реки производится название восточнославянского племенного объединения угличей (уличей), занимавшего нижнеднепровские земли в IX–X вв.^[440] Скорее всего, название «угличи» появилось именно в антскую эпоху и прилагалось к антскому племени, осевшему на самой границе алано-болгарских степей, за устьем Орели-Угла. Распространенность в славянской традиции тюркизированной формы этого названия — «уличи» — объясняется именно давним взаимодействием угличей и болгарских кочевников в этом районе. Впрочем, отдельные антские поселения есть и на самой Орели. Скорее всего, они оставлены частью угличей, живших на реке-эпониме и двинувшейся вверх по ее течению, в глубь Левобережья.

Отдельные группы антов оседают также на Суле (при впадении Удая — поселение Хитцы и др.), Псёле, Ворскле. Эти единичные (кроме приудайской группы) поселения принадлежали северам и другим антским племенам, сложившимся в контактной с кочевниками зоне.

Повесть временных лет определяла ареал северов «по Десне, по Сейму и по Суле»^[441]. Антские поселения есть на всех названных реках. На Десне и Сейме анты селились вместе или чересполосно с

«эстиями», носителями колочинской культуры^[442]. Контакты колочинцев с пеньковцами отмечены и в верховьях Сулы (Хитцы)^[443]. В Подесенье и Посемье анты селились на колочинских поселениях, причем число антских мигрантов было достаточно велико^[444]. Реконструируемая археологами картина — «подселение» на балтские селища отрядов мужчин-славян и вступление их в браки с местными женщинами^[445] — указывает на немирный характер проникновения антов в Подесенье. В политическом отношении эта территория, скорее всего, антами постепенно завоевывалась. Но масштабной славянизации местного населения в VI–VII вв. еще не произошло. Скорее даже шла речь о растворении пришельцев в местной среде^[446].

Расширение антского ареала на восток, как уже сказано, нашло отражение в письменных источниках. Уже говорилось, что Кассиодор в первых десятилетиях VI в. ограничивал антские земли на востоке Днепром. Иную картину находим у писавшего в середине VI в. Прокопия Кесарийского. Отражая ситуацию около 550 г., он помещает «бесчисленные племена антов» к северу от приазовских утигур^[447], то есть в глубине днепровского Левобережья.

Таким образом, в первой половине VI в. сформировались ареалы расселения славяноязычных племен на ВосточноЕвропейской равнине. Лесную полосу от Западного Буга до Среднего Днепра, ограниченную с севера Припятью, заселили словене-дулебы. К югу и востоку от них жили анты. Они населяли лесостепь от Сирета до Днепра, лесостепные и отчасти степные области Нижнего Поднепровья и Левобережья, отчасти Подесенье с Посемьем, а на западе заняли подступы к Дунаю вблизи его дельты. Эта карта славянского расселения сохранялась затем на протяжении длительного времени.

Славяне против Юстиниана

1 апреля 527 г. на престол империи ромеев вступил племянник умершего в том году Юстина, Петр Флавий Саббатий Юстиниан. Главной целью нового императора являлось укрепление расшатанной десятилетиями смуты ромейской государственности. В правовом Кодексе Юстиниана было обобщено все действующее римское право. С первых лет правления Юстиниан, ревностный приверженец христианской ортодоксии, обрушил репрессии на еретиков и язычников. При нем была закрыта Афинская академия (529 г.), ставшая опасным центром персидского влияния. В 532 г. Юстиниану пришлось иметь дело с мощным восстанием «Ника», вызванным распрей между димами прасинов и венетов в Константинополе. В ходе восстания рядовые члены обеих партий объединились в ненависти к Юстиниану и его жесткой налоговой политике. Была предпринята попытка свергнуть его с престола. Лидеры венетов, однако, перешли на сторону Юстиниана, и он жестоко подавил восстание.

Юстиниан поставил перед собой задачу вернуть империи былое величие. Он поддерживал активные дипломатические контакты с «варварскими» государствами и племенами, обеспечивая свое влияние на Западе. В 532 г. был заключен «вечный мир» с Ираном (хотя позднее борьба с Сасанидами возобновилась). С 533 г. император начал открытую вооруженную борьбу с германцами за воссоздание Древнего Рима.

Важнейшим условием этой борьбы являлось установление хотя бы временного спокойствия не только на восточной, но и на дунайской границе. Между тем в начале правления Юстиниана до этого было весьма далеко. Власть империи на придунайские земли фактически не распространялась. Из-за Дуная в пределы державы вторгались новые и новые отряды гуннов, антов и словен и «творили ромеям ужасное зло»^[448]. В 530 г. перешедшему к тому времени на службу империи гепиду Мунду пришлось отражать в Иллирике мощное нашествие болгар^[449]. Фактическая граница империи со «множеством варварских племен» проходила в начале правления Юстиниана немногим к северу от линии Филиппополь — Адрианополь. Под властью ромеев остались

лишь самые южные земли провинций Фракия и Эмимонт. В первые годы правления Юстиниан отдал приказ починить обветшавшие укрепления городов Филиппополь, Веррия (провинция Фракия), Адрианополь, Платинополь (провинция Эмимонт). Все они находились под угрозой нападения «варваров»^[450].

В 531 г. Юстиниан назначил *magister militum* Фракии своего приближенного, «очень находчивого в военных делах» Хильбуда (Хилвудия)^[451]. Главной целью Хильбуда являлось не допускать впредь переправ «варваров» через Дунай. И с этой задачей он блестяще справился. «Варварские» набеги на Фракию прекратились^[452]. Власть империи полностью восстановилась не только в центре диоцеза, но и в северных его провинциях. Именно к этому времени относятся меры по укреплению границы в Скифии и Мезии, описанные Прокопием в трактате «О постройках». Заново были отстроены, в частности, крепости Адина и Улмитон. Эти местности были полностью очищены от словенских шаек^[453]. Какое-то словенское и антское население в Добрудже осталось, но теперь оно должно было подчиниться империи. Хильбуд не ограничился разгромом «варваров» в порученном диоцезе. Он неоднократно совершал походы за Дунай, истребляя и обращая в рабство славян и гуннов на их собственных землях^[454]. Казалось, на дунайской границе установилось спокойствие. В ознаменование побед Юстиниан принял титул «Антский»^[455] — ясное свидетельство того, что свои главные победы Хильбуд одержал именно над этими племенами.

Явное доказательство мощи империи не могло не привести к изменению характера отношений между ней и славянами. Часть антов и словен теперь начала искать для себя выгоду в союзе с Константинополем, тем более что Юстиниан охотно привлекал «варваров», вчерашних врагов, к себе на службу и вступал с ними в соглашения. Первые анты и словене — федераты империи, несомненно, происходили из среды новых обитателей Малой Скифии, вынужденных смириться с торжеством ромейского оружия^[456]. Одним из их числа мог быть будущий ромейский полководец Дабрагез — знатный ант, подвизавшийся на имперской службе примерно в начале 530-х гг. Он крестился и женился на гражданке империи — во всяком случае, его сын носил греческое имя Леонтий^[457]. Дабрагез — первый

крещеный славянин, о котором у нас есть сведения. Не вызывает сомнений, что даже для своего круга «союзников» империи он был исключением. Подавляющее большинство из них сохраняло верность языческой вере.

В 533 г., как уже говорилось, Юстиниан начал войну за восстановление ромейской власти на Западе. В 533–534 гг. он разгромил вандальское государство и вернул римскую Ливию, а в 535 г. началась затяжная Готекая война — за освобождение Италии. Для этих войн Юстиниан во множестве привлекал «варварские» силы. Уже в 533 г. для похода на вандалов были набраны части из задунайских «варваров» — гуннов, антов и словен. Они были отданы под начало ромейским полководцам Мартину и Валериану. В 537 г., отправляясь в Италию, Мартин и Валериан командовали 1600 всадниками из племен, «обретающихся за Истром»^[458]. И в Вандальской, и в Готской войнах дунайские федераты сыграли немалую роль. Иные из них весьма отличились на службе империи.

К моменту начала Готской войны ситуация на дунайской границе вновь изменилась для империи к худшему. В 534 г. Хильбуд, за прошедшие три года привыкший безнаказанно разорять «варварские» земли, вторгся в область дунайских словен с небольшим отрядом. Ему, однако, пришлось на этот раз столкнуться с ополчением «всего народа» — всей дунайской племенной группы. В произошедшем сражении словене одержали победу. Погибла значительная часть отряда Хильбуда, в том числе и он сам. После его смерти наладить оборону Фракии оказалось некому. К тому же можно не сомневаться, что победа воодушевила «варваров». Набеги за Дунай возобновились^[459]. Наряду с болгарами^[460] активизировались анты и словене.

Ведущую роль среди славяноязычных племен Дакии, в том числе и в их набегах, по-прежнему играли анты. Анты упоминаются как «племена»-разорители в средневековой еврейской глоссе, отражающей настроения страдавших от их грабежей и насилия евреев империи. Наравне с ним названы берберы, наносившие серьезный ущерб в Ливии после победы ромеев в Вандальской войне^[461].

Фракийские земли уже в 535 г. стали ареной ожесточенных боев с «варварами». В 537 г. упоминается о «варварских» (антских и словенских?) нападениях на Скифию и Мезию. Пленных ромеев в

немалом числе угоняли в рабство за Дунай. Для «варваров» это стало источником не столько даже рабочей силы, сколько выгодного торга с империей, правительство которой принимало энергичные меры к выкупу пленников. В 538 г. в Мезии было разрешено продавать и закладывать для выкупа пленников церковную утварь, не подвергать никакому отчуждению завещанное или подаренное на выкуп имущество. Обстановка на дунайской границе была столь тревожной, что отправка туда воинских частей рассматривалась как наказание^[462].

Но «варварские» набеги не ограничивались дунайским пограничьем. Во второй половине 30-х гг. «варвары» проникали далеко в глубь имперских земель. В частности, они появились в те годы в окрестностях Фессалоники и «ограбили всю область». Ромеи ожидали нападения на город и несли на его стенах ночную стражу^[463]. Судя по всему, это были анты^[464]. Словене до 548 г. вообще не предпринимали самостоятельных глубоких вторжений в ромейские земли^[465].

Между тем к северу от Дуная происходили достаточно серьезные этнополитические изменения. Военные столкновения между соседними племенами были здесь обычным явлением^[466]. Примерно в конце 530-х гг. разразилась война между словенами и антами. Анты потерпели поражение^[467]. Как говорилось ранее, анты до этого времени лидировали в общности славяноязычных племен к северу от Дуная. Более того, дунайские словене (группа Ипотешти) первоначально, судя по всему, входили в антский племенной союз. Теперь ситуация меняется. Дунайцы становятся самостоятельным племенным объединением, на равных общающимся с антами. Это стало отражением общего ослабления антского племенного союза. Нельзя отрицать возможность непосредственной связи между расселением дулебов на севере и удачной войной дунайцев против антов.

Протяженность антской границы с империей после отпадения дунайских словен резко сократилась и ограничилась самыми низовьями Дуная. Напротив, дунайские словене имели с империей довольно протяженную границу и представляли теперь большую, чем анты, угрозу. В связи с этим словене выходят на первое место в традиционной формуле обозначения «варварских» племен Задунавья. Теперь она звучит: «Гунны, словене и анты»^[468]. В то же время и анты

продолжали набеги на империю. Один из таких набегов первой половины 540-х гг. упоминает Прокопий: «Анты, обрушившись на области Фракии, многих ограбили и поработили из тамошних ромеев. Ведя их, они возвратились в отчие места»^[469]. В 544 г. церквам городов Одиссоса и Том в Малой Скифии, на границе с антами, было разрешено «отчуждать недвижимое имущество ради выкупа пленных»^[470] (не исключено, что как раз в связи с этим набегом). Словене, в свою очередь, по-прежнему не рисковали углубляться в ромейские земли, ограничиваясь слабо организованными, хотя и частыми налетами небольших отрядов на приграничные края. Мирные отношения между антами и словенами на Дунае вскоре восстановились^[471]. Несомненно, важную роль в этом сыграла непрекращавшаяся война с общим противником — Ромейской империей. Антский союз, чьи земли простирались на восток до Днепра и за Днепр, оставался желанным союзником и опаснейшим врагом.

В 545 г. произошли события, изменившие политическую ситуацию на Левобережье Дуная. Подробное их описание содержится в «Готской войне» Прокопия Кесарийского^[472]. В упомянутом выше набеге среди прочих пленников был захвачен некий ромей, которого Прокопий характеризует как «мужа очень злокозненного и способного любого встречного обмануть хитростью». Изыскивая способ вернуться на родину, раб рассказал своему господину-анту («человеколюбивому и кроткому», по словам Прокопия), будто имперский полководец Хильбуд не погиб, а находится в рабстве у словен, скрывая при этом, кто он. Выкуп этого вельможи и доставка его в пределы ромеев не остались бы без наград со стороны императора. Ант, убежденный своим пленником, отправился вместе с ним к словенам и вскоре разыскал там раба по имени Хильбуд, прославленного воинской доблестью. По словам Прокопия, на самом деле это был ант, захваченный в плен еще «юношей с первым пушком на губах» во время антско-словенской войны, случившейся уже после гибели полководца Хильбуда. Ант выкупил его за большие деньги. Оказавшись же в антских землях, Хильбуд сообщил пораженному хозяину, что «он и сам ант» и «поскольку вернулся в отчие места, то впредь и сам будет свободен, по крайней мере, по закону». Ромей, стремившийся ускорить свое возвращение, однако, настаивал, что

перед ними именно полководец Хильбуд и что тот всего лишь по-прежнему скрывает истину от «варваров».

Случай стал предметом рассмотрения на общеантском вече. Обладание пленным ромейским полководцем сулило антам очевидные выгоды, поэтому племенной союз объявил ситуацию «общим делом». От Хильбуда потребовали под страхом наказания признать, что он и есть бывший наместник Фракии. После некоторого запирательства «возбужденный надеждами» Хильбуд признал это.

«Надежды» невольного самозванца были связаны с прибывшим к антам посольством Юстиниана. Стремясь расколоть фронт «варварских» племен и помешать действиям на тот момент наиболее грозного на этом участке врага — болгар, император предложил антам выгодный союз. Предложения Юстиниана сводились к следующему. Антам передавался город Туррис — одна из обезлюдевших древнеримских крепостей к северу от Дуная (в причерноморских областях Дакии^[473]) с окрестными землями. Юстиниан обещал поддержку в заселении этой ничейной территории, богатые дары и «много денег». В обмен анты должны были стать «союзниками» империи. Союз направлялся против болгар — предполагалось, что из Турриса анты смогут оказывать эффективное противодействие «гуннским» набегам на империю. Анты приняли условия императора. Единственным их дополнением явилось требование придать в качестве «сооснователя» (то есть ромейского правителя-представителя в Туррисе) самозваного Хильбуда, «вернув» ему воинский чин. Надо отметить, что поведение анта Хильбуда могло ввести в заблуждение даже ромейских послов — он знал латынь и «выучил уже многие из примет» настоящего полководца, — наверное, благодаря ромейскому пленнику-авантюристу.

Тем не менее для закрепления соглашения требовалось прибытие Хильбуда в Константинополь. По пути он был встречен во Фракии известным ромейским полководцем евнухом Нарсесом — тот был направлен на север Юстинианом для привлечения герулов в италийскую армию. Нарсес обвинил Хильбуда во лжи и, посадив его под арест, выведал всю правду. Затем он отослал самозванца в Константинополь. Здесь Хильбуд и умер 28 сентября 558, 573 или 588 г.^[474]

Арест Хильбуда, однако, никак не сказался на антско-ромейском союзе. О набегах антов на империю после 545 г. не упоминается. Достаточно надолго прекратились и набеги болгар, из чего можно сделать вывод, что анты исполняли условия договора с Юстинианом. Однако план заселения Турриса и превращения его в крупный антский центр, оплот союза с империей, не осуществился. Где бы ни находился этот город, никаких следов его восстановления и антского проживания в нем не обнаружено. Единственный укрепленный центр антов этого времени, как уже говорилось, — городище Пастырское на огромном расстоянии от имперских границ. Срыв данной договоренности, скорее всего, и объясняется арестом Хильбуда. Воплощение антских условий в жизнь означало создание на границе империи мощного «варварского» королевства, власть и армия которого формировались бы на основе римских традиций. Этого империя позволить себе не могла, а антам без Хильбуда и приданной ему в подчинение ромейской помощи незначительно было тратить силы на занятие Турриса и освоение его округи.

Ближайшим следствием антско-ромейского союза явился набор антов в имперские вспомогательные части уже осенью того же 545 г., когда Хильбуд был захвачен по пути в Константинополь. Возможно, что именно этот суливший немалую награду набор возместил антам лишение самозванца свободы. Полководец Иоанн, посланный для этого из Италии на Балканы, привлек в свой тысячный отряд наряду с «гуннами» также три сотни антов. Они участвовали в военных действиях в Италии, при этом действовали достаточно самостоятельно, соблюдая верность Иоанну. Они оказали по его приказу помощь римлянину Туллиану в его борьбе с остготами в Лукании (547 г.). После же того, как готскому королю Тотиле удалось добиться распада крестьянского ополчения Туллиана, а сам он скрылся, анты по своей воле возвратились к бежавшему от Тотилы в Дриунт Иоанну. Позже, при разгроме того же года, Иоанна предали только «гуннские» воины — анты, следовательно, сохранили свою преданность^[475].

Юстиниан даже и не надеялся обратить антов против словен. Ему было вполне ясно, что отношения между этими родственными племенами, будь то дружественные или враждебные, пока ему не подвластны. В выдвинутых им условиях не было ни слова о

противодействию словенским набегам. Это делало союз антов с империей во многом условным. Более того, договор антов с ромеями и прекращение гуннских набегов сокращали своеобразную конкуренцию среди нападавших на империю «варваров» и превращали словен в единственных хозяев всего, что могло быть захвачено на правом берегу Дуная. Это, несомненно, придало энергии их набегам в последующие годы. Нападения на земли империи теперь предпринимаются словенами самостоятельно, превращаются в масштабные предприятия, в которых задействованы силы целого племени или нескольких племен. Характерным следствием изменившейся ситуации является неоднократное упоминание словен без антов в перечнях врагов империи^[476].

Уже осенью 545 г., пока шли переговоры между Юстинианом и антами, «огромное полчище» словен вторглось во Фракию. Земли диоцеза вновь подверглись ограблению, «великое множество ромеев» попало в плен. В это время во Фракии находились герулы, призванные Нарсесом и оставленные им там на зимовку. Под предводительством своего герцога Филимута и ромейского военачальника Иоанна Фагаса герулы внезапно атаковали словен. Несмотря на значительное численное превосходство противника, союзники империи одержали победу. Словене были перебиты, а их пленники — отпущены по домам^[477].

Поражение 545 г. не остановило словен. Но оно побудило их перейти к более организованным вторжениям в южные земли. В начале 548 г. «войско» словен переправилось через Дунай в Иллирик. На этот раз словене совершили глубокий рейд в ромейские земли, дойдя до самого Диррахия (Эпидамна), приморского центра провинции Новый Эпир. Это был первый случай нападения словен организованным «войском» и столь глубокого их проникновения в земли империи. При этом же набеге они впервые атаковали ромейские крепости. Страх перед «варварами» привел к тому, что защитники «считавшихся надежными» крепостей оставляли их словенам без сопротивления. Более того, военные трибуны Иллирика шли по следам словен с 15 тысячами войска, но не решались ударить по врагу. Судя по данным о других словенских вторжениях, их силы значительно превосходили словен числом. Они были велики даже по ромейским меркам. Ромейских стратигов, без сомнения, останавливала слава об

умении словен нападать из засады и вести войну в горах. На пути к Эпидамну словене убивали или порабощали всех попадавшихся им взрослых, грабили страну. Диррахий, впрочем, они штурмовать не стали и вскоре безнаказанно вернулись за Дунай^[478]. Этот набег стал грозным предупреждением для империи, предвестием еще более серьезных потрясений.

Первое нашествие

Готская война шла для империи с переменным успехом. Предводитель остготов Тотила достаточно успешно противостоял императорским войскам. Умело действовал он против Юстиниана и на дипломатическом фронте. Ему удалось если и не склонить на свою сторону усилившихся за счет присоединения Бургундии и северных остготских провинций франков, то настроить их против Константинополя. Вестготы, не вступая в военные действия, вместе с тем не скрывали симпатий к родичам и единоверцам.

Благоприятствовала Тотиле ситуация на Среднем Дунае. В третьей четверти VI в. здесь разгорелось острое соперничество за лидерство между двумя германскими королевствами — гепидов и лангобардов. Тесно связанные с империей в религиозном и политическом плане, лангобарды добились поддержки Юстиниана. Гепиды в этих условиях не могли не ориентироваться на Тотилу. Хотя масштабной войны с империей гепиды и избегали, столкновения их с ромейскими войсками происходили не раз.

Борьбу между гепидами и лангобардами дополняли внутренние их распри. Король лангобардов Вак (ок. 500–539), стремясь обеспечить престол своему сыну Вальдару, изгнал из страны своего племянника Рисиульфа, а затем подстроил его убийство. Сын Рисиульфа, Ильдигис, нашел убежище у словен (граничивших с лангобардами, гепидами и остготами, то есть у богемских). Когда при Вальдаре (539–546) разразилась война между гепидами и лангобардами, Ильдигис со своими сторонниками-соплеменниками и союзными словенами объявился в королевстве гепидов. Гепиды выдвинули его своим претендентом на лангобардский престол. Однако после смерти Вальдара его опекун Авдуин (Эдвин) из рода Гаузов, вступив на трон, добился мирного соглашения с гепидами. По условиям договора 547 г. Ильдигис должен был быть выдан. Но гепиды не стали делать этого, напротив, позволили Ильдигису и его сторонникам вернуться в Богемию, прихватив с собой «некоторых добровольцев из гепидов». В 549 г. Ильдигис, уже с шеститысячным войском, пересек Дунай в охваченном анархией Норике и двинулся на юг. Шел он «к Тотиле и

готам», то ли призванный ими как союзник, то ли сам надеясь попытать удачу в войне с империей. Атаковав Венецию, Ильдигис нанес поражение ромейскому отряду под командованием Лазаря. Но по неясным до конца причинам развивать свой успех лангобардский принц не стал. Ильдигиса вроде бы подкупили ромеи (вскоре он на недолгое время объявился на службе империи). Так или иначе, Ильдигис повернул назад и отступил в Богемию^[479].

На фоне грандиозной борьбы за Италию для империи это был небольшой и не самый драматичный эпизод. Вместе с тем возможно, что именно он навел Тотилу на мысль использовать граничившую с империей часть словен в своем противостоянии Юстиниану. Действительно, обстановка на дунайской границе складывалась для империи не слишком благоприятно. Объективно здесь уже сформировался антиромейский фронт из гепидов, дунайских словен и болгар-кутригур. Что касается союзников империи, то их поддержка была не слишком эффективной. Лангобарды отчасти сковывали силы гепидов, но и сами сковывались ими. Союз империи с антами ограничивался борьбой с болгарами, тогда как главной угрозой на этом участке теперь становились словене. Кроме того, анты и лангобарды были связаны союзными договорами с империей, но не друг с другом. Рациональный курс Константинополя, не содействовавшего установлению контактов между союзными «варварами», в конкретной ситуации оказался, как показали события, близоруким.

Несомненно, весь этот военно-политический расклад был известен Тотиле. Потому нет оснований не доверять распространившейся в Константинополе информации, что Тотила установил со словенами прямые контакты. Подкупив их «большими деньгами», остготский король подбил их в очередной раз напасть на балканские провинции, «дабы император, отвлекшись на этих варваров, не смог удачно вести войну против готов»^[480]. Чтобы отвечать замыслам Тотилы, спровоцированное им вторжение должно было по масштабу отличаться от всех предыдущих. Это, несомненно, отвечало и интересам самих словен, стремившихся к захвату на ромейских землях как можно больших богатств и к занятию самих этих земель.

Весной 550 г. примерно трехтысячное («не более чем в три тысячи») войско словен, не встретив сопротивления ромеев,

переправилось через Дунай. Это был передовой отряд главных сил вторжений, еще готовившихся к переправе. Состоял он, судя по всему, в значительной части из членов воинских братств. Быстро продвигаясь на юг примерно по границе Фракии и Иллирика, словене переправились через Гебр (Марицу) где-то в ее верховьях, выше Филиппополя. Беспрепятственно внедрившись, таким образом, в глубь ромейской территории, войско разделилось надвое. Один отряд, по сведениям Прокопия, насчитывал 1800 человек, «в другой входили остальные». Известно, что один отряд обратился против Фракии, продолжив движение на юг, к Эгеиде. Другой отряд двинулся на запад, в Иллирик. Больше был именно фракийский отряд, о действиях которого у Прокопия вообще более определенные сведения. Дождавшись, пока словене удалятся друг от друга, военные трибуны провинций атаковали их со значительно превосходящими силами. Но обе группировки императорских войск потерпели сокрушительное поражение. Часть ромеев пала в бою, часть во главе с военачальниками бежала с поля боя.

Движение фракийского отряда словен на юг создавало непосредственную угрозу центральным областям империи. Из крепости Цурул, расположенной неподалеку от Константинополя, во главе многочисленного отряда всадников выступил для отражения словен императорский телохранитель («кандидат») Асвад. «Безо всякого труда», по словам Прокопия, словене одержали победу и обратили отборные части защитников столицы в паническое бегство. «Варвары» преследовали разгромленных врагов по пятам и в большинстве перебили их. У настигнутого и захваченного в плен Асвада нарезали из спины ремней, а затем, еще живого, сожгли, бросив в костер^[481].

После разгрома высланных для противодействия им войск словене «безбоязненно» принялись разорять Фракию и Иллирик. При этом с момента вторжения они свирепо истребляли всех попадавшихся им людей без разбора пола и возраста, совершая над ними кровавые воинские ритуалы и бросая непогребенными тела. Прокопий описывает жестокости словен так: «Очень крепко вбив в землю колья и сделав их весьма острыми, с большой силой насаживали на них несчастных... вкопав в землю на значительную глубину четыре толстых столба, привязывая к ним руки и ноги пленных, а потом

непрерывно колотя их дубинами, варвары эти убивали... А иных они, запирая в сараях вместе с быками и овцами... безо всякой жалости сжигали»^[482]. Другие леденящие подробности сообщал писавший вскоре после того же страшного нашествия Псевдо-Кесарий: «Словене с удовольствием поедают женские груди, когда наполнены молоком, а грудные младенцы разбиваются о камни...»,^[483] Кровавое восхваление богов войны и своих ратных доблестей словене умерили лишь после взятия Топира. Этот довольно крупный город был первым из встреченных ими городов приморской фракийской провинции Родопа (вообще первой значительной из взятого обоими отрядами «множества крепостей»?). Его штурму «варвары» придали некий сакральный смысл^[484].

Словене подступили к Топиру, стоявшему неподалеку от моря на реке Коссинф и имевшему регулярный гарнизон, уже разграбив окрестности. Основная часть «варваров» укрылась в холмистой местности перед обращенными к востоку городскими воротами, где высокий отвесный холм поднимался над городской стеной. Небольшой отряд словен появился в виду ворот и принялся «беспокоить ромеев у зубцов». Решив, что число нападающих невелико, ромейские солдаты всем гарнизоном предприняли вылазку и атаковали их. Словене обратились в притворное бегство. Когда ромеи отдалились от городской стены, в тыл им ударила, отрезая путь к городу, вражеская засада. Спереди на них напали преследуемые «варвары». Весь гарнизон пал, и словене ринулись на штурм. Жители города упорно оборонялись, используя камни, кипящее масло и смолу. Некоторое время им удавалось отражать натиск. Но, в конце концов, словене, используя упомянутый высокий холм, согнали защитников со стены стрелами, а затем взобрались на ее гребень по лестницам. Топир пал. Именно тогда словене впервые за время нашествия взяли пленников — всех женщин и детей. Но мужское население Топира (15 тысяч человек, по оценке Прокопия) было перебито^[485].

После взятия Топира и фракийский, и иллирийский отряды словен продолжали разорять ромейские земли. Враг находился в 12 днях пути от столицы империи. Словене осадили и взяли, как уже говорилось, «множество крепостей», захватили «бессчетные тысячи пленных»^[486]. Масштабы опустошения, причиненного даже этими, сравнительно

небольшими, силами словен европейским землям империи были значительны.

Тем не менее словенское нашествие пока не добилось главной своей (с точки зрения Тотилы) цели — не остановило переправки новых сил в Италию. Летом 550 г. Герман Аниций, назначенный новым командующим италийской армией, невзирая на действия словен, приступил во Фракии и Иллирике к набору войск. К переброске в Италию готовилась часть расквартированной во Фракии конницы. Явились герульские герцоги и тысяча воинов от лангобардского короля. Громкая слава Германа, прежнего победителя антов, привлекла к нему и «варваров, которые обретались около реки Истр». Основную часть их, без сомнения, составляли союзные теперь империи анты и часто нанимавшиеся ей на службу болгары. Но, должно быть, Герману удалось перетянуть к себе и кое-кого из дунайских словен, готовящихся у Дуная к вторжению в ромейские пределы^[487].

Герман еще находился в Сардике, центре Внутренней Дакии и одной из главных ромейских баз в Иллирике, когда основные словенские силы пересекли Дунай к северо-западу оттуда, в районе Наисса. Прокопий характеризует их как «полчище склавинов, какого еще не бывало». Следовательно, они превосходили числом отряд, вторгшийся весной, несмотря на то что кто-то из словен поддался на призывы Германа. Цель словен была под стать масштабу нашествия — «осадой захватить Фессалонику и окрестные города». Таким образом, действия словенского авангарда лишь расчищали поле для осуществления этого грандиозного военного замысла. Ромеям удалось захватить в плен нескольких словен, «разбредшихся из лагеря и поодиночке блуждавших и круживших по тамошним местам». Узнав благодаря этому о замыслах «варваров», Юстиниан встревожился. Он «сразу написал Герману, чтобы тот в данный момент отложил поход в Италию, но встал бы на защиту Фессалоники и других городов и всеми силами отразил нападение склавинов». На фоне их прежних успехов завоевание второго по значимости города Балкан не выглядело фантастичным.

План Тотилы оказался чрезвычайно близок к успеху. Но готский король не мог учесть славы Германа среди придунайских «варваров». Узнав, в свою очередь, от захваченных в плен ромеев о том, что Герман медлит в Сардике, словене «пришли в ужас». Зная о наборе войск

против Тотилы и не желая иметь дело с приготовленной для Готской войны армией, словене отказались от своего первоначального замысла. Они не стали соединяться с действовавшими, судя по всему, не очень далеко от Фессалоники силами авангарда. Оставшись в иллирийских горах, они ушли дальше на северо-запад, в принадлежавшую прежде остготам, а теперь ничейную гористую Далмацию^[488].

Герман стал готовиться к отбытию в Италию. Но повести туда войско ему было не суждено. Внезапно ромейский полководец умер. Его войско выступило под командованием Иоанна, занимавшего тогда пост *magister militum* Иллирика. Двигаясь по суше через ту же Далмацию, оно осталось на зимовку в ее крупнейшем городе — Салоне. В столкновения со словенами ромеи не вступали. Между тем все три отряда словен остались зимовать на землях империи, «будто в собственной стране и не боясь никакой опасности». Это была первая зимовка вторгавшихся словен в балканских провинциях^[489] (не считая Скифии). Судя по всему, к «варварам» подходили подкрепления из-за Дуная. Осенью 550 — весной 551 г. словене «совершенно беспрепятственно разоряли державу ромеев», «сотворили ужасное зло по всей Европе». При этом они по-прежнему действовали тремя частями — два отряда в Иллирике (один вернулся из Далмации с прибытием туда императорской армии; другой, меньший, действовал где-то в Македонии) и один во Фракии.

Весной 551 г. против фракийского отряда словен Юстиниан выслал большое войско под командованием евнуха Схоластика с участием ряда видных ромейских полководцев — Константиана, Аратия, Назара, Юстина (сына Германа), Иоанна Фагаса. К этому времени «варвары» уже опасно приблизились к столице и находились в окрестностях Адрианополя (5 дней пути до Константинополя). Но огромная добыча сдерживала дальнейшее продвижение словен, и, наткнувшись на готовые к бою императорские войска, они встали лагерем на возвышавшейся над противником горе. Невыгоды местности заставляли ромейских полководцев медлить. Это вызвало недовольство в их войсках, тем более что ведшиеся словенами приготовления к бою остались скрыты от ромеев. В конце концов, изведенные «сидением» и особенно нехваткой припасов солдаты стали роптать. Опасаясь бунта, военачальники вступили в бой с врагом — и потерпели сокрушительное поражение. «Многие лучшие воины»

погибли, «полководцы, едва не попав в руки неприятеля, насилу спаслись с остатками, бежав куда кто мог». Словенам досталось знамя Константиана.

Поражение при Адрианополе действительно оказалось тяжелым ударом для империи. Но и словенам оно вскружило голову. «Проникшись презрением к ромейскому войску», они двинулись дальше. Сперва «варвары» действительно не встречали сопротивления. Разграбив Астику — прежде не опустошавшуюся «варварами» центральную область диоцеза Фракия, они вновь повернули к Константинополю. Едва ли они рассчитывали захватить столицу империи. Даже для захвата фракийских городов у них явно не хватало сил. Пленники, сопровождавшие словен, намного превосходили их числом, и любое крупное сражение стало бы угрозой для «варваров». Но в дне пути от столицы — у ее внешнего оборонительного рубежа, Длинных Стен, — словене появились. В этом районе на них (точнее, на «какую-то их часть» — на арьергард, где находились пленные и трофеи) и напало ромейское войско, шедшее за ними по пятам. Словене, застигнутые внезапно, были разгромлены, многие перебиты. Была спасена «масса ромейских пленных», а вместе с ними — знамя, позорно потерянное Константианом^[490].

Это поражение окончательно остудило пыл словенских предводителей. Надежды на захват богатых и крупных городов рушились. О занятии какой-либо части ромейской территории не могло быть и речи. Важно теперь было сохранить уцелевшую часть добычи. После разгрома у Длинных Стен два словенских отряда — фракийский и первый (южный) из действовавших в Иллирике — ушли за Дунай, угоняя многочисленный полон и унося все еще богатую добычу^[491]. Однако нашествие отнюдь еще не закончилось. Главные и наиболее мощные силы словен («огромное полчище») продолжали оставаться в Иллирике^[492]. Борьбу с ними осложнило то, что в начале лета 551 г. по следам словен во Фракию вторглись кутригуры. Анты не стали препятствовать этому вторжению, поскольку через их зону ответственности болгары шли вовсе не в ромейские земли — их призвали гепиды в качестве наемного войска для борьбы с лангобардами. Не желая кормить за свой счет кочевников до окончания (в 552 г.) перемирия с соседями, гепиды натравили их на империю.

Именно тогда Юстиниан впервые привлек к борьбе с кутригурами утигурского хана Сандилха.

Справившись с «гуннским» вторжением, император послал осенью 551 г. войско в Иллирик, против чинивших там «неописуемые беды» словен. Верховное командование этой армией осуществляли сыновья Германа Юстин и Юстиниан. Последний для этой цели был отозван из Далмации, где стоял вместе с Иоанном, ожидая подхода нового командующего италийской армией Нарсеса, задержанного кутригурским нашествием. На этот раз, однако, ромейское войско значительно уступало противнику числом. Следует помнить, что здесь ромеи имели дело с главными силами вторжения, должно быть, еще и пополнившимися новыми отрядами из-за Дуная. Императорские войска применили уже не раз использованную тактику. Следуя по пятам за словенами, они беспокоили их арьергард, убивая и захватывая в плен отстающих. Это позволяло сохранить ромейское войско, но ввиду многочисленности «варваров» не повлияло на общий ход событий. Словене, «проведя в таком разбое значительное время, заполнили все дороги трупами и, поработив бесчисленное множество и разграбив все, со всей добычей вернулись домой». В Константинополе надеялись перехватить нагруженных добычей «варваров» при переправе обратно за Дунай. Но этот замысел сорвался. Словене не стали возвращаться в район прежней переправы, а сговорились с гепидами. Те переправили их за огромную сумму денег — «за каждую голову... по золотому статиду» — на свою территорию. Оттуда словене уже безболезненно вернулись в свои земли^[493].

Первое массовое словенское нашествие за Дунай явилось своеобразным рубежом в истории противостояния с империей. С этого времени словене представляют уже могучую и самостоятельную опасность на ее границах, нередко создающую угрозу самому существованию Второго Рима.

Глава третья.

СЛАВЯНСКИЙ СЕВЕР

Кривичи

В V в. на северо-западе будущей Руси появляются первые памятники археологической культуры длинных курганов. Большинство специалистов аргументировано связывает эту культуру со славянским племенным союзом кривичей, упоминаемым в русских летописях. Ареал распространения длинных курганов совпадает с летописным ареалом кривичей, включавшим Смоленскую, Полоцкую и Псковскую земли^[494].

На основании радиоуглеродного метода одно из наиболее периферийных, удаленных на север поселений кривичей (Варшавский шлюз III в Белозерье) датируется первой половиной V в.^[495] Можно заключить, что расселение кривичей происходило в весьма раннее время, независимо от распространения других славянских культур. Вместе с тем характерные черты культуры кривичей однозначно указывают на далеко не полную их изоляцию от сородичей. Предки кривичей ушли на север очень рано, под натиском гуннов в конце IV — начале V в. Особые черты их материальной культуры сложились, как увидим, на месте. Не исключено, что в заселении севера участвовали группы славян разного происхождения, приходившие разными путями^[496].

Согласно Повести временных лет, первой из относимых к кривичам групп на местах своего обитания появились полочане, жители Подвинья: «Иные [славяне] сели на Двине и нареклись полочане, — речки ради, что течет в Двину, именем Полота»^[497]. От них, как говорится позже, пошли и смоленские (верхнеднепровские) кривичи^[498]. Но при этом киевский летописец вовсе не говорит о псковско-изборских кривичах. Между тем огромное значение округа Пскова и Изборска для кривичской истории подтверждается и письменными источниками, и археологическим материалом^[499].

Вместе с тем представляется более чем вероятным, что сперва кривичи пришли все-таки на территорию современной Белоруссии. В то время ее земли населялись восточными балтами (археологическая культура Тушемли-Банцеровщины). Двигаясь вдоль речных артерий к северу от Припяти, славяне в первой трети V в. появились в Верхнем

(Могилевском) Поднепровье. В этой порубежной между колочинцами и тушемлинцами зоне новые пришельцы сперва и осели.

Славяне, судя по всему, являлись последними обитателями древнего поселения Абидня. В трех километрах севернее славянские жилища появились на колочинском поселении Тайманово^[500]. Где-то речь шла о вытеснении местных жителей, где-то — о мирном совместном существовании. Две славянские полуземлянки обнаружены западнее, на Нижней Березине, на колочинском селище Щатково^[501]. Это уже явное свидетельство мирного сосуществования немногочисленных славян с балтами.

Именно двигаясь вверх по Березине, славяне попали в верховья Вилии. Здесь имеется ряд тушемлинских поселений VI–VII вв. с ярко выраженными славянскими чертами. Особенно много славян жило на поселении Дедиловичи, домостроительство которого несет черты явно славянские. Здесь мы имеем дело с силовым «подселением», известным нам по пеньковско-колочинским материалам. Славяне брали в жены балтских женщин, о чем свидетельствует керамический материал (исключительно тушемлинская посуда)^[502]. Вместе с тем более типичным в этот период и в этом регионе являлось мирное сосуществование славян и балтов на одних поселениях. Поселение Городище характеризовалось смешением славян (составлявших до трети его населения) и балтов^[503]. Поблизости, на селище Ревячки, также выявлено сочетание балтских и славянских приемов домостроительства. Славяне принесли в регион, заселенный тушемлинскими племенами, ряд новых элементов быта, воспринятых отчасти местными жителями (каменные жернова, ритуальные железные ножи и др.)^[504]. Это отражает процесс длительного взаимодействия двух этнических элементов в Днепро-Двинском регионе.

С Верхнего Днепра славяне, предки кривичей, еще в первой половине V в. попали в верховья Ловати. Эти земли, малонаселенная северная периферия тушемлинской культуры, и стали базой для дальнейшего славянского расселения. Здесь обнаружен один из древнейших длинных курганов (Полибино), инвентарь которого надежно отнесен к V в.^[505] Здесь же находится селище Жабино, характеризующееся совместным проживанием славянского (культуры

длинных курганов) и тушемлинского населения^[506]. Из этого региона происходило расселение кривичей на север, в редконаселенные земли будущей Псковско-Новгородской земли. Местными жителями здесь были уже не балты, а прибалтийские финны. Их самоназвание отразилось в современном этнониме «сету» (близкая эстонцам группа в псковской округе) и в древнерусском обозначении прибалтийских финнов «чудь».

Основным для движения славян являлось направление вниз по реке Великой и далее по обоим берегам сообщающихся Псковского и Чудского озер. В ходе этого расселения они еще в начале VI в. достигли южной части бассейна реки Эмайыга на западном берегу, а на восточном берегу — реки Желчи^[507]. Отдельные группы кривичей в V — начале VI в. удалялись на восток от основного массива — в верховья Луги (Замошье) и даже за Ильмень, до Белозерья (Варшавский Шлюз, Усть-Белая)^[508].

Крупнейшим центром славянского расселения в регионе стало на том этапе Псковское городище (тогда еще не укрепленное). Здесь жили и пришлые славяне, и, в несколько большем числе, коренные жители — «чудь»^[509]. Совместное проживание и взаимное смешение славян и прибалтийских финнов в этих землях подтверждается также инвентарем и керамикой из самих длинных курганов^[510]. Отношения между двумя одинаково пока немногочисленными группами населения складывались по преимуществу мирно. Псков (древнейшее славянское название Плесков, «город на плесе [открытой части реки]») являлся общим племенным центром «чуди» и поселившихся бок о бок с ней кривичей. Находки на Псковском городище (в славянских жилищах) сосудов тушемлинского типа свидетельствуют о приходе с мужьями-славянами некоторого числа балтских женщин.

Таким образом, расселившись на балтских и прибалтийско-финских землях, кривичи вступили в отношения своеобразного симбиоза с аборигенами. В землях «чуди» этот симбиоз носил более мирные формы. Однако и балтские племена установили со временем мирные контакты с пришельцами-славянами. О длительном взаимодействии кривичей с балтами (не только восточными), в том числе и после прихода на Псковщину, свидетельствует латышское название русских — *krievs*^[511].

Интерес представляет название племенного союза — кривичи. Оно произведено от личного имени Крив. Последнее может быть понято как противопоставление эпитету бога Перуна («Правый»^[512]). Таким образом, Крив вполне может относиться к богу Велесу, антагонисту Перуна в славянском «основном мифе». Уже говорилось о возможном «велесическом» характере праславянской религии, особенно на северной периферии.

В мифологических и родословных преданиях белорусов, потомков кривичей-полочан, имя героя-первопредка — Бай (Бой). В мифе о сотворении мира Бай предстает как первый человек. Один из его сыновей, Белополь, — предок белорусов. Гигантские псы отца — Ставра и Гавра — помогают Белополью определить границы своих владений, прорыв реки Двину и Днепр^[513]. Согласно другому преданию, Бай — древний князь, живший в Краснополье близ Дриссы (на Витебщине). Вместе со своими псами Ставрой и Гаврой он охотился по местным «густым лесам». От нескольких жен Бай имел сыновей — предков отдельных белорусских фамилий. Старший из них — Бойко (Белополь, в отличие от более позднего текста, не упоминается среди них вовсе)^[514]. Третье предание также помещает Бая (здесь — Бой) в Краснополье над рекой Дриссой. Бой — князь-богатырь, охотящийся в лесах по Дриссе со Ставрой и Гаврой. Псы одолевали любого зверя и защищали князя от разбойников. Бой установил поклонение им наравне с «важнейшими особами», а после смерти ввел дни их поминовения («Ставруские деды»; обряд известен и на Минщине)^[515]. Смысл этого древнего праздника поминовения мертвых позволяет увидеть в Бае божество загробного мира в сопровождении демонических псов (подобно индийскому Яме). Первоисточник имени Бай — балтский, как и имен псов^[516]. Литовское *baįs*, «страшный» может быть осмыслено как эпитет балтского бога подземного мира Велса, антагониста громовержца Перконса.

В датской хронике Саксона Грамматика действует «русский» князь Бой, отождествленный со скандинавским богом Вали, сыном Одина и Ринды (последняя переосмыслена Саксоном как «русская княжна»). Предание приурочено к известному на Руси кургану павшего в битве Боя^[517]. ОдинВалль (заметим, «кривой», одноглазый) генетически родствен Велесу и Велсу, и это тождество могло быть

осознано скандинавом, столкнувшимся с русским преданием. В этом предании, как и в одной из позднейших белорусских версий, первый князь (Бой, ср. Бойко) выступал как сын божества (Бая, Велеса). Стоит заметить, что и в другом скандинавском памятнике — «Саге о Хёрвер» — правителям Руси приписывается «одиническое» происхождение. Не след ли это тех же легенд, восходящий к самым ранним контактам норманнов и кривичей?

Выстраивается цепь тождеств: Крив — Бай — Велес (балтский Веле). Кривичи возводили себя к Велесу (в ходе контактов с балтами славянский бог естественным образом отождествился с Велсом-Баем) и воздавали ему особое поклонение. Его имя табуировалось. Вожди союза являлись верховными жрецами Велеса и особо возводили к нему свой род, а быть может, и считались его земными воплощениями (ср. образы князя Боя и Бая). Представляется также, что балтское по происхождению имя Бай заместило в славянском предании исконное, славянское Крив — древний эпитет Велеса.

Материальная и духовная культура кривичей формировалась в условиях тесного контакта и совместного проживания с финскими и отчасти балтскими племенами^[518]. Вместе с тем славянская основа сохранялась. Это ярко отражается находками керамики славянских типов и других вещей славянского происхождения по всему ареалу расселения кривичей^[519]. Некоторые элементы славянской культуры, как отмечалось, воспринимались и теми племенами, с которыми кривич вступали в контакт. Проникновение культур носило взаимный характер.

Славянские традиции сохраняются в домостроительстве. Расселяясь в землях днепро-двинских балтов, славяне строили здесь не встречающиеся у местных жителей полуземлянки с печами-каменками в углу. Такие жилища встречены на поселениях Абидня, Тайманово, Щатково, Дедиловичи, Городище. С учетом местных климатических условий, а возможно, и под влиянием местных домостроительных традиций кривичи стали возводить наземные дома срубной (не столбовой, преобладавшей у балтов) конструкции. Такие дома строились на селищах Дедиловичи, Городище, Жабино, Псковском и др. На Псковском наземные срубные дома сохраняют элементы полуземляночного облика, но углубления их наклонны (площадь внизу — до 9 м²). В тушемлинском ареале имеются дома, сочетающие элементы

славянского и балтского домостроительства (Дедиловичи, Городище, Ревячки)^[520].

В целом занятия и быт кривичей, насколько можно судить, мало отличались от занятий и быта других славянских племен. Сравнительно большую роль играли у кривичей охота и рыбная ловля. Но основными занятиями оставались (как, впрочем, и у неславянских соседей) подсечное земледелие и скотоводство. Судя по найденному железному серпу (Полибино), орудия земледельческого труда у кривичей были несколько архаичнее, чем на юге^[521]. Славяне принесли на север каменные жернова, которые начинают вытеснять применявшиеся ранее балтами каменные зернотерки^[522].

Характерным, определяющим культуру кривичей элементом является обряд захоронения в длинных валообразных курганах высотой до 2 м и шириной до 10 м. В длину курганы кривичей достигали 300 м и более^[523]. Такие курганные захоронения не имеют аналогов у славян других земель. По мнению археологов, у самих кривичей им предшествовал бескурганный обряд захоронения. Они помещали сожженные останки умерших в неглубокие ямки, вырытые на погребальных площадках. Некоторые курганы были возведены над такими площадками. Перейти к курганному обряду побудили особенности местности — возможно, для сооружения площадок требовались естественные всхолмления, тогда как новые места проживания кривичей нередко отличаются равнинностью. Возможно также, что при захоронениях в грунт требовалось соблюдать некую иерархичность, средством соблюдения которой и стало возведение курганов^[524].

Похоронный обряд имел некоторые вариации (в том числе в рамках одной большой семьи, строившей длинный курган). Сожжение в этот период всегда совершалось на стороне. Встречаются захоронения урновые (в Псковской земле не более 20%) и безурновые, с инвентарем и без него. Урны могли изготавливаться не только из глины, но и из древесных материалов (береста, древесина). Захоронение могло совершаться на материке (при строительстве кургана), на выровненной площадке насыпи, в ямах или неглубоких ямках (до 50% всех погребений) в уже насыпанном кургане, оставляться на поверхности кургана. Длинные насыпи окружались рвами, в которых часто разводили ритуальные костры^[525]. В

некоторых курганах Псковщины встречены каменные конструкции (обкладка основания, покрытие, надгробные плиты и ограждение и др.). Они связываются с прибалтийско-финским или балтским влиянием^[526].

Наличие в ряде погребений уже V — начала VI в. довольно богатого инвентаря свидетельствует о идущем в кривичском обществе процессе расслоения. Сами же длинные курганы, вне всякого сомнения, являются порождением племенного строя. Это коллективные усыпальницы больших семей, использовавшиеся на протяжении довольно долгого времени. Число захоронений в одном кургане достигает двадцати двух^[527].

В политическом плане кривичи в описываемый период представляли собой сообщество слабо связанных и расселившихся на огромной территории, в иноязычном окружении патронимий и общин. Как правило, они вообще не создавали собственных поселений, а селились вместе с балтами и финнами. При этом, разумеется, кривичей изначально сплачивало сознание общего происхождения. Нельзя исключить вероятности существования некоего общего сакрального центра или авторитета, сакрального вождя, считавшегося верховным жрецом бога-предка. Однако в первой половине VI в. число кривичей было еще очень невелико, жили они разбросанно и чересполосно с аборигенным населением. Кривичского племенного союза как самостоятельной политической единицы, вероятнее всего, пока не существовало.

Венедская проблема

Иордан, передавая сведения Кассиодора о современном состоянии славянских («венетских», в его терминологии) племен, недвусмысленно сообщает о существовании трех их ветвей. Вот этот фрагмент: «Они же [венеты]... произойдя из одного корня, породили три народа, то есть венетов, антов и славян...»^[528]

Венетов Иордана надо искать там же, где помещали своих венедов античные авторы, то есть к югу от Балтики. В достоверно известных ромеям славянских землях для венетов просто не остается места. Едва ли Иордан, говоря о том, что потомки древних венедов «свирепствуют всюду, по грехам нашим», мог иметь в виду кого-то помимо разорявших империю словен и антов. Кроме того, именно на севере помещаются единственные ясные следы бытования этнонима «венеды», ведущие в раннее Средневековье. Германцы называли виндами полабских славян. В прибалтийско-финских языках именем восточных славян стало Vana.

Однако эти скудные данные вступают на первый взгляд в острое противоречие с археологическим материалом. Следов пребывания славян в Южной Прибалтике в конце V — первой половине VI в. нет. Более того, нет вообще подтверждений тому, что области между Вислой и Одером к югу от Балтийского моря были в ту пору сколько-нибудь плотно заселены. Уже говорилось, что массовое расселение славян на землях современной Польши датируется только второй половиной VI столетия. То же самое относится и к нынешней территории Восточной Германии между Одером и Эльбой, где помещаются винды средневековых латинских авторов^[529]. Итак, если за пределами Южной Прибалтики для венедов Иордана места как будто не находится, то нет его и в самой Южной Прибалтике.

Однако на другой чаше весов остается целый ряд косвенных свидетельств, необъяснимых без признания историчности свидетельства Иордана. Одно из них — само бытование этнонима «винды», «венеды». Если у германцев именования славян «виндами» или «вендами» могло восходить к каким-то преданиям, то финское название может восходить только к собственно славянскому

словоупотреблению. Само же это словоупотребление надежно датируется временем не раньше VI–VII вв., когда славяне широко расселились близ границ будущего Эстланда, в Новгородской земле. Итак, какая-то группа северных славян еще в VI или VII в. сохраняла древнее имя «венеды».

Археологическая культура поморских и полабских славян VI и последующих веков стоит в стороне от известных славянских культур — как от пеньковской, так и от географически близкой пражско-корчакской. По своим базовым особенностям она не может быть возведена к ним^[530]. Еще четче выявляется обособленность славян полабско-поморского региона и Новгородчины по данным антропологии^[531]. Таким образом, данные Кассиодора — Иордана о трех группах славянских племен все-таки находят свое подтверждение в археологическом материале, хотя и не для времен Кассиодора.

Среди археологических памятников «предславянского» периода на территории Польши можно выделить группу памятников второй половины V или даже начала VI в., определяемых как позднейшие пшеворские. Об одной их части (в Висло-Одерском междуречье) уже шла речь в связи с первоначальным расселением пражских племен в южнопольских областях. Другая часть подобных же памятников обнаруживается на северо-востоке Польши, на приморских землях в низовьях Вислы и к востоку от нее (поселение Чехово, могильники Пруц Гданьский и Козлувка)^[532].

Сравнительно немногочисленное население низовий Вислы было достаточно пестрым в этническом плане. Не вызывает сомнений присутствие здесь балтского и германского элемента. Здесь, по Кассиодору, жило смешанное по происхождению (преимущественно германское?) племя видивариев. В этих же местах Птолемей называет восточных соседей венедов — вельтов, почти несомненных предков славян-велетов. Вельтов можно оценивать и как балто-славянское, и как балтское племя. Местные разнородные группы могли составлять упомянутый в «Гетике» пестрый по этническому происхождению союз видивариев.

Но едва ли можно ставить знак равенства между венедами Иордана, с одной стороны, и велетами или тем более видивариями — с другой. Позднейшие источники четко различают, даже противопоставляют велетов (вильцев) и ободритов (ободричей).

Между тем ободриты, вне всякого сомнения, относились к венедам. Именно они, насколько можно судить, явились главными «разносчиками» этнонима. Франки и скандинавы называли «вендами» в первую очередь ободритов. Более того, с велетами позже связывается особая, фельдбергская археологическая культура, изначально имеющая мало общего с «венедской» суковско-дзедзицкой. Следует признать, что велеты не были ни основной, ни составной частью венедов Иордана.

В последнее время все больше фактов свидетельствует в пользу существования первоначального суковскодзедзицкого очага южнее, на землях Великой Польши. Формирование суковско-дзедзицкой культуры здесь, по этой теории, началось уже в V — первой половине VI в. К этому древнейшему периоду отнесен теперь целый ряд памятников между средними течениями Вислы и Одера (поселения Бониково, Бискупин, Жуковицы). Основой для складывания материальной культуры их жителей стали местные пшеворские древности^[533]. Суковско-дзедзицкая культура восходила с пражской к общей основе. Это объясняет, например, известное сходство (но при заметных различиях) керамического материала. Но в создании суковско-дзедзицкой культуры участвовали не только праславяне («венеды»), но и местные германцы. Ясно, что первые суковцы были весьма немногочисленны. Это только ускоряло смешение разных «родов».

Такой подход гораздо логичнее объясняет картину расселения «суковских» племен, чем традиционное для польской археологии рассмотрение памятников Великой Польши и Силезии в рамках пражской культуры. С другой стороны, данная теория окончательно решает «венедскую» проблему. Если «венеды» жили в тот период южнее Поморья, то ясно, откуда о них было известно Иордану. Ясно также, что нет нужды смешивать их ни с видивариями, ни с велетами.

Скорее всего, венеды V — первой половины VI в. не представляли собой какого-либо политического единства. Жили они вперемешку с другими этническими группами, причем крайне разбросанно, на больших расстояниях друг от друга, среди лесных массивов. Сообщение между отдельными племенами или даже общинами было затруднено, если вообще существовало. С другой стороны, это не

исключает, конечно, вовсе внешних контактов. О них свидетельствуют и археологический материал, и сам факт освещения Иордана.

О северных венедах неплохо знали расселившиеся в Южной Польше словене.

Материальная культура суковско-дзедзицких племен в этот период только складывалась, все больше удаляясь от пшеворского прототипа. На протяжении V — первой половины VI в. на землях Великой Польши шел сложный процесс формирования новой культурной общности из различных — праславянских и германских — элементов. Завершился он уже во второй половине VI столетия в условиях широкого расселения славян из южных областей по территории современной Польши и Восточной Германии.

Недостаток сведений о славянских племенных союзах Севера за V — первую половину VI в. объясняется удаленностью населенных ими земель от центров тогдашней цивилизации. Сравнительная же немногочисленность славян в этих регионах обусловила скудость и археологического материала. Тем не менее имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют сделать вывод о начале складывания известных нам племен северо-востока Европы уже на самом раннем этапе истории средневекового славянства.

* * *

Сергей АЛЕКСЕЕВ

ЗАРА СЛАВЯНСТВА

Книга посвящена самому раннему периоду (V—VI века) в истории славянских племен Европы. Автор знакомит читателей с основными сведениями по общественному строю, культуре и верованиям древних славян. Особое внимание автор уделяет отношениям славян и гуннов, вторжению славян в пределы Восточной Римской империи. Отдельная глава рассказывает о северо-западных землях будущей Руси и славянских племенах, населявших их.

ISBN 978-5-4444-2769-9

9 785444 427699

notes

Примечания

Подробную характеристику ситуации в Западной Европе в конце IV — начале V в. см. в книгах: *Jones A.H.M. The Later Roman Empire. Vol. I–III. Oxford, 1964*; *Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1984*. См. также: *История Европы. Т. 1–2. М., 1990–1992*.

Альтернативная точка зрения (см.: *Дёрфер Г.* О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. М., 1986) приводит к предположению о появлении буквально ниоткуда многочисленного кочевого народа с абсолютно изолированным (неалтайским, неиндоевропейским, неуральским) языком. Вопреки высказывавшейся критике, отождествление гуннов с почти несомненно тюркоязычными (см.: Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Пер., введение и комм. В.С. Таскина. М., 1990. Вып. 2. С. 7–8; Вып. 3. М., 1992. С. 11–12; *Тенишев Э.Р.* Гуннов язык//Тюркские языки. М., 1996. С. 52–54) сунну (ху) Дальнего Востока не имеет ни одной убедительной альтернативы, что в данных условиях весьма симптоматично. Археологический материал (как и письменные источники, и данные языкознания) надежно связывает европейских гуннов с позднейшими болгарами, несомненными тюркофонами. Наличие же в гуннской культуре заимствованных у аланов, германцев и других покоренных племен элементов, взаимное смешение народов в пределах гуннской державы не является аргументом против ближайшего родства гуннов и тюрков. Ср. выводы А.К. Амброза (Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981. С. 10 и след.): археолог, отметив отсутствие прямой преемственности между азиатскими хуннами и европейскими гуннами при наличии у последних отдельных «азиатских элементов», объяснял это малой изученностью древностей Центральной Азии. Между тем связь гуннской культуры с позднейшей тюркской (тоже не имеющей прямых древних соответствий!) специалист отнюдь не отрицал. Представляется, что для определения этнической принадлежности гуннов основанием должна быть, прежде всего, преемственность по отношению к ним позднейшей болгарской и тюркской культуры. При этом культура западных тюрков формировалась из сложного сплава разноплеменных элементов (в первую очередь иранских), что и отражает археологический материал. О кочевниках IV–V вв. см. также: *Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху. СПб., 1994.

О возможном тождестве акацир с позднейшими хазарами см.:
Dunlop D.M. The History of the Jewish Khazars. Princeton, 1984. S. 7, 20, 33.

Присутствие романизированных потомков древних даков в Дакии после эвакуации провинции в 271 г. обосновывается известиями греческого автора VI в. Псевдо-Кесария о данувиях («фисонитах», рипианах) (см.: Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 (далее — Свод I). М., 1991. С. 254 и след.) и средневековыми русскими и венгерскими сказаниями о древнем пребывании «волохов» («влахов») в прикарпатских областях. Имеются и археологические следы такого пребывания даже с середины V в., после расселения славян в Прикарпатье. Но существует также точка зрения о позднем (в начале II тысячелетия) приходе восточных романцев за Дунай. Общую характеристику обеих теорий см.: Краткая история Румынии. М., 1987. С. 17–19; Краткая история Венгрии. М., 1991. С. 16–17.

Дата основана на наиболее подробном и достоверном известии Прокопия Кесарийского. Предлагались и другие — от 505 (*Тъпкова-Заимова В.* Нашествия и этнические промени на Балканите през VI–VII вв. София, 1966. С. 54) до 512 г. (*Müllenhof K.* Deutsche Alterstumkunde. В., 1875. Bd. 2. S. 368). Последняя дата исходит только из того, то именно в 512 г. герулы короля Оха перешли Дунай и стали федератами империи.

О Византийской (Восточной Римской) империи в V–VI вв. см.:
Jones. 1964; История Византии. Т. I. М., 1967.

О походе Фроди имеется несколько версий в «Деяниях данов» Саксона Грамматика и краткое упоминание в «Саге об Инглингах» Снорри Стурлусона. Из других упоминаний восточных мероприятий скандинавов стоит назвать известие «Саги о гутах» о переселении готов в Причерноморье по Западной Двине. Это имеет мало общего с готской «переселенческой сагой» по Иордану и связано, вероятно, в большей мере с позднейшими плаваниями гутов с острова Готланд в Восточную Европу.

«Вари» Кассиодора (ответное письмо Теодориха на посольство эстиев), «О происхождении и деяниях гетов» Иордана (упоминание о расселении эстиев и родственников, видимо, им видивариев в Южной Прибалтике).

Бирнбаум Х. Праславянский язык. М., 1987. С. 321.

Lehr-Splawinski T. O pochodzeniu i praojcziznie słowian. Poznań, 1946. S. 137–141; *Седов В.В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 43 и след. Ср.: *Седов В.В.* Славяне в древности. М., 1994.

Об этих и других археологических культурах, связываемых со славянским этногенезом, см.: Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э. М., 1993.

См.: *Мартынов В.В.* Балто-славяно-италийские изоглоссы // VIII международный съезд славистов. Доклады. Минск, 1978.

Аргументация против славянства венедов в отечественной историографии представлена, прежде всего, Ф.В. Шеловым-Коведяевым в комментариях к известиям Плиния, Тацита и Птолемея (Свод I). Он предлагает считать все известия о центральноевропейских венедах книжной легендой, восходящей к общему древнегреческому источнику, говорившему о венетах италийских. Именованье славян венедами в финских (да и в германских) языках в таком случае сколько-нибудь убедительного объяснения не находит (ср. указание на это в Предисловии Л.А. Гиндина и Г.Г. Литаврина: Свод I. С. 15). Далее, целый ряд моментов в концепции общего источника внушают большие сомнения. Античные упоминания венедов в Центральной Европе имеют между собой только одну общую черту — само имя венедов. Плиний называет соседями венедов сарматов, скиров и хирров и локализует их всех близ Вислы. Тацит называет по соседству с венедами певкинов (бастарнов) и феннов, а также, видимо, свевов и сарматов. Локализует он их в «лесах и горах между певкинами и феннами». Птолемей помещает венедов в «Сарматии» у Сарматского океана («Венедский залив»). По соседству с ними он называет гитонов на юге, выше по Висле, галиндов, судинов и ставанов на юго-востоке, вельтов на востоке. Итак, этногеографическая среда венедов совершенно различна, общего мало. Тацит даже не связывает венедов с Вислой, что не мешает Ф.В. Шелову-Коведяеву упрекнуть его в том, что он, упоминая венедов, отвел Повисленье германцам (Свод I. С. 42). Но Вислу с венедами связывал не Тацит, а Плиний и Птолемей. Если Тацит отвел Повисленье германцам, значит, он не пользовался гипотетическим общим источником (весьма сомнительным, как видим, и для них), а полагался на иную информацию о венедах. Кстати, довольно подробное этнографическое описание Тацита Ф.В. Шелов-Коведяев предлагает считать «риторической фигурой» (Свод I. С. 40–41). А между тем речь шла о не столь удаленных от империи землях, и самые «риторизованные» описания Тацита все же всегда содержат реальное зерно. Других «полуреальных» народов на страницах его трудов, кажется, нет. Можно еще отметить, что на Певтингеровой

карте венеды локализованы не только на дальнем севере, но и между Днестром и Дунаем, что сопоставимо с титулом Волусиана. Последний Ф.В. Шелов-Коведяев считает возможным соотнести с «полулегендарными» венедами (случай едва ли не уникальный в имперской практике!) и тут же предполагает, что римляне приняли за них «германский элемент, локализуемый в нижнем Подунавье в составе в основном сарматской Черняховской культуры» (Свод I. С. 43). Остается неясным, германцев или сарматов считает специалист «полулегендарным» и «малоизвестным» для римлян народом. Во всяком случае, этот «германский элемент» надежно соотносится с готами (гитонами Птолемея), которых римляне называли или собственным их именем, или «скифами». Как бы то ни было, в настоящее время Ф.В. Шелов-Коведяев считает «венетов» уже не литературной фикцией, а реликтовой «балто-славянской общностью», существовавшей до готского вторжения IV в. (см.: *Шелов-Коведяев Ф. Литва: история соседства // Литературная газета. 2007. № 17–18. С. 4*). Очевидно, это закрывает дискуссию? Впрочем, за истёкшие десятилетия нашлось немало сторонников отвергнутой самим исследователем теории.

Стоит отметить, что комментировавший «Певтингерову таблицу» А.В. Подосинов (Свод I. С. 63 и след.; ср. еще выявление им предполагаемого нового известия о венедах в трактате «Имена всех провинций» — *Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002. С. 100 и след.*) и комментировавший Иордана А.Н. Анфертьев (Свод I. С. 129 и след.) в реальности венедов не сомневаются. Однако А.Н. Анфертьев оспаривает их славянство и полагает, что сведения (достоверные) о центральноевропейских венедах восходят к древнегреческому источнику около рубежа христианской эры (Свод I. С. 130). Для Иордана и его источника Кассиодора венеды были уже в этом случае мифическим народом. Их соотнесение со славянами, по А.Н. Анфертьеву, «не имеет ничего общего с реальной историей» (Свод I. С. 132). К тому же древнему источнику возводятся сведения об эстах и видиварях. Рассказ же о покорении Германаарихом венедов и эстов (доказывающий реальное присутствие этих народов в готском предании о событиях IV в.) предлагается, хотя и не безапелляционно, считать «чистой фикцией» (Свод I. С. 153). Основания — форма

написания *uenethi* («книжная») и соседство рассказов друг с другом. К рассмотрению не привлекается (видимо, как поздний) факт упоминания *виндов* в самом начале перечня племен из англосаксонской поэмы VII в. «Видсид». Между тем там называются как раз племена из готского эпического цикла (не только балтийские — например, гунны) (см.: Древнеанглийская поэзия. М., 1982. С. 17–18). Согласно Иордану, *видиварии* населили «остров» гепидов в низовьях Вислы после их ухода (III в.) и живут там «теперь», то есть в VI в. Других сведений о *видивариях* нет, а это едва ли можно возвести к «древнему источнику». А.Н. Анфертьев опровергает достоверность известия так: «Это “теперь” очень характерно для оценки анахроничности построений Кассиодора: ведь, если верно вышесказанное [sic!], даже сами сведения о *видивариях* намного предшествуют тому периоду, к которому он относит уход с острова гепидов» (Свод I. С. 131). Иными словами, факт, опровергающий гипотезу, опровергается только ссылкой на саму гипотезу. Дальнейшие аргументы уже не очень ясны: «Более того, в описании Скифии *видиварии* синхронны гуннам-альтциагирам и гуннам-савирам, которые, напротив [?], появились в Европе (в Скифии, в готских пределах), по Кассиодору, лишь при короле Эрменрике» (*Там же*). Но если гунны пришли в Европу в IV в., то они, конечно, синхронны *видивариям*, жившим на своем «теперешнем» (VI в.) месте с III в. — противоречия никакого. Впрочем, в другом месте почему-то пишется, что «в фантастической хронологии Кассиодора обитание *видивариев* в устье Вислы отнесено к периоду до [?!] появления там гепидов, то есть к глубокой древности», и из этого делается вывод о «контаминации информации из разных источников» (Свод I. С. 140).

Свод I. С. 51. Обоснование старой (со времен П. Шафарика) концепции см.: *Иванов В.В., Топоров В.Н.* О древних славянских этнонимах // *Славянские древности*. Киев, 1980. С. 14. Ф.В. ШеловКоведяев признает, что «вставное t (th) при передаче неприемлемого в греческом звукосочетании si... могло бы выглядеть убедительным». Но он считает, ссылаясь на разночтения, что «труднообъяснимо выпадение корневого *l» (Свод I. С. 59). Не бесспорно; текстология знает примеры общих и изначальных описок во многих памятниках. Для опровержения славянства ставанов требовались бы более убедительные аргументы. Но единственный — соседство их с судинами и галиндами. По этой логике Ф.В. ШеловКоведяев вслед за К. Мюлленхофом предлагает и ставанов считать балтами. Но о таком балтском племени ничего не известно. «На границе степи и лесостепи в Поднепровье, где локализуются ставаны, имели место контакты балтов и иранцев в начале христианской эры [дается ссылка на данные гидронимики]. О славянах же здесь в это время решительно ничего неизвестно». Но гидронимика не имеет абсолютных датировок. О балтах здесь именно в это время известно не больше, чем о славянах. О.Н. Трубачев предложил считать *stavana «хвалимый» индоарийской калькой названия «словене» (*Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999). Присутствие «индоариев» в Крыму и на Кубани в работах ученого обосновано вполне убедительно. Но мог ли «индоарийский» (синдский) элемент, растворившийся в сарматской среде, донести название славян до Птолемея? К тому же почему это тогда именно славяне? Старая теория П. Шафарика, поддерживаемая многими современными исследователями, пока представляется надежной.

Свод I. С. 51. Ф.В. Шелов-Коведяев отрицает славянство вельтов. При этом он вполне справедливо критикует теорию З. Голомба, связывающего этнонимы «велеты» и «венеты» через гипотетическую форму *vetъ (см.: Свод I. С. 59–60). Однако для доказательства славянства вельтов нет нужды прибегать к таким построениям. Слово *veletъ/volotъ* «великан» реально засвидетельствовано у славян. И, как отметил в том же фундаментальном издании источников В.К. Ронин (Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (далее — Свод II). М., 1995. С. 471), «велеты» — предполагаемое самоназвание вполне реального славянского племени вильцев (*лат.* Wilzi, Wilti). Этот основной аргумент в пользу славянства вельтов Ф.В. Шелов-Коведяев, к сожалению, не только не опровергает, но и не приводит. На основе «фонетического оформления этнонима» он без дальнейших пояснений предлагает «думать, скорее, о балтах». А.В. Назаренко, признавая связь между вельтами Птолемея и позднейшими вильцами, сомневается в славянской этимологии и предполагает неславянское происхождение этнонима (*Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. М., 1993. С. 16–17). Это более аргументированная точка зрения, и она, возможно, более соответствует действительности. В то же время ясно, что вельты (будь они и балтами) были предками какой-то части славянских велетов (вильцев).

Iord. Get. 247; Свод I. С. 114–115; о родстве со славянами: Get. 34,119; Свод I. С. 106–107, 110–111.

Proc. Bell, Goth. VII. 14: 22–29; Свод I. С. 182–185.

Свод I. С. 159. Примеч. 254 (комментарий А.Н. Анфертьева к известию Иордана об антах): вслед за Я. Гримом и А.Н. Веселовским, развившими эту теорию в XIX в., указывается на слова *antisc*, «древний» (др.-в.-нем.) и *ent*, «великан» (англ.-сакс.; восстановлено из прилагательного *entisc*).

По мнению О.Н. Трубачева (Трубачев. 1999. С. 54–55, 225), этноним восходит к индоарийскому (синдскому) субстрату и происходит от *anta*, «конец, край». При этом концепция Я. Рудницкого, согласно которой этноним считается (с тем же значением) иранским, отвергалась на основании «исключительно древнеиндийского характера *anta*». Нельзя, однако, не отметить, что в «Этимологическом словаре иранских языков» (Т. 1. М., 2000. С. 173–175) дается большое количество производных от праиранского **anta-*, «край, кромка, предел, конец». Среди них, в частности, осетинские слова со значениями «снаружи», «наружу», «наружный», «внешний», «чужой». Прямые производные от древней основы сохранил только осетинский (аланский) язык, что симптоматично.

Iord. Get. 245–251.

Amm. Marc. Hist. XXXI. 3–4.

Об этническом составе черняховцев см.: Славяне и их соседи 1993. С. 162–170.

Обзор этимологий см.: Свод I. С. 159–160. Сближение со славянским *vodĭjъ, «вождь» сомнительно и становится вовсе невозможным, если отождествлять Боза с Бусом из «Слова о полку Игореве»: «Се бо готьскыя красныя девы въспеша на брезе синему морю, звоня руским златомъ, поють время Бусово, лелеють мечь Шаруканю». Ряд авторов отвергает такую идентификацию, желая видеть в «готских девах» дев с острова Готланд, а не из готского Крыма. М.А. Салмина истолковала «бусы» как северные суда. «Время бусово» — время морских походов готландских готов (*Салмина М. А. Из комментария к «Слову о полку Игореве» // Труды отдела древнерусской литературы. XXVII. Л., 1981*).

А.Н. Анфертъев считает, что готы здесь «скорее» жители Готланда; обоснование: «Место в целом очень темное и связь отдельных элементов в нем неясна». Это, видимо, аргумент против резонного возражения — зачем готландским готьянкам мечтать об отмщении за половецкого хана XI в. Шарукана? Объяснения этому нет. В то же время А.Н. Анфертъев указывает на сочетание «босуви (бусови?) врани» как на содер жашее это же слово, при этом отмечая слабость построения К. Менгеса, видевшего в обоих случаях тюркизм, но не объяснявшего семантику «времени бусова». Представляется, что именование воронов-падальщиков «Бусовыми» вполне может представлять метафорический оборот, связанный с преданием о повешенном готами короле антов. Что касается этимологии имени, то с учетом алано-сарматских связей антов нельзя ли все же связывать Бус/Voz с осетинским buz/boz, «благодарный»? Вообще, следует помнить, что имя дошло в двух однократных (не считая явного и весьма показательного искажения «босуви врани» в тексте «Слова») поздних иноязычных передачах. Качество подобной передачи всегда отнюдь не бесспорно, а здесь особенно.

Древность славянского *мігъ* в значении «сельская община», сохраненном русском языком, удостоверяется общеславянским *мігъ*, «весь мир». Значение «община» — промежуточное между этим и первоначальным «согласие» (ЭССЯ. Вып. 19. С. 55–57).

Так, в частности, именовалась патронимия в позднейшей Белоруссии, состоявшая из 5–10 и более родственных больших или малых семей (Этнография восточных славян (далее — ЭВС). М., 1987. С. 173).

См.: ЭССЯ. Вып. 7. С. 197–198.

ЭССЯ. Вып. 13. С. 200–201.

См.: Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб., 1996. С. 112–145; Криничная Н.А. Русская народная историческая проза. Л., 1987. С. 171–185.

История первобытного общества. М., 1988. Вып. 3. С. 237–241.

Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 102.

Иванов П. И. О знаках, заменявших подписи в Древней Руси // Известия Русского археологического общества. М., 1861. Т. 2; ЭВС. С. 486-487, 491.

Славяне и их соседи 1993. С. 161–162.

См. общую характеристику индоевропейской, балтийской, славянской мифологии и пантеона: Мифы народов мира (далее — МНМ). М., 1980–1982. Т. 1–2; Славянская мифология. М., 1995.

Или алано-болгарским. Ср. в этой связи точку зрения о заимствованном (тюркском) происхождении славянского *divъ (с не вполне оправданным толкованием смысла «злой дух») — ЭССЯ. Вып. 5. С. 35. Гипотезу В.В. Иванова и В.Н. Топорова о вероятном развитии и значении образа см.: МНМ. Т. 1. С. 376–377 («Див»), 378 («Диевас»).

Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М., 2000. Т. 2. С. 24.

См., прежде всего, работы В.В. Иванова и В.Н. Топорова (Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965; Исследования в области славянских древностей. М., 1974). См. также: Славянская мифология 1995.

Славяне и их соседи. 1993. С. 118, 151–152.

Там же. С. 122.

Свод I. С. 85–86, 161–169. Первым серьезным аргументом в пользу общения Приска с праславянами является упоминание им термина *медоꝥ* (мед) — «туземного» названия напитка, подносившегося римским послам оседлыми «скифами» Паннонии вместо вина. Приск упоминает и славянскую форму речного названия «Тиса». В связи с похоронами Атиллы Приск (по Иордану) обозначил погребальное пиршество словом *strava* (*праслав.* *jъztrava, «поминки, еда» — Этимологический словарь славянских языков (далее — ЭССЯ). Вып. 9. С. 80–82). Стоит, впрочем, отметить, что Приск называет «скифов» «смешанными» (букв, «намытыми волнами»), а пассаж о «собственном варварском языке», в дополнение к которому они учат гуннский, готский или латинский. Как верно отмечают Л.А. Гиндин и А.Б. Иванчик, двусмыслен. Он может означать (скорее и означает), что разноязычные подданные Атиллы используют названные языки как средства общения.

Бирнбаум 1987. С. 321. Этот язык, очевидно, изначально соответствует западной группе диалектов в схеме А.Е. Супруна (Языки мира. Славянские языки. М., 2005. С. 17–18). Сложение ее соотносимо со временем так называемой второй палатализации в славянских языках (переходы $k > c$, $g > z$ перед гласными \check{e} , i). Она протекала в западной группе диалектов несколько иначе, чем в восточной. У антов, насколько можно судить, вторая палатализация несколько задержалась. Восточная группа диалектов должна соответствовать антам и смешавшимся с ними восточным словенам — дулебам.

Богухвал (Великая хроника о Польше, Руси и их соседях. М., 1984. С. 52) со ссылкой на «древние книги» выводит славян из Паннонии, где помещает Пана, эпонима страны и отца Леха, Руса и Чеха. Далимил говорит только об исходе из «Хорватии» Чеха (Staročeska kronika tak recenoho Dalimila. Praha, 1988. Sv. 1. Kap. 2: 1–10).

См. вводную часть ПВЛ по Лаврентьевской (Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 1), Ипатьевской (ПСРЛ. Т. 2), Радзивилловской (Т. 38) летописям. Перевод наш. К теме волохов, «насилящих» славян в придунайских землях, летописец возвращается позднее еще дважды — в связи с нашествием кочевников VI–VII вв. («белых угров», прогоняющих волохов) и в связи с вторжением мадьяр («черных угров») в конце IX в. Налицо очевидное совмещение разновременных пластов традиции. Именно это предание, очевидно, послужило причиной для соотнесения в летописи славян и «нориков». Стоит отметить, что подлинный Норик большей частью не входил в Венгерское королевство. Это лишний раз указывает на вторичный и литературный характер данного соотнесения.

Армянская география VII в. СПб., 1877. С. 21–22. В Свод II давно переведенное на русский язык и введенное в научный оборот известие «Армянской географии» не включено, вероятно, по причине спорности ее датировки (VII–IX вв.).

См.: Нидерле Л. Славянские древности. М., 2001. С. 56; Свод I. С. 242; *Proc. DA. IV. 4: 3: Прокопий Кесарийский*. Война с готами. О постройках. М., 1996. С. 237–240. Всего таких названий, по максимальному счету Л. Нидерле, девять: Стредин, Долебин, Брациста, Дебри, Беледина, Зернис, Берзана, Лабуца, Пезион, Кабеца. Можно добавить, что в средневековом немецком эпосе (см.: Хроника императоров // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 4. Западноевропейские источники. М., 2010. С. 222) славяне («русь и поляки») оказываются главной опорой сыновей Атиллы в их неудачной борьбе с готами. Впрочем, в той же стихотворной хронике XII в. те же славянские народы оказываются в числе союзников Алариха и Теодориха Великого в их походах в Италию (Там же. С. 222–223). Цена всему этому мала.

Об археологических свидетельствах (вещевые находки в Опово-Баранде, Нови Саде, Сомборе, деревянное городище в Хоргоше) см.: *Седов В.В.* Славяне в раннем Средневековье. М., 1995. С. 29.

Славяне и их соседи. 1993. С. 177–178, 181.

Там же. С. 169–170; там же обзор точек зрения на проблему. Ср.:
Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 27.

Их роль в сложении пеньковской культуры оценивается археологами весьма по-разному (ср.: *Седов*. 1982. С. 27–28; *Обломский А.М.* Днепровское лесостепное левобережье в позднееримское время. М., 2002. С. 75–80). Сторонники обоих подходов оперируют одинаковыми, довольно ограниченными материалами. Представляется, что прямой и конкретной преемственности между «киевскими» и пеньковскими памятниками сторонникам «киевского» происхождения пеньковской культуры установить не удастся. К тому же территориально ранние пеньковские памятники тяготеют, за редким исключением, к Днестровско-Прутскому двуречью, а не к Киевскому Поднепровью.

Iord. Get. 119; Свод I. С. 110–111.

Кассиодор писал историю готов после 526 г., но информация о Скифии восходит у него, очевидно, к первому десятилетию VI в., когда он был личным секретарем короля Теодориха (Свод I. С. 134–135). На рубеж веков указывает и сопоставление с археологическим материалом.

Iord. Get. 34–35; Свод I. С. 106–109.

Свод I. С. 134–135. Иначе: *Скржинская Е. Ч.* О склавинах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне // Византийский временник. 1957. Т. 12 — малоизвестный Новиетун в Дакии. Возражения А.Н. Анфертьева (Свод I. С. 135) вполне резонны. Это паннонский Новиетун, едва ли вообще знакомый Кассиодору, не мог быть, конечно, его ориентиром. Проблема с «Мурсианским озером» (см. далее) не является аргументом в пользу паннонского городка. Новиодун Скифский был, конечно, лучше известен Кассиодору, Иордану и их читателям. Его местонахождение (что важнее) гораздо лучше соответствует и археологическому материалу, и самой логике повествования. Кассиодор явно ограничивал славянскую территорию с северо-запада верховьями Вислы.

Седов. 1982. С. 13.

Единственная вполне убедительная интерпретация, учитывающая то, что говорится о «Морсианском болоте» в *Iord. Get.* 30 (Свод I. С. 107; ср. там же: С. 122. Примеч. 59; С. 134. Примеч. 106). Она восходит еще к Ф. Таубе (1778 г.), а в отечественной традиции — к Н.М. Карамзину и связана с названием римского города Мурса. Другие, гораздо менее вероятные варианты перечислены у Е.Ч. Скржинской (*Иордан. О происхождении и деяниях гетов.* СПб., 1997. С. 210; см. еще: Свод I. С. 122, 134).

Седов. 1982. С. 12, 16, 18; Славяне и их соседи. С. 178; *Седов.* 1995. С. 23; *Седов. В.В.* Славяне: историко-этнографическое исследование. М., 2002. С. 312; Theodor D. Conceptul de cultura Costișă-Botoșana // *Studia Antiqua et Archeologica.* I. Iași, 1983; ср.: *Комиа М.* Проникновение славян на территорию РНДР и их связи с автохтонным населением // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1970.

Комиа. 1970; *Федоров Г.Б., Полевой Л.Л.* Археология Румынии. М., 1973. С. 294; *Славяне и их соседи.* С. 178, 181.

Славяне и их соседи. С. 178.

Iord. Get. 35.; Свод I. С. 108–109.

Свод I. С. 135.

См.: *Кухаренко Ю.В.* Археология Польши. М., 1969. С. 121–123.

Кухаренко. 1969. С. 121; Седов. 1994. С. 290; Седов. 1995. С. 24.

См.: *Седов*. 1994. С. 290–293.

Sklenar. K. Památky pravěku na území ČSSR. Praha, 1974. S. 272, 279; *Седов.* 1995. С. 24.

Sklenar. 1974. S. 280.

Proc. Bell. Goth. VI. 15: 1–2; Свод I. С. 176–177. Прокопий уверяет, что герулы «прошли поочередно все племена склавинов», что — особенно для этого времени — все-таки невероятно. Тогда герулам надо было бы идти с нижнего Дуная.

Proc. Bell. Goth. VI. 15: 2–3; Свод I. С. 176–177.

Iord. Get. 34; Свод I. С. 106–107.

См., напр., вводную часть ПВЛ в ПСРЛ. Т. 1,2,38; также статью 6404 г. (т. н. «Сказание о славянской грамоте») — там же. Чуть менее рельефно та же мысль у Богухвала: Великая хроника. С. 52–55.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6, 10, ср. стб. 11; аналогичные места в других версиях вводной части ПВЛ ср.: ПСРЛ. Т. 2, 38.

Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах. СПб., 1870. С. 138. В волынянах Масуди видели прибалтийских волынян (см. историю вопроса: *Седов*. 1982. С. 95–96), но об их древнем всеславянском могуществе ничего неизвестно. Бужанско-волынский же вариант, как увидим, находит целый ряд подкреплений не только в археологическом и топонимическом материале, но и в письменных источниках (ср. рассказ Масуди о распаде союза «Валинана» с летописным сказанием об одновременном появлении «княжений» у полян, древлян, дреговичей).

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 12,13. Ср.: ПСРЛ. Т. 2, 38.

Седов. 1982. С. 94–95.

ЭССЯ. Вып. 5. С. 147–148. Я. Длугош, опиравшийся на несохранившуюся русскую летопись, выводил этноним от мифического первопредка Дулеба (*Лимонов Ю.А.* Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. Л., 1978. С. 14). Это один из череды мифических предков славян, упоминаемых в разных средневековых источниках. Таковы Чех у чешских и польских хронистов, Пан у Богухвала, Слав у него же (перекликающийся со Словеном русских книжных легенд). К другой группе относятся легендарные или полулегендарные персонажи, сливавшиеся в мифопоэтическом сознании славян с их божествами («божий коваль» в разных вариантах, Бой-Бай из преданий Северо-западной Руси, западнославянский Крак-Крок, ильменский Волх). В третью группу первопредков входят легендарно-эпические герои, имевшие, скорее всего, реальных прототипов и действующие в более или менее «исторических» обстоятельствах (Вятко, Радим, Избор и ряд других персонажей древнерусских преданий, Пржемысл, Либуше и их потомки у чехов, Лешко-Лех, Попель, Пяст — у поляков, древние персонажи сербохорватской истории, упоминаемые Константином Багрянородным и в «Летописи попа Дуклянина»).

Ср. еще смысл самого слова *narodъ, «народ > те, кто народились» (ЭССЯ. Вып. 22. С. 253–255).

Назаренко. 1993. С. 13–14.

Lehr-Splavinsky T. Najstarsze nazwy plemion w obcych źródłach // *Język Polski*. Krakow, 1961. T. 41. S. 265. Прочие толкования менее вероятны. Основная альтернатива этнониму «червяне» — загадочные «сербяне» (от «сербы») С. Роспонда (*Respond S.* Structure pierwotnych etnonimow słowiańskich // *Rocznik slawistyczny*. Kraków, 1966. T. 26. S. 12–13). Ясно, однако, что лужицкие сербы упомянуты Баварским географом под своим именем, а среди других славянских племен севернее Дуная никаких следов «сербян» не обнаруживается. Лингвистическую контраргументацию см.: *Назаренко*. 1993. С. 34. Парадоксальным и никак не увязывающимся с этнонимом *Zerivani* кажется мнение И. Херрмана, отождествляющего их с племенной общностью к востоку от Буга (то есть дулебами) (*Херрман И.* К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского географа» // *Древности славян и Руси*. М., 1988. С. 166). Он к тому же отождествляет их с *Zuireani* того же автора. Но те вполне надежно идентифицируются как свиряне (не говоря уже о том, что наличие «дублетов» внутри первой части «Баварского географа» очень сомнительно). Другие идентификации (с поздними гидронимами Серия и Пасерия в Нижнем Повисленье или с островом Руян через предполагаемую форму **Zerujane*) кажутся очень натянутыми (см. обзор: *Назаренко*. 1993. С. 34–35).

ЭССЯ. Вып. 15. С. 43,44, 57–59. «Баварский географ» упоминает и лядичей, и червян, но этих последних — лишь как исторических персонажей со ссылкой на славянские предания.

См.: ЭССЯ. Вып. 19. С. 214–215.

Iord. Get. 35; Свод I. С. 108/109.

Там же.

Седов. 1982. С. 13,14,20,26,27.

Там же. С. 20,27; *Седов*. 1995. С. 23–24.

Там же. С. 20

Там же. С. 26.

Там же. С. 26

Там же. С. 8,108, 112.

Рыбаков Б.А. Город Кия // Вопросы истории. № 5. 1980. С. 31 и след.

Седов. 1982. С. 27–28; *Славяне и их соседи.* 1993. С. 122.

Седов. 1982. С. 29–34; Славяне и их соседи. 1993. С.122.

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., 1966. С. 259–264; *Третьяков П.Н.* Древности второй и третьей четвертей I тысячелетия до н.э. в Верхнем и Среднем Подесенье // Раннесредневековые славянские древности. Л., 1974. С. 49 след.

Седов. 1982. С. 29,33–34; ср.: *Терпиловский Р.В.* Ранние славяне Подесенья III–V вв. Киев, 1984. С. 74–83. Судя по аргументации Р.В. Терпиловского и Е.В. Максимова, «нет ни археологических, ни лингвистических оснований для соотнесения всех этих родственных между собой групп памятников [киевских, колочинских и т. д.] со славянским населением». Тем не менее делается «вывод о принадлежности киевской культуры одной из крупных групп предков ранних исторических славян» (*Славяне и их соседи*. 1993. С. 122). В справедливости этого осторожного определения сомневаться не стоит. Вместе с тем с учетом вышесказанного ясно, что считать как минимум колочинцев славянами оснований нет, кроме социально-экономического и культурного сходства. Соседние, родственные и сходные по хозяйственному типу народы — славяне и восточные балты, — естественно, должны быть отчасти близки с точки зрения общественного уклада и быта. Киевская культура могла быть, с учётом судеб потомков её создателей, смешанной балто-славянской.

Iord. Get. 36; Свод I. С. 108–109.

См. карты: *Седов*. 1982. С. 20, 31.

Их упоминает Птолемей (Свод I. С. 50–51), локализуя близ Уральских гор (вероятно, южной оконечности). Возможно, упоминание Саурики за Доном на Певтингеровой карте фиксирует движение саваров на запад. Очевидно, сюда же относится гуннский этноним «савиры» как результат гунно-аланского смешения.

Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. С. 226; *Седов*. 1982. С. 138. Ср. еще *Sebbirozi* и *Zabrozi* «Баварского географа» (*Назаренко*. 1993. С. 13–14). Из них первое явно отражает славянское «северцы»; возможно, от того же корня и второе. Но предпочтительнее возводить его к самоназванию не иранцев, позднейших севруков, а гуннов — савир.

Седов. 1982. С. 24.

Назаренко. 1993. С. 13–14.

ЭССЯ. Вып. 4. С. 149–152.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. IV. С. 55. О возможной связи с Attorozi (и Aturezani?) «Баварского географа» см.: *Назаренко*. 1993. С. 29–30 (Примеч. 30), 31 (Примеч. 46).

ЭССЯ. Вып. 5. С. 183. Аналогично и происхождение гидронима *Е)ьпергь (ЭССЯ. Вып. 5. С. 182). Вероятнее всего возводить эти названия к контактам праславян с антами и дакийцами в начале Черняховского периода.

Птолемей говорит о сербах (к западу от Нижней Волги — Свод I. С. 52–53) вполне определенно. О.Н. Трубачев обосновывал для этнонима «сербы» индоарийскую этимологию (*Трубачев*. 1999. С. 74–75, 277) и связывал его с синдмеотскими племенами, что в целом соответствует данным Птолемея.

См.: *Седов*. 1982. С. 12 (находки керамики колочинского типа на поселении Рашков), 22 (о близких к колочинским домам с центральным столбом на днестровских поселениях), 26, 30, 33, 40. Впрочем, колочинские женщины, изготавливавшие посуду на антских поселениях, могли быть и полонянками.

Седов. 1982. С. 24. М.И. Артамонов даже выделял из пеньковской особую «пастырскую культуру» и относил ее болгарскому племени кутригур (Артамонов М.И. Етническата принадлежност и историческото значение на пастирската култура // Археология. № 3. София, 1969. С. 1 и след.).

См.: *Плетнева С.А.* Хазары. М., 1986. С. 15–18.

Дорн Б. Каспий. О походах русов в Табаристан. СПб., 1875. С. 37.
После этого Джамасп якобы «завладел и странами обоих народов». Это выглядит уже как чистый, хотя, возможно и древний вымысел. Невероятно полагать, что в своей акции возмездия Джамасп достиг каких бы то ни было славянских (антских или тем более словенских) земель.

Balcano-Slavica. I. Beograd, 1972. P. 9–42; *Федоров — Полевой*. 1973. С. 293–297 (о расселении славян из Прутско-Днестровских областей, то есть носителей пеньковской керамики и антских украшений — пальчатых фибул, в Румынии); *Седов*. 1982. С. 19–20.

Седов. 1982. С. 12.

Об этом см.: Moravcsik G. *Byzantinoturcica*. Berlin, 1958. В. 1. S. 108.

См. карты: *Седов*. 1982. С. 13, 20.

Седов. 1982. С. 20.

Седов. 1982. С. 12,13,19–20. Ср.: *Федоров — Полевой.* 1973. С. 293–296.

Федоров — Полевой. 1973. С. 293–294; Седов. 1982. С. 20.

Balcano-Slavica. 1972; *Федоров — Полевой*. 1973. С. 296–297;
Седов. 1982. С. 19.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6, 11.

Proc. Bell. Goth. VII. 22:1; Свод I. С. 186–187 (ср. примечание Л.А. Гиндина, В.Л. Цымбурского и С.А. Иванова — Свод I. С. 233. Примеч. 118).

Славяне и их соседи. 1993. С. 178.

Федоров — Полевой. 1973. С. 294.

Псевдо-Кесарий (Свод I. С. 254). Некоторые исследователи считали фисонитов (данубиев) Псевдо-Кесария мифическим народом, что противоречит их четкой локализации. Л. Нидерле отождествил их в итоге со славянами-дунайцами (*Нидерле Л. Славянские древности*. М., 2000. С. 485), что с учетом противопоставления словен и фисонитов в автора совершенно невероятно. Скорее всего, данувии — тогдашнее самоназвание рипианов (в Дакии по обе стороны Дуная), которые, по словам Псевдо-Кесария, называют Данувием Дунай (Свод I. С. 255).

Свод I. С. 254.

Федоров — Полевой. 1973. С. 297–298; *Согуца М.* Die Slawen im Karpatisch-donaulandischen Raum im 6–7 Jh // Zeitschrift für Archäologie. 1974. B. 7; *Kurnatovska Z.* Die «Sclaveni» im Lichte der archaologischen Quellen // Archeologia Polska. Wrocław, 1974. Vol. 15.

См.: Федоров — Полевой. 1973. С. 293,298; Седов. 1995. С. 95–100.

Федоров — Полевой. 1973. С. 298.

*byvolъ, «буйвол, вол» (ЭССЯ. Вып. 3. С. 158–159); *саръ, «козел» (ЭССЯ. Вып. 3. С. 172–173); *košara, «загон для скота» (ЭССЯ. Вып. 11. С. 183–185); *мыръщина, «падаль» (ЭССЯ. Вып. 21. С. 151 — возможно, отчасти связано с исконнославянским *myrtvьщина) и т. д. К балканским романским могут быть отнесены те заимствования из классической и народной латыни, которые отложились в восточной группе южнославянских языков (болгарском, македонском), а также заимствования с более или менее ясными восточнороманскими диалектными чертами. Им противостоит группа альпийских романских заимствований, отсутствующих или слабо представленных в восточных южнославянских языках (например, *holča, *loktika).

Термины, связанные с бытом (*ban'a, *jъstьba, а также *bъть, *bътагъ, «бочонок»), денежным обращением (*cѣta), садоводством и растительностью вообще (*čeršьna, «черешня», *kdun'a, «айва», но и *baka, «ива»), виноделием (*mъstь, «муст») и др. — см.: ЭССЯ.

См., в частности: *Рикман Э.А.* К вопросу о славянских чертах в народной материальной культуре Молдавии // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1954. Вып. 56.

Федоров — Полевой. 1973. С. 286.

Седов. 1982. С. 14, 18.

Ср.: *Седов*. 1982. С. 18; *Славяне и их соседи* 1993. С. 174 — словене Закарпаття хоронили умерших в грунтовых могилах, ставя урны с остатками кремации на кострищах с вымостками из камней; их предшественники же хоронили своих умерших в курганах, ставя урны в ямки, вырытые под кострищем, прикрытые каменной плитой.

Sklenar. 1974. S. 272, 280; *Cedov*. 1995. C. 24.

См.: *Sklenar*. 1974. S. 271, 345.

См.: ЭССЯ. Вып. 4. С. 33–35. Это обстоятельство осознавалось и западноевропейскими средневековыми авторами, которые издревле переводили название «чехи» как «богемцы» (например, «бехеймары» у «Баварского географа» — *Назаренко*. 1993. С. 13/14 — один из немногих переведенных у него славянских этнонимов).

Козьма Пражский. Чешская хроника. М., 1962. Гл. 2. С. 33–34.

Dalimil. Кар. 2: 1–40. 3. Неedly придавал большое значение приходу Чеха у Далимила из «Хорватии», считая возможным видеть здесь отражение некоей миграции из чешской «Белой Хорватии» на юго-восток, в долину Влтавы: *Needly Z. Stare povesti česke historicky pramen. Praha, 1953. S. 16–49.* В свете археологических данных о заселении Чехии в первой половине VI в., а также очевидного прихода хорватов из Поднестрилья в Чехию только после аварского вторжения ок. 560 г. представляется предпочтительным считать иначе. Наличие в Чехии области хорватов могло побудить Далимила перенести в балканскую Хорватию (в хронике — «Есть в сербском языке земля, ей же Хорваты имя») легендарную дунайскую прародину славян. Толкование племенного названия «чехи» от личного «княжеского» имени Чеслав позволило бы видеть в Чехе историческое лицо, но эта заманчивая перспектива опровергается лингвистами (См.: ЭССЯ. Вып. 4. С. 34). Очевидно, Чех лишь персонифицирует в своем образе группу словен, пришедшую на полупустынные земли древней Богемии в первой половине VI в. Можно добавить, что в XIII в. предание о Чехе уже было воспринято польскими хронистами.

У Богухвала (Великая хроника. С. 52) Чех — младший из трех сыновей Пана, родоначальника славян, вышедших из Паннонии и давших начало королевствам лехитов (от Леха), русов (от Руса) и чехов (от Чеха). Чешский хронист Гаек из Либочан (XVI в.) существенно дополняет предание о Чехе как другими устными традициями, так и собственными домыслами. Представляет интерес сказание о братьях Госте и Черноусе, которые хотели удалиться от горы Ржип, но Чех, разрешив им выделиться, отсоветовал уходить далеко (Vaclav Hajek z Libočan. *Kronika česká. Praha, 1981. S. 50–51*). Предание отражает стремление чехов к компактному проживанию в окружении «немцев».

Sklenar. 1974. S. 272, 275–276; *Cedov.* 1995. C. 28.

Sklenar. 1974. S. 272; Cedov. 1995. C. 28.

Proc. Bell. Goth. VII. 35: 16, 21–22.; Свод I. С. 188—191 — явное свидетельство того, что словенские земли примыкали с севера к распадавшемуся готскому королевству. Глухим и совершенно искаженным припоминанием подлинных обстоятельств прихода славян на место германцев в Центральной Европе выглядит свидетельство Баварской хроники XIII в. о захвате «рутенами и славянами» — «детьми Хама» земель германцев («детей Яфета») то ли от Днепра «вплоть до Дуная и Вислы», то ли даже «от Руси до Рейна». Германцы будто бы бежали от них морем из «Средней Азии» и «Верхней Руси» («за Киевом») на «нижние острова Запада» (*Свердлов М.Б.* Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Германия. Вторая половина XII–XIII в. М.—Л., 1990. С. 394–395). Это крайне тенденциозное сообщение, представляющее собой при всей краткости чудовищную смесь самых разных исторических и псевдоисторических источников, тем не менее, как можно видеть, содержит некое реальное зерно.

См.: *Седов*. 1982. С. 19, 237. Ср. упоминавшееся значение этнонима «ледзяне» и слова Кассиодора об обитании словен в «лесах».

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 24; Свод I. С. 184–185. См.: *Иванова О.В., Литаврин Г.Г.* Славяне и Византия // Раннефеодальные государства на Балканах. М., 1985. С. 41.

См.: *Третьяков П.Н.* Подсечное земледелие в Восточной Европе // Известия ГАИМК. Т. XIV. № 1, 1934.

Седов. 1982. С. 238.

Лен известен славянам искони; слово «конопля», возможно, индоарийского происхождения (ЭССЯ. Вып. 10. С. 188–192; Трубачев 1999. С. 245).

Седов. 1982. С. 19. Исключение — пограничные с антами районы.

См.: Этнография восточных славян. С. 194.

Здесь и далее о праславянских лексемах см. ЭССЯ.

См.: Этнография восточных славян. С. 188. Мотыгу, помимо карпатских украинцев, использовали в историческое время сербы: Народы зарубежной Европы. Т. 1. М., 1964. С. 403.

Седов. 1982. С. 24,236.

О формах рала см.: Народы I. С. 102, 192, 227, 314, 403, 433, 481;
Этнография восточных славян. С. 194.

Этнография восточных славян. С. 194; *Седов*. 1982. С. 236, 274.

Народы I. С. 102, 193 (чешская борона «лучевой» формы), 404, 433 (хорватский архаичный тип бороны — прутья, прикрепленные к доске); Этнография восточных славян. С. 195–196.

Historia kultury materialnej Polski. T. 1. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1978. S. 85; *Ceðoe*. 1982. C. 16,237, 275.

Этнография восточных славян. С. 196.

См.: Народы I. С. 103, 193–194, 228, 314, 404, 433; Этнография восточных славян. С. 197.

Седов. 1982. С. 24.

Sklenar. 1974. S. 275–276; *Cedov*. 1982. C. 16, 18, 22.

Седов. 1982. С. 22.

Федоров — Полевой. 1973. С. 297; Седов. 1982. С. 18, 237–238.

Этнография восточных славян. С. 201; *Седов*. 1982. С.237.

Sklenar. 1974. S. 275–276; *Седов*. 1982. С. 18, 238. На скотоводство у славян есть указания у Прокопия: Bell. Goth. VII. 14: 23; 38: 22; 40: 37; Свод I. С. 182–183, 194–195, 198–199.

Седов. 1982. С. 18, 238.

Там же. 1982. С. 14, 26, 238–239.

Historia kultury. 1978. S. 31.

Седов. 1982. С. 18, 239.

Sklenar. 1974. S. 276; *Седов*. 1982. С. 18, 239. Об охоте словен на кабана, видимо, говорит и Псевдо-Кесарий: Свод I. С. 254, 258 (Примеч. 14).

Свод I. С. 254; *Седов*. 1982. С. 18.

Седов. 1982. С. 18.

Федоров — Полевой. 1973. С. 297; Sklenar. 1974. S. 272; Седов. 1982. С. 12,21.

Iord. Get. 35; Свод I. С. 108–109.

Седов. 1982. С. 21.

См.: Этнография восточных славян. С. 206.

Historia kultury. 1978. S. 27.

Седов. 1982. С. 12.

Там же. С. 22.

Федоров — Полевой. 1973. С. 294; *Sklenar.* 1974. S. 275; *Седов.* 1982. С. 13, 14, 22.

Седов. 1982. С. 13, 22.

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 24, 29–30; Свод I. С. 184–185.

Historia kultury. 1978. S. 31; *Ceðoe*. 1982. C. 14, 22.

Historia kultury. 1978. S. 33.

Федоров — Полевой. 1973. С. 294, 297; Седов. 1982. С. 14, 22.

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 24; Свод I. С. 184–185.

Федоров — Полевой. 1973. С. 294; *Sklenar*. 1974. S. 275; *Historia kultury*. 1978. S. 202, 203, 278; *Седов*. 1982. С. 14, 22, 24.

Седов. 1982. С. 14.

Там же. С. 22.

Там же. С. 14, 22.

Там же. С. 24.

ЭССЯ. Вып. 8. С. 21–22. Там же (С. 22) о синониме — слове
*хатрьсь.

Ср.: *Седов*. 1982. С. 30 — колочинские полуземлянки с опорным столбом в центре найдены на двух антских поселениях, в том числе в пеньковском «гнезде», в поселении Луг I.

Федоров — Полевой. 1973. С. 294; Седов. 1982. С. 14, 22.

ЭССЯ. Вып. 8. С. 243–245. Термин быстро стал обозначать сруб вообще, но особенно теплую часть.

Седов. 1982. С. 14.

Федоров — Полевой. 1973. С. 294, 297; *Sklenar.* 1974. S. 275;
Седов. 1982. С. 14, 22, 24.

Федоров — Полевой. 1973. С. 294, 297; Седов. 1995. С. 69, 71.

Седов. 1982. С. 14.

Там же. С. 16, 22, 24.

Там же. С. 14, 16.

Там же. С. 14, 22.

Там же. С. 16.

Федоров — Полевой. 1973. С. 294, 298; Седов. 1982. С. 12–13, 19.

Федоров — Полевой. 1973. С. 298; Седов. 1982. С. 24.

Федоров — Полевой. 1973. С. 294, 296, 297; *Sklenar*. 1974. S. 279;
Седов. 1982. С. 16, 24.

Федоров — Полевой. 1973. С. 297; Седов. 1982. С. 16, 24.

Федоров — Полевой. 1973. С. 294, 297; Sklenar 1974. S. 279.

Седов. 1982. С. 241–242.

Федоров — Полевой. 1973. С. 294, 298; *Sklenar*. 1974. S. 272, 275;
Седов. 1982. С. 11–12, 19.

Федоров — Полевой. 1973. С. 294, 297; *Sklenar.* 1974. S. 276;
Седов. 1982. С. 16, 239–240.

Видимо, в Поднепровье на гончарстве специализировались жители отдельных поселений (*Седов*. 1982. С. 24).

См.: Славянская мифология. С. 234. Ср. также этимологию имени легендарного основателя Киева Кия от имени божественного кузнеца (Славянская мифология. С. 222) и предание о князе Радаре (Легенды и паданни. Минск, 1980. № 97).

Historia kultury. 1978. S. 117 etc.; *Седов*. 1982. С. 240.

Седов. 1982. С. 24, 241.

Там же. С. 241.

Федоров — Полевой. 1973. С. 294, 296, 298; Седов. 1982. С. 18.

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 26; Свод I. С. 184/185.

Седов. 1982. С. 72, 258. Ср.: Этнография восточных славян. С. 262
и след.

Федоров — Полевой. 1973. С. 294, 297; Седов. 1982. С. 258, 259.

Седов. 1982. С. 259.

Там же. С. 258.

Ср. об одежде древних чехов у Козьмы Пражского (*Козьма*. 1962. Гл. 3. С. 35).

Седов. 1982. С. 72; Народы I. С. 251; Этнография восточных славян. С. 266.

Федоров — Полевой. 1973. С. 294, 297; Седов. 1982. С. 24–26, 259–260.

«Они постоянно покрыты грязью» (*Proc. Bell. Goth.* VII. 14: 28; Свод I. С. 184–185). На Прокопия здесь оказывает большое влияние стереотип изображения «варваров». Недаром он по «грубому и неприхотливому нраву» и пресловутой «грязи» сравнивает славян с «массагетами» и притом говорит об их «гуннском нраве». В том же описании Прокопий говорит о русоволосости и «красноватом», то есть обычном североевропейском, цвете кожи славян, а также об их большом росте и физической силе. Здесь же он отмечает, что «они менее всего коварны или злокозненны». Эти замечания, конечно, более справедливы, но в целом вписываются в тот же стереотип.

Обрядами омовения сопровождалась многие календарные праздники и переходы из одной половозрастной группы в другую. Ср. этимологию глагола *myti(se) (ЭССЯ. Вып. 21. С. 76–79).

Из нар.-лат. *banes, balnia*, «баня» (ЭССЯ. Вып. 1. С. 151–152).

Свод I. С. 84–85.

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 25; Свод I. С. 184–185.

Proc. Bell. Goth. V. 27.1–2; Свод I. С. 176–177 (о «гуннах, склавиных и антах»); *Marc. Chr. A.* 517 («гетские всадники»; см. далее, гл. 2).

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 25; 38:17; Свод I. С. 184–185, 192–193. Более того, по Прокопию, некоторые славянские воины сражались полуголыми. Это, скорее всего, члены воинских «оборотнических» братств. Универсальный характер имеет представление о неуязвимости собственной кожи оборотня. Отражено оно и в славянских поверьях. Известно, что скандинавские берсерки срывали с себя в бою доспехи.

Федоров — Полевой. 1973. С. 298; Седов. 1982. С. 16.

См.: ЭССЯ. Вып. 18. С. 38–42 (о вероятном заимствовании слова из кельтских языков латенской эпохи). Отдельные мечи могли попадать в руки славян как трофеи. Ср. упоминание меча в руке «варвара» (славянина?) в «Луге духовном» Иоанна Мосха (Свод II. С. 184). См. гл. 2.

Proc. Bell. Goth. VII. 22: 1–6; Свод I. С. 186–187.

Proc. Bell. Goth. VII. 38: 7; 40: 7; Свод I. С. 192–193, 196–197.

Proc. Bell. Goth. VI. 26: 17–24; Свод I. С. 176–179; *Proc. DA.* IV. 7: 13, 17; Свод I. С. 206–207.

Proc. Bell. Goth. VII. 22: 5; Свод I. С. 186–187.

Седов. 1982. С. 13, 22.

Федоров — Полевой. 1973. С. 294; Седов. 1982. С. 18.

Народы I. С. 256, 340–341, 418–419, 444, 461, 474–475, 490–491; Этнография восточных славян. С. 363. Югославянскую задругу часто отделяют от больших семей восточных славян и словаков, относя скорее к патронимическому типу (*Косвен М.О.* Семейная община и патронимия. М., 1963). Но более аргументирована другая точка зрения — задруга является следствием эволюции большой семьи при сохранении многих ее характерных черт (в частности, и фигуры главы семьи). Характерно в этом плане объединение болгарских «фамилий» (преемниц задруг, объединявших уже малые семьи) в «роды». Эти «роды», соответствующие патронимиям, были известны также черногорцам и в пережиточных формах македонцам.

Народы I. С. 256, 340–341, 418–419, 474–475; Этнография
восточных славян. С. 365.

Народы I. С. 340–341, 474–475, 490; Этнография восточных славян. С. 173.

Седов. 1982. С. 243–244; Седов. 1995. С. 72–73. Память о «золотом веке» коллективной собственности и равенства сохранилась из славянских хронистов у Козьмы Пражского (Чешская хроника. Гл. 3). Но это описание слишком изобилует литературными клише, чтобы быть подлинным отражением фольклорной традиции.

Седов. 1982. С. 13, 22.

Частичным этнографическим аналогом является черногорское братство, объединявшее роды и входившее в состав племени (См. о родоплеменном укладе черногорцев: Народы I. С. 489–490).

Видимо, именно эту форму распределения следует считать самой старой (ср.: Этнография восточных славян. С. 376–378). Об общинах у западных и южных славян см.: Народы I. С. 218, 418–419, 475, 489–490.

В «Правде Русской» (Русская Правда. Краткая редакция — см.: Правда Русская. М. — Л., 1940. Т. 1) одинаковым денежным штрафом с прямым указанием на разрешение кровной мести карается убийство (ст. 1) и повреждение руки или ноги (ст. 5). У черногорцев кровная месть сохранялась до XIX в. (Народы I. С. 490; ср.: Законик общи црногорски и брдски. Цетиње, 1982. С. XXVII и след. Ст. 2–10, 17). В Польской Правде (Эльблонгская книга, ст. 17. См.: Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961. С. 738 след.) и Винодольском законе (*Ягич В.В.* Закон Винодольский. СПб., 1880) (ст. 46) изнасилование приближается по сумме возмещения к убийству. Можно заключить (с учетом фольклорных свидетельств), что изначально оба преступления карались одинаково — кровной местью.

В Эльблонгской книге (ст. 12) такой привод карается одним из самых высоких штрафов.

Ср. Эльблонгская книга (ст. 8–9): отвечает за убийцу, грабителя или вора то село, которое отказалось гнаться за ним «с криком». «Род» мог выставить поединщика за укрытого убийцу.

В «Правде Русской» два уровня обид (в денежном выражении). В обоих случаях очевидно, что откупом заменяется месть (хотя и не со смертельным исходом, по крайней мере во второй категории). К тяжким обидам отнесены удар каким-либо предметом (ст. 3, 4) и вырывание бороды и усов (ст. 7). К более легким — простое избиение (ст. 2), отсечение пальца (ст. 6), толчок (ст. 9), кража (ст. 10–12). Черногорское право конца XVIII в. (ЗОЦБ. Ст. 6–10, 17) содержит попытку судебного регулирования правежа из-за побоев и грабежей. В противном случае они постоянно приводили к «кровопролитию». Впрочем, «старый обычай» уже допускал откуп за кражу (ст. 14). Закон судный людем винит «в сугубину» тех, кто покушается на чужой лес (леса в древности находились в коллективной собственности) и скот (см.: Закон судный людем краткой редакции. М., 1961. С. 104 и след. — Гл. 16, 25). Эти нормы, так же как норма о возврате присвоенного (гл. 19; ср.: РПКр. Ст. 12), не восходят напрямую к ромейской «Эклоге».

Винодольский закон, ст. 7–8; Эльблонгская книга, ст. 8–9.

Винодольский закон, ст. 71; Эльблонгская книга, ст. 7.

Ср. Эльблонгская книга, ст. 5; Винодольский закон, ст. 9–10 и др.

Эльблонгская книга, ст. 23–25; Рожмберкская книга (Хрестоматия. С. 839 и след.), ст. 154–191.

ЗСЛ. Гл. 22 («даже если и жупан свидетельствует»). О «видоках» упоминается и в древнейшей Правде Русской (ст. 2, 9). Но норма гл. 2 ЗСЛ о «послухах» восходит к ромейскому христианскому праву.

Четырехступенчатая система общественной организации (семья — род — братство — племя) сохранялась долго у черногорцев. С ней был сопряжен ряд других архаичных элементов общественной жизни (сохранение веча-скупщины, кровной мести). Но черногорские патронимические племена были, за единственным исключением экзогамны (Народы I. С. 489–490). Сохранение этой патронимической нормы могло быть вызвано большим числом и замкнутостью горных черногорских племен. С другой стороны, экзогамия племен могла здесь развиваться и вторично в связи с появлением «лишнего звена» между племенем и черногорским племенным союзом — нахии (округа). Нахия, являясь основной составляющей ячейкой государства, с неизбежностью переняла ряд функций древнеславянского первичного племени.

Седов. 1982. С. 13.

Там же. С. 22.

Proc. Bell. Goth. VI. 15:2; VIII. 4:9; Свод I. С. 176–177, 200–201.
Греческий термин εἰρη «территория провинции или племени» здесь
выглядит точным соответствием славянского «волость».

Ср. у черногорцев: Народы I. С. 490.

О поклонении киевских полян «рощам» наряду с водными источниками говорит Начальный летописец (ПСРЛ. Т. 3.6362 г. — см. также: Начальная летопись. 1999). Ср. еще сниженный и осмеянный в русской бытовой сказке мотив «Николы Дуплянского» — божества-оракула, живущего в лесу, в дупле, и дающего ответы в обмен на приношения.

См.: ЭССЯ. Вып. 8. С. 74–76. Остатки примитивного «храмового» сооружения, возможно, обнаружены у селища Корчак (*Русанова И.П., Тимощук Б.А.* Языческие святилища древних славян. М., 1997. Приложение, № 39).

Седов. 1982. С. 262–263.0 наличии идола можно судить по аналогиям.

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 23; Свод I. С. 182–183. Монархический характер власти Перуна над мирозданием Прокопий явно преувеличивает. Едва ли живущие, по его же словам, в «демократии» словене и анты могли приписать своему верховному богу форму власти, о которой не имели представления.

О мифологических именах типа Додола, Перыня, Пеперуна и др., обозначавших земную жену громовержца и заменявшую ее в обряде призывания на землю дождя жрицу, см.: Славянская мифология. С. 108, 164–165, 305–306. Обряды вызывания дождя сохранились прежде всего у южных славян. См.: Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Летне-осенние праздники. М., 1978. Обряд исполняла молодая жрица, символизировавшая собой жену громовержца, богиню земли. Ее в обряде обливали водой с молитвенными заклинаниями.

О сложной проблеме с разграничением праславянских слов *maḡa, «призрак» и *moḡa (с родственным *maḡena) см.: ЭССЯ. Вып. 17.С.204–207, 209–210; Вып. 19.С.211–214. С индоевропейскими соответствиями типа ирл. Morrigan, герм. шага сопоставляется именно *праслав.* *moḡa. Это слово, как и западно-восточнославянское *maḡena, соотносится с древнейшими обозначениями смерти. Сюда же, возможно, имя латышского духа-покровителя животноводства Маря — но этот персонаж претерпел существенные изменения (затронувшие и само звучание имени) под влиянием христианства.

Эта гипотеза В.Н. Топорова (*Топоров В.Н.* ΠΥΘΩΝ, Ahi Budhnya, Бадньак и др // *Этимология.* 1974. М., 1976) построена на этимологии названия югославянского «рождественского полена» от индоевропейского корня, отразившегося в именах мифологических змеев греческой и индийской традиции. С гипотезой в принципе согласуются и славянские фольклорные тексты, противопоставлявшие «старого бога» молодому Божичу. Явно солнечный характер последнего божества — еще один повод для сопоставления с греческими мифами, где змея Пифона убивает бог солнца Аполлон.

Согласно древнерусскому поучению против язычества, Роду и рожаницам поклонялись «прежде» Перуна (*Гальковский. 2000. С. 24*). Многие мотивы в восточнославянском образе Рода и южнославянском Суда близки; термины «рожаница» и «суденица» были известны и восточным, и южным славянам, а «суденица» — еще и западным (*Славянска мифология. С. 335, 370*). Термин «наречница», видимо, также праславянский (см.: *ЭССЯ. Вып. 22. С. 241*; при преобладании южнославянских примеров — словинский из Поморья со значением «плаксивая женщина» явно из первоначального «предсказательница злой судьбы»).

Proc. Bell. Goth. VII. 14:23; Свод I. С. 182–185. Перечень попыток решения дилеммы см.; Свод I. С. 222. Примеч. 74.

О.Н. Трубачев предполагал заимствование из индоарийского *svar-ga «в небе идущий, небесный, солнечный» (*Трубачев. 1999. С. 182, 280*).

Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965. С. 158–163. Ср. еще образ Перуна как «создателя молний» у Прокопия. Упоминание в мифе железного пахотного орудия явно указывает на его антское происхождение. В индийской мифологии Сваргой именуются владения громовержца Индры; возможно, в древности (и у синдо-меотов) это был эпитет бога грозы.

Одна из гипотез возводит имя «Кий» к индоевропейскому обозначению божественного кузнеца (*Иванов В.В., Топоров В.Н.* Кий // Славянская мифология. С. 222). О преданиях о «Божьем Ковале» как продолжении древнего мифа о богекузнеце или громовержце см.: *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865. Т. 1. С. 559 и след.; *Потебня А.А.* Этимологические заметки о мифологическом значении некоторых обрядов. М., 1865. С. 8–15; *Петрухин В.Я.* Кузнец // Славянская мифология. С. 234.

Змиевы Валы в Поднепровье, которые, по преданию, явились результатом победы Божьего Коваля над Змеем, еще в XVII в. именовались Трояновыми (*Антонович В.* Змиевы Валы в пределах Киевской земли // Киевская старина. 1884. Март). Видимо, почитавшийся «волохами» Троян первоначально воспринимался как персонаж, тождественный Велесу, а Сварог прямо отождествлялся с Перуном.

См.: Славянская мифология. С. 388 (производится из иранского и связывается с персидским Xuršet, «божественное сияющее солнце»).

Образ, распространенный в тюркских мифологиях. См. еще: *Тревер К.В.* Сэнмурв-Паскудж. Л., 1937; *Ворт Д.* Див-Simurg // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978. В этих и ряде других работ название связывается с обозначением демонической птицы Симург (Сэнмурв) из иранских мифов. В.В. Иванов и В.Н. Топоров (Славянская мифология. С. 357) считают имя скорее славянским и возводят его к «Семиглав». У балтийских славян известен семиглавый бог Руевит. Но древнерусские авторы явно не понимали смысла имени Семаргла и не раз искажали его. Это скорее свидетельствует о заимствовании. Сами причины искажения или усечения в случае принятия славянской этимологии не вполне ясны. «Семиглав», впрочем, могло повлиять на оформление заимствования на славянской почве (Руевит, заметим, был богом войны).

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 24; Свод I. С. 184–185. Ср. еще в Начальной летописи (6362 г.): «Жертвовали озерам и ручьям».

Именно с вилами отождествил «нимф» Прокопия Л. Леже (*Леже Л.* Славянская мифология // Филологические записки. 1907. № 2–3. С. 144).

См. об исконно славянской этимологии слова: ЭССЯ. Вып. 8. С. 191. Следы представлений о юдах сохранились у южных и у восточных («чудо-юдо») славян.

Об этимологии слов *тапъ и *тапъја и их точном соответствии исконно родственным латинским терминам см.: ЭССЯ. Вып. 17. С. 201–203. Южнославянские значения слова *навъ (и болгаро-македонские, и сербохорватские) сводятся к одному — «злой дух из царства мертвых», но несколько отличаются от древнерусского летописного навъ «призрак мертвеца». Возможно, сперва (как и в конечном счете) терминами *тапъ и *навъ обозначались разные, хотя и близкие персонажи низшей мифологии. Слово *навъ у праславян означало собственно смерть и мертвое тело (см.: ЭССЯ. Вып. 24. С. 49–52).

Ср. семантику слова в различных славянских языках: ЭССЯ. Вып. 25. С. 93–94. Позднее оно приобрело собирательное значение — вредоносный дух вообще.

О слове см.: ЭССЯ. Вып. 22. С. 187–188. Такой дух мыслился живущим в доме. Исходное религиозное значение для слова «наместник», вероятно, «жертва во здравие» — та самая животная жертва в искупление, о которой говорит Прокопий. Дух такой жертвы мыслился оберегающим жертвователя.

Например, у Богухвала (Великая хроника. С. 54, 55).

Этот эпитет употреблен в «Слове о полку Игореве», метафоры которого обычно имеют древнее происхождение. Но в данном случае речь все же может идти о христианском (точнее, народно-христианском) восприятии инородцев-язычников. Готский вариант предания о происхождении гуннов см.: *Iord. Get.* 121–122. Е.Ч. Скржинская считала, что легенда «создалась, конечно, в христианской среде» (*Иордан* 1997. С. 271. Примеч. 380). Это верно в том смысле, что готы уже были христианами (точнее, арианами). Но, с другой стороны, идея о возможности происхождения человека от демона — скорее не христианская, а языческая. Действие легенды происходит у Иордана в языческие времена, и почти никаких признаков христианского происхождения она не несет (разве что термин *spiritus inmundi* по отношению к духам, от которых будто бы произошли гунны).

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 23; Свод I. С. 182–185.

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 24; Свод I. С. 184–185.

ЭССЯ. Вып. 19. С. 87–93 (значение «молитва» вторично).

Седов. 1982. С. 262–263; *Proc. Bell. Goth.* VII. 14: 23; *Свод I*. С. 182–183.

Особенно четко следы ритуала прослеживаются в «кукерских» обрядах у болгар, испытавших фракийское влияние. Но пережитки мужской жертвы (в виде сожжения или разрывания чучела, «убиения» ряженого) есть у всех славянских народов. На завершающем этапе появилось название жертвы «Ярило» (эпитет умирающего и воскресающего бога, появившийся не ранее VII в., болгарам и македонцам неизвестен). Только у северных славянских народов (западных и восточных) мужская жертва была заменена со временем, едва ли раньше обособления южных славян в VII в., женской. Лишь затем (но раньше принятия христианства) обряд разложился и исчез вовсе. Таким образом, в V–VI вв. он еще существовал. Материал о календарных праздниках славян, связанный с темой, см.: Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М., 1977. С. 202–296; Календарные обычаи 1978. С. 174–244; Этнография восточных славян. С. 380 и след., 452–453. Оценку первоначального содержания и исторического развития подобных обрядов, см., напр.: Календарные обычаи... Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 122–123; там же отсылки к литературе.

Ср.: *Proc. Bell. Goth.* VII. 38:20–22; Свод I. С. 192–195. Ритуальный характер носили, видимо, и изуверства, описанные Псевдо-Кесарием; Свод I. С. 254 (ср.: С. 257. Примеч. 5–6).

Интересно, что магические умения, приписывавшиеся гончарам (см.: Славянская мифология. С. 139–140), в целом более «темны» и опасны для окружающих, чем восходящее к божественным силам знание кузнецов. Видимо, это отголосок тех времен, когда работавшие на гончарном круге мастера были инородцами для славян и хранили от них свои секреты. На поселениях ипотештинской группы, например, гончарами были «волохи», связывавшиеся в мифологических представлениях славян с богом загробного мира Велесом (Волосом).

Ср. общеславянский, хотя в конечном счете и восходящий к древнегерманским языкам, термин *lekarь* (ЭССЯ. Вып. 14. С. 194–195).

Седов. 1982. С. 16, 18. Они найдены и на «святилище» близ Корчака. Видимо, это ритуальная замена настоящего хлеба. Стремление к такой замене естественно в условиях малых урожаев, при подсеке и перелогe.

См.: Этнография восточных славян. С. 380; Календарные обычаи и обряды... Вып. 1–4. М., 1973–1983.

Их сведения блестяще расшифрованы Б.А. Рыбаковым: *Рыбаков Б. А.* Календарь IV в. из земли полян // Советская археология. № 4. 1962. С. 67–72 (чаша № 2 из Лепесовки), 71 (две черняховские миски), 72–74 (сосуд из Малаешты), 74–86 (кувшин из Ромашек).

ЭССЯ. Вып. 10. С. 134–135.

О культе волка у древних индоевропейцев и балтославян см.:
Иванов В.В. Реконструкция индоевропейских слов и текстов,
отражающих культ волка // Известия АН СССР. Серия литературы и
языка. 1975. № 5; *Иванов В.В.* Волк // МНМ. Т. 1.

Об исторических корнях обряда ряжения см. подробно:
Календарные обычаи. 1983. С. 185 и след.

Родственные *праслав.* *jьгъсь и *jbgraсь, кажется, несколько различались по смыслу (ср. значения: ЭССЯ. Вып. 8. С. 210, 212–213). Первое означало скорее «актера» — бродячего, к тому же перевоплощающегося и ведущего себя непристойно в ходе «игры» (празднества), позднее даже «нечистого духа». Второе же слово обозначало просто «игрока», любого участника праздничного ритуала.

Эти реалии отразились в весьма древней по происхождению русской эпической песне «Братья Волховичи», имеющей южнославянские (болгарские) параллели. См.: Былины новой и недавней записи из разных местностей России. М., 1908. № 96; Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 года А.В. Марковым, А.Л. Масловым и Б.А. Богословским. М., 1908. Ч. 2. № 42–43; Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. М., 1991. № 108–111. О сюжете и его развитии у южных и восточных славян см.: Добрыня Никитич и Алеша Попович. М., 1974. С. 407–409 (в связи с близкой позднейшей по происхождению былиной «Алеша Попович и сестра Бродовичей»). Закон суцный людем говорит об усечении носа мужчине, нарушившему брачные установления (гл. 8, 13). Это, очевидно, позднейшая замена кровной мести.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 14; ср. Козьма Пражский. Гл. 4.

В лужицком свадебном обряде невеста танцевала с гостями, пока жених стоял за дверью (Народы I. С. 291). Именно о групповом браке, по сути, говорит и Козьма (гл. 4), но это скорее искаженное под влиянием античной традиции восприятие славянского многоженства.

Ср. обычай «пробного брака» в народной славянской среде (Народы I. С. 446; Славянская мифология. С. 64).

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 13, 14; Т. 41. С. 6.

См.: Славянская мифология. С. 64. Ср.: Народы I. С. 291;
Этнография восточных славян. С. 408.

См.: Этнография восточных славян. С. 408. Особые формы свадебных даров представляли собой выкуп сватов за вход в дом невесты (Народы I. С. 342, 420, 446) и выкуп за выезд из села невесты (Там же. С. 218, 291, 462). Последняя форма — возможно, остаток сопротивления эндогамного коллектива разрушению своих устоев, — следовательно, более поздняя.

Подробнее о формах бракосочетания см.: Народы I. С. 132–133, 217–218, 259, 290–291, 342–343, 420–421, 446, 461–462, 475; Этнография восточных славян. С. 405–409.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 13 (в Лаврентьевском списке — «зять за невестой»),

См.: Народы I. С. 218; Славянская мифология. С. 80.

См.: Народы I. С. 152, 258, 341, 420, 445^46, 461; Этнография восточных славян. С. 397–400.

Топорков А.Л. «Перепекание» детей в ритуалах и сказках восточных славян // Фольклор и этнографическая действительность. СПб., 1992.

См., например, чрезвычайно древнюю по происхождению былинку «Волх»: Древние российские стихотворения, собранные Киршой Даниловым. М. — Л., 1958. № 6.

О пережитках авункулата у славян см.: *Косвен М.О.* Кто такой крестный отец? // Советская этнография. 1963. № 3.

Для лиц, родившихся в конце V — первой половине VI в., отмечены: заимствованные имена у анта Хильвуда (*Proc. Bell. Goth.* VII. 14: 8; Свод I. С. 180–181), видимо, его отца Санвата (см.: Свод I. С. 232), односоставное имя у словенского воина Сваруны (*Agath. Hist.* IV. 20: 4; Свод I. С. 296–297); двусоставные имена у антских вождей, братьев Межимира и Келогоста (*Men. Hist. Fr.* 6; Свод I. С. 316–317), видимо, анта-полководца на имперской службе Доброгеза (*Agath. Hist.* III. 6: 9; Свод I. С. 294–295), а также — в усеченной форме — у словенского князя Добряты (*Men. Hist. Fr.* 48; Свод I. С. 320–321).

См. об этом: *Пронн.* 1996. С. 52–111. Испытания силы и ловкости сохранились в обряде «юношеского крещения» у словаков (Народы I. С. 258).

Об остатках ритуала инициации у славян см.: Народы I. С. 258–259 (словаки), 447 (хорваты); Этнография восточных славян. С. 400.

ЭССЯ. Вып. 9. С. 80–82. Впервые зафиксировано в середине V в. Приском применительно к похоронам Атилы. См.; Свод I. С. 161 и след.

О погребальной обрядности см.: Народы I. С. 133–134, 217, 292–293, 343, 421–422, 446–447; Этнография восточных славян. С. 410–416.

Sklenar. 1974. S. 272, 279; *Cedov*. 1982. C. 18, 25.

Федоров — Полевой. 1973. С. 294; Sklenar. 1974. S. 279; Седов. 1982. С. 18, 25.

Седов. 1982. С. 18.

Sklenar. 1974. S. 279; *Cedov*. 1982. C. 18, 25.

В курганных захоронениях, распространяющихся впоследствии у словен, основные погребения — урновые, а без урн хоронили потомков, пользовавшихся курганом позднее (*Седов*. 1982. С. 18).

Седов. 1982. С. 18. Возможно, стремление обезопасить себя от мертвеца? Ср. разнообразные варианты захоронений в Сэрата-Монтеору: *Федоров — Полевой*. 1973. С. 294.

Седов. 1982. С. 18, 25. Довольно богатый на общем фоне инвентарь Сэрата-Монтеору (*Федоров — Полевой.* 1973. С. 296–297) относится в основном ко второй половине VI–VII вв. В Пржитлуках найдены костяные гребни, глиняные пряслица, железные ножи и пр. (*Sklenar.* 1974. S. 279). К востоку от Западного Буга находки предметов буквально единичны — железная пряжка из Хорска, глиняный «хлебец» из Суемец, бусина из Тетеревки (*Седов.* 1982. С. 18).

Седов. 1982. С. 18.

Там же; ср.: *Седов*. 1995. С. 75. В последнее время предложена версия о существовании в регионе особой «культуры ингумаций» смешанного происхождения (*Обломский*. 2002. С. 80–86). Не исключено, что толкование этих обрядовых различий должно носить не столько этнический, сколько социальный характер.

См.: *Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса. М., 1963; Типология народного эпоса. М., 1975.

В русской былине об Алеше Поповиче описывается его поединок с Тугарином Змеевичем (См. варианты и разбор сюжета в кн.: Добрыня, 1977). В болгарской песне о Муржо-свирельщике юда требует от Муржо его жизнь в уплату за горное пастбище; они бьются об заклад — сможет ли юда «плясать» дольше, чем Муржо играет (Песни южных славян. М., 1976. С. 46–47). Герой, борясь с чудовищем, просит небесные силы о дожде. Ему посылается «дождик», намачивающий и отягощающий противнику крылья. В болгарской версии враг — юда, воплощение ураганного ветра, а дождь прерывает ее «пляску», что неплохо объясняет происхождение мотива.

Русские эпические песни... № 1; ср. еще былины о Скимене (Индрике) звере, который «заслышал» рождение богатыря (см.: Добрыня... С. 426–427); Песни южных славян. С. 60–64, 71–74. Особенное сходство (даже на лексическом уровне) с русскими былинами наблюдается в македонской песне «Малое дитя и ламия» (С. 74, 131). Ср. там же: С. 9–10, где утверждается, что противником героя всегда является змея, а не змей. Более убедительную интерпретацию см.: Славянская мифология. С. 283–284, где учтены русские параллели и сербский эпос о Вуке. Несомненно, что в основе представлений о змее-отце лежит древний образ змея-защитника; столь же несомненно, что в южнославянском эпосе сохранились мощные следы именно этого образа (Песни южных славян. С. 66–69). Но смена мифологических «поколений» в эпосе, как и в мифе, уже произошла. Верховным богом древних славян стал змееборец Перун (Сварог?), а героем их эпоса — сын змея, поражающий отца (что не исключает и сюжета противоборства со змеей). Ср., кстати, в этой связи змеиную природу Рарога (сниженный вариант образа Сварога) — см.: МНМ. Т. 2. С. 368.

Ср. карпатский обычай сказывать сказки во время бдения при покойнике (Этнография восточных славян. С. 419).

См.: Этнография восточных славян. С. 475 и след., а также: Народы I. С. 151–152, 354–355, 425, 448, 464, 492.

Федоров — Полевой. 1973. С. 294, 298; Седов. 1982. С. 12, 19.

О примитивных деревянных идолах можно составить представление разве что на основе миниатюрных фигурок «домовых» из новгородских раскопок — палочек с навершиями в форме мужских голов, и аналогичных западнославянских находок, также относящихся к позднему периоду. Из них Волинский идольчик имел четыре лика (*Седов. 1982. С. 264*).

Седов. 1982. С. 26.

Там же. С. 16, 25–26. Расцвет этого искусства связан с древностями мартыновского типа и приходится, вероятно, преимущественно на вторую половину VI–VII вв.

Сказания. 1981. С. 102.

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 8, 11; 29: 1; 38: 18, 23; *Hist. Arc.* XVIII. 21; XXIII. 6; *Свод I. С.* 180–181, 188–189, 192–195, 202–203, 204–205.

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 8; Свод I. С. 180–181.

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 15–16; Свод I. С. 182–183. Стоит заметить, что установление дружественных отношений между племенами вовсе не влекло за собой освобождения рабов-пленников. Имеются еще данные о выкупе за ромейских пленных: см. Свод I. С. 217 (новелла Юстиниана); ср. еще *Marc. Chr. A.* 517.

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 9–10; Свод I. С. 180–181.

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 17–19; Свод I. С. 182–183. На практике, как и следует из этого же фрагмента, «закон» нарушался, и не так уж редко.

ЭССЯ. Вып. 4. С. 189.0 сборе дани гуннами, словенами и антами с имперских городов см.: *Proc. Hist. Arc.* XXIII. 6. О термине «смерд» (с первоначальным уничижительным значением «смердящий») см.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 3. С. 684–685.

Ср. в этой связи слова Псевдо-Кесария о подчинении данувию «всякому», а также о воздержании их от мясной пищи (Свод I. С. 254) — возможно, гипертрофированное восприятие изъятия у них славянами продуктов животноводства?

Возможно, именно с этой частью населения связан любопытный славянский диалектизм *koseŕь, «косез, свободный общинник-воин», отмеченный в Средние века в западном южнославянском регионе и заимствованный, вероятно, из алано-сарматского (ЭССЯ. Вып. 12. С. 138–139). Вместе с тем значение термина свидетельствует о полном растворении аланских выходцев в славяноязычной среде.

См.: ЭССЯ. Вып. 7. С. 197–198 — объясняется как заимствование из иранского (скифского) *gu-rapa*, «охраняющий крупный скот».

Ср. латинское происхождение *праслав.* **seṭa*, «монета» (ЭССЯ. Вып. 3. С. 199). Свидетельства такого обращения есть и у археологии (Федоров — Полевой. 1973. С. 298), и в письменных источниках (особенно: *Proc. Bell. Goth.* VII. 14: 16 — о покупке раба за большую сумму денег). Отдельные экземпляры монет попадали и дальше на север (ср.: Седов. 1982. С. 16), но роль всеобщего эквивалента, очевидно, здесь уже не играли. См. также Свод I. С. 218. Примеч. 57.

*kuriti, *куръ — старые заимствования из германского (ЭССЯ. Вып. 13. С. 109–112, 115), то же *liхва (ЭССЯ. Вып. 15. С. 97–99). Терминология же, связанная с наймом, исконно славянского происхождения; общеславянский характер носят слова *najeti (ЭССЯ. Вып. 22. С. 102–104), *najmati (Там же. С. 106–108), *najтъ (С. 110–111), *najmъjъ с произв. *najmnikъ, *najmnica (С. 112–113), *najmatelъ (С. 106).

Наиболее яркие пережитки половозрастных групп (молодежных) сохранились у словаков (Народы I. С. 258–259), но были они и у других славянских народов.

Журавлев А. Ф. Охранительные обряды, связанные с падежом скота, и их географическое распространение // Славянский и балканский фольклор. М., 1978; *Агапкина Т.А.* Опахивание // Славянская мифология.

См.: *Петрухин В.Я.* Кузнец // Славянская мифология.

История первобытного общества. Вып. 3. С. 238.

См.: МНМ. Т. 2. С. 368 («Папор»).

Славянская мифология. С. 298–299.

См.: Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. 2. С. 493 и след.

См.: *Миллер Дж.* Короли и сородичи. М., 1984. С. 191–199.

Ср. еще пережиточную форму у болгар, перенесенную на ноябрь и февраль: Календарные обычаи. 1977. С. 275. Здесь ритуальным угощением одаривались уже не ряженые, а соседи. Обрядность «волчьего месяца» была также связана с задабриванием реального волка с целью защитить от него скот.

См.: *Пронн.* 1996. С. 112–145. Здесь отмечены как негативный, так и позитивный для «лесных братьев» варианты развития сюжета. Подобная двойственность оценки воинских братств вообще характерна для сказки и былины, в меньшей степени для преданий о разбойниках (распространенный образ «благородного разбойника» — создание позднейшей эпохи).

Характерна (хотя и трудна для анализа ввиду уникальности) сибирская эпическая песня, имеющая и другие восточнославянские аналоги, о попытке отравления Дуная. Имя героя указывает на ее большой архаизм. В былине мать отговаривает героя от поездки в «кабак», но он не слушает ее и едет. «Товарищи» встречают Дуная с радостью, но почему-то тут же подносят ему ядовитое зелье. Дунай, однако, вспомнив совет матери, выливает чару (Русские эпические песни... № 151). Характерно, что в позднейших производных вариантах «товарищей» сменяют разбойники (см. там же, комм, к тексту). Текст отчасти перекликается с одним из эпизодов кавказского нартского эпоса, но там героя предостерегает не мать, а жена и имеется четкая мотивировка происходящего кровной мстью. Здесь мотив действий «товарищей» Дуная определенно другой — скорее всего, месть за нарушение неких правил их «товарищества». Это явно указывает на линию изоляции от семьи и общины в тайных мужских союзах и их преемниках — воинских братствах.

Отголосок в варианте былины о Волхе из сборника Кирши
Данилова (КД, № 6).

Криничная. 1987. С. 176–177. О каннибализме сказочных разбойников см.: *Пропп.* 1996.

Криничная. 1987. С. 176–177.

Proc. Bell. Goth. VII. 38: 19–22; Свод I. С. 192–195.

Свод I. С. 254. Известие о каннибализме большинство авторов предпочитало отвергать (*Čajkanovič B.* Ein fruslavisches Marchenmotiv bei den Byzantinern // *Revue internationale des études balkaniques*. 1. Beogr., 1934; *Dujčev I.* Le témoignage du Pseudo-Cesarie sur les slaves // *Slavia Antiqua*. T. 4. Poznań, 1973). Б. Чайканович и далее Ф. Малингудис (см.: Свод I. С. 257) готовы были скорее допустить знакомство греческого автора середины VI столетия со славянским фольклором. Между тем все остальные сведения Псевдо-Кесария о славянах абсолютно достоверны и явно свидетельствуют о том, что он имел в виду именно членов бойнических «волчьих» братств.

Особенно в варианте из сборника Кирши Данилова (№ 6).

Термин общеславянский (ЭССЯ. Вып. 18. С. 181).

Термин общеславянский. Старейшее (и единственное у южных славян) значение — «староста» (ЭССЯ. Вып. 13. С. 196–198).

Proc. Bell. Goth. VII. 14:22; Свод I. С. 182–183 — «племена эти, склавины и анты, не управляются [αρχονται] одним человеком, но издревле живут в народовластии [δημοκρατία], и оттого у них выгодные и невыгодные дела всегда ведутся сообща».

Псевдо-Кесарий; Свод I. С. 254 — склавины «живут в строптивости, своенравии, безначалии [ἀνηγεμονευτοί]». Впрочем, в данном случае упоминается не вече, а власть воинов-дружинников над своим предводителем.

Так можно охарактеризовать компетенцию веча «всех антов», описываемого Прокопием (*Proc. Bell. Goth.* VII. 14: 21–22, 31–34; Свод I. С. 182–185). Компетенция народного собрания отдельного племени могла быть шире, но не уже.

Этнографический аналог древнеславянского веча — черногорская скупщина (см.: Народы I. С. 490).

Они упоминаются, например, в Древнейшей «Правде Русской» (ст. 14).

Proc. Bell. Goth. VII. 14:22; Свод I. С. 182–183; Свод I. С. 254.

Прокопий (*Proc. Bell. Goth.* VII. 14:22; Свод I. С. 182–183) говорит о полном сходстве внутреннего устройства словенского и антского общества. Менандр (*Hist. fr.* 6; Свод I. С. 316–317) упоминает антских «архонтов» в связи с событиями ок. 560 г.

Schwabenspiegel. Tübingen, 1840. S. 133–134. Очевидно, однако, что обряд непосредственно в описываемой форме связан уже с периодом наследственной власти герцогов каринтийских, христиан и вассалов «римского императора» (Священной Римской империи).

См. — *Криничная*. 1987. С. 195, 199.

См., например, предания о воцарении Ивана Грозного, где встречается этот мотив (конечно, никакого отношения к историческим фактам XVI в. не имеющий): *Садовников Д.* Народные рассказы про старину // *Русская старина*. 1876. № 2. С. 470; *Зачиняев А.И.* Об эпических преданиях Орловской, Курской и Воронежской губерний // *ИОРЯС АН*. 1906. Т. 11, кн. 1. С. 152. В первой из этих версий царем становится тот, у кого загорится намоченная в воде свеча, во второй — тот, перед кем сама загорится лампада. Древнейшая запись относится к XVIII в. (*Никифоров А.И.* Русские повести, легенды и поверья о картофеле. Казань, 1922. С. 33 и след.). Здесь нет никаких реально исторических ассоциаций, обряд совершают братья-язычники в капище перед идолами, выбирая «бога и царя» — причем старший брат терпит поражение.

Ср.: *Криничная*. 1987. С. 197–198.

Там же. С. 203 и след, (о магических способностях царя в русских преданиях).

Козьма Пражский. Гл. 3 — впрочем, здесь, как и на протяжении всех первых глав хроники Козьмы, сказывается библейское влияние (Чехия — «страна обетованная»; Чех тогда соотносится с Иисусом Навиным, «судья» Крок — с библейскими судьями Израиля). Но князь в качестве судьи предстает и в Законе судном людем (гл. 2 и др.).

Норма сохранилась в Винодольском законе (ст. 5). На ее очень древнее происхождение указывает полное отсутствие у кого бы то ни было любых привилегий перед лицом княжеского произвола. Это явно норма не только дословного и дофеодального, но и дохристианского (специально подчеркнуто отсутствие привилегий у священников) периода.

См.: *Пропп.* 1996. С. 332–342; *Криничная.* 1987. С. 196–197.

Свод I. С. 254 (Псевдо-Кесарий). Ср. там же: С. 258. Примеч. 11.

Свод I. С. 254.

Ср.: Men. Hist. Fr. 6; Свод I. С. 316–317. Впрочем, если и толковать в этом ключе упоминание Мезамера в качестве сына Идаризия и брата Келагаста, оно все-таки относится ко времени ок. 560 г.

у черногорцев в качестве старейшины племени выступал кнез или воевода, но эти термины считались уже синонимами (Народы I. С. 490). При этом наряду с воеводой выбирался судья (см.: ЗОЦБ).

Theoph. Sim. Hist. VII. 2: 5; Свод II. С. 28–29; ср. III. 4: 7; VI. 6: 14; Свод II. С. 14–15, 18–19. Ср. также известие комита Марцеллина (Marc. Chr. A. 517) — видимо, единственное свидетельство древнего (начало VI в.) употребления этого этнонима применительно к славянам (в том числе антам?), о чем и говорит Феофилакт Симокатта столетие спустя.

В праславянском имеется целый ряд заимствований из тюркского. Большинство их носит общеславянский характер и, очевидно, относится к VI–VII вв. Не всегда, однако, можно разграничить «болгарские» и «аварские» заимствования этого периода. Среди заимствований — термины, связанные с сельскохозяйственной деятельностью (*baranъ, *хренъ), охотой (*korguĭъ, «сокол, ястреб») и др. — см.: ЭССЯ.

Iord. Rom. 338; Свод I. С. 127 («булгары, анты и склавины»); *Proc.* Bell. Goth. VII. 14:2; Свод I. С. 180–181 («гунны и анты и склавины»); позднейшая форма «гунны, склавины и анты» у Прокопия: Bell. Goth. V. 27: 2; Hist. arc. XVIII. 20; XXIII. 6 (?); Свод I. С. 176–177, 202–205.

Несколько «запаздывает» Иордан. В его трудах, написанных около 550 г., анты как враги империи стоят впереди словен (*Iord. Get.* 119; *Rom.* 338; *Свод I. С.* 110–111, 127). Но он явно отражает более раннюю ситуацию, поскольку анты в 550 г. не являлись врагами империи; «свиристествовали всюду», как сказано в «Гетике», тогда только словене (нашествие 550–551 гг.).

Помимо уже приведенного известия Мараши, это еще одно его же сообщение (*Дорн. С. 37*) — «русы, хазары и славяне» (русы здесь, как и у ряд других авторов, появились в результате неудачного толкования кавказского этнонима «лазы», что явствует из арабского перевода жития св. Григория Просветителя — см.: *Агатангелос. История Армении. Ереван, 2004. С. 302*); известие Ибн Исфендияра (*Новосельцев А.П. Восточные источники о славянах и Руси в VI–IX вв. // Новосельцев А.П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 362*) — «хазары и славяне». Оба упоминания носят обобщенный географический характер и не связаны непосредственно с какими-либо конкретными фактами славянской истории, хотя и приурочены к событиям истории иранской. То же самое относится и к упоминанию славян у историка XI в. Балами в перечислении народов, покоренных Сасанидами (*Новосельцев. 1965. С. 362*).

Посредническую роль болгар при получении славянами сведений о тогдашнем «цивилизованном мире» характеризует, возможно, заимствование у них праславянского слова *kъnĭga, «книга» (заимствованного и самими болгарами в Закавказье — см.: ЭССЯ. Вып. 13. С. 203–204).

Как видим, нет существенных доказательств тому, что славяне были так или иначе «втянуты» гуннами в военные действия против империи (*Погодин А.Л.* Лекции по славянским древностям. Харьков, 1910. С. 366; *Bury I.B.* A history of the later Roman Empire. L., 1931. Vol. 2. P. 297; более корректен А.Н. Анфертьев, полагающий, что словен «вовлекли» анты и болгары — Свод I. С. 135). Изредка встречавшийся тезис о том, что жестокости славян в пределах империи вызваны неким гуннским влиянием, основан на околоисторических мифах о «кротких» земледельцах и «кровожадных» кочевниках и не может приниматься всерьез. Подобные представления о характерах народов мы встречаем в VI в. у Псевдо-Кесария — но он как раз словен полагает образцом свирепости!

ЭССЯ. Вып. 8. С. 163.

О мифологическом образе реки Дунай у славян см.: *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Дунай // Славянская мифология. С. 169–171.

К анализу привлекаются в первую очередь наиболее полные и одновременно архаичные по содержанию варианты былины — вариант из сборника Кирши Данилова (КД, № 6), ранний западноонежский вариант (Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М. — Л., 1950. Т. 2. № 91), мезенский вариант (Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901. № 51). Другие пять вариантов былины значительно уступают названным. Одни чрезвычайно фрагментарны (восточноонежские варианты — *Гильфердинг*. 1949. Т. 1. № 15; Онежские былины. М., 1948. № 76; печорский вариант — Свод русского фольклора. Былины. Т. 1 (Былины Печоры 1). М., 2001. № 1), другие носят характер вторичных компиляций или личного творчества (Русские эпические песни Карелии. Петрозаводск, 1981. № 5; особенно же вариант известной сказительницы М.С. Крюковой, самый объемный из всех, — Былины М.С. Крюковой. Т. 1. М., 1939. № 39).

Здесь и далее без специальных оговорок цитируется вариант КД
№ 6.

Оно сохранилось несколько в иной форме («А и на святой у нас да на Русеюшке/ Да князей-царей не бьют — не казнят, / А пришлось тебе до смерти лежать») и в восточноонежском варианте (ОБ № 76).

Proc. DA. IV. 1: 6–7; Свод I. С. 206–207.

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 28; Свод I. С. 184–185.

Более «реалистично» в позднем западноонежском варианте (РЭПК № 5): «Они завоевали на каждого по девять коровушек».

См.: Marc. Chr. A. 512; Io. Mai. Chr. 402.3-^{103.3}.

Федоров — Полевой. 1973. С. 293–294.

Marc. Chr. A. 517; Свод I. С. 241.

Ср.: *Stein E.* Histoire du Bas-Empire. Paris — Bruxelles — Amsterdam, 1959. Vol. 2. P. 106. Считать этих «гетов» Марцеллина германцами или полугерманцами (ср.: Свод I. С. 241) не представляется вероятным. Что это могло быть за германское племя? Откуда оно взялось в Македонии, в удалении от северо-западной границы? На эти вопросы ответа нет. Л. Нидерле без учета того, что речь шла о «всадниках», имея в виду только известие Феофилакта Самокатгы о «гетах»-словенах, увидел в Марцеллиновых «варварах» именно словен («славян»): *Нидерле* 2000. С. 56, 477 (Примеч. 47).

Marc. Chr. A. 517.

Proc. DA. IV. 7: 13, 17; Свод I. С. 206–207. Применительно к Адине историк сообщает о «постоянных» засадах, применительно к Улмитону — о засадах «на протяжении времени». Речь явно идет о периоде, еще предшествующем собственному правлению Юстиниана (ср. комментарий к данному известию — Свод I. С. 247, где пребывание славян в Добрудже возводится к временам восстания Виталиана).

Более точны по сравнению со Сводом I (с. 203) перевод этой фантастической цифры, обозначающей лишь «очень много»; так переведено в кн.: *Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история*. М., 1993 (пер. А.А. Чекаловой).

Proc. Hist arc. XVIII. 20; Свод I. С. 202–203. В «Тайной истории» Прокопий полагает, что Юстиниан «воспринял власть» уже с началом правления Юстина — см., напр., VI. 26.

Если понимать их буквально, то империя только на Балканах теряла более 200 тысяч граждан почти каждый год в течение 33 лет с восшествия на престол Юстина до завершения «Тайной истории»: это дает около 7 миллионов при общей численности населения порядка 20–30 миллионов! — см.: Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л., 1986. С. 144; *Большаков О.Г.* История Халифата. Т. 1. М., 1989. С. 226; История Европы. Т. 2. С. 37 (все коренное население Балкан оценивается здесь А.Я. Шевеленко на уровне 2 миллионов). Конечно, поработенных иногда выкупали, но даже с учетом этого заявление Прокопия выглядит несправедливым преувеличением потерь с целью дискредитировать императора.

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 29; Свод I. С. 185–186.

Гипотеза О.Н. Трубачева — см.: ЭССЯ. Вып. 8. С. 241 (в связи с опровержением теории А. Брюкнера, К. Цойсса и др. о славянском этнониме «споры» от *Spali* Плиния; *греч.* *σποροι* обозначает «потомки»). Сам Прокопий связывает *Σποροι* со *σποράδην* «рассеянно». Таким образом, вопреки Л.А. Гиндину и В.Л. Цымбурскому (Свод I. С. 229–230), утверждающим на этом же основании обратное, Прокопий как раз ясно сознавал, что термин является греческим, и сомневался лишь в его точном значении и происхождении. Не имеет смысла останавливаться на фантастических, хотя и принадлежавших известнейшим специалистам, интерпретациях этнонима, связанных с сербами (только на основании близкого набора согласных?) (П. Шафарик, И. Маркварт) или с асфалами (кочевым племенем, известным Константину Багрянородному в X в.!) (Г. Вернадский) — см. о них; Свод I. С. 230.

Впрочем, и это в «Тайной истории» он исхитряется поставить Юстиниану в вину: никому из «варваров» «не довелось невредимыми удалиться из земли ромеев — ведь и во время вторжений и гораздо больше еще в осадах и схватках, наталкивающихся на часто сопротивление, истреблено было одновременно ничуть не меньше». Так-то, дескать, и они (а не только ромеи) удовлетворяли Юстинианову жажду крови! — делает неожиданный вывод памфлетист (Hist. arc. XVIII. 25–27; Свод I. С. 204–205; *Прокопий*. 1993. С. 372).

Proc. Bell. Goth. VII. 40: 5–7; Свод I. С. 196–197. Дата события неизвестна (см. там же: С. 242). Ошибочное отнесение в ряде публикаций и исследований (см., например, перевод соответствующего фрагмента ВГ С.П. Кондратьевым — поел, изд.: *Прокопий Кесарийский. Война с готами*. М., 1996. С. 326) описанных событий к 527 г. основано, как убедительно показывают комментаторы Свода I (С. 240–241), на двойной ошибке в интерпретации. Речь шла не о моменте овладения царством нынешним государем (в 527 г.), а о периоде владения прежним (518–527); и следовательно, чтение всех рукописей Ιουστινοῦς (не Ιουστινιανουῦς, как сочли возможным поправлять издатели начиная с К. Мальтре) совершенно оправдано. Герман же был племянником Юстина, а не Юстиниана (в *Iord. Get.* 314; *Rom.* 77, 123, 138 он *fratri*, «брат» Юстиниана; в *Get.* 81, 251 он *fratruelis*, но это может свидетельствовать лишь о неосведомленности автора, исправленной к концу «Гетики» и в «Романе» — если Герман Аниций и племянник Петра Флавия Саббатия Юстиниана, то не по отцу; у Прокопия Герман — ἀνεψιουῦς, «кузен» Юстиниана, а Юстин — θεῖουῦς, «дядя» Германа).

См. карту: *Седов*. 1982. С. 20.

Там же. С. 30. См. еще: Там же. С. 26.

Седов. 1982. С. 12. Дома с четырехскатной крышей и столбом в Бранештах XIII и Одае (с. 22) не вполне соответствуют колочинскому типу, имеющему в центре и очаг. Возможно, здесь, как и на поселении Луг-1 (с. 22, 24), отражается кочевническое влияние.

Седов. 1982. С. 24.

Там же. 1982. С. 22, 24.

Proc. Bell. Goth. VII. 14:21, 31–34; Свод I. С. 182–187. Почему-то стало почти аксиомой толкование этого эпизода применительно только к небольшой части антов, жившей у устья Дуная. Между тем Прокопий прекрасно знал и о рассеянности антов, и о делении их на «бесчисленные племена», но в данном случае ясно говорит об участии «почти всех антов». И Юстиниан в данном эпизоде явно заключает договор со «всеми антами», во всяком случае ни о каких конкретных конфликтах никаких антов с империей после 545 г. не упоминается. Тем не менее и отмечающие это исследователи склонны говорить только о приграничных антах (ср.: *Дуйчев И.* Нападение и заселение на славянские Балканский полуостров // Военно-исторический сборник. София, 1977. Т. 26. № 1. С. 73; *Иванова О.В., Литаврин Г.Г.* Славяне и Византия. С. 46 и след.).

Proc. Bell. Goth. VIII. 4: 9; Свод I. С. 200–201.

Легенды и паданни. Текст № 97 («Вековечная межа»).

См.: *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976.

См. формы в ЭССЯ.

Гаркави. С. 135–136, 138.

О характере летописного «князь Мал» (в статье Начальной летописи и Повести временных лет 6453/945 г. — см.: ПСРЛ. Т. 1, 2, 3 и др.) как титула свидетельствует произведенное от его женской формы (Мала) название города Малин. Городище Малин относится к IX в. (Седов. 1982. С. 90), то есть основано за столетие до летописного Мала. Характерно также, что Мал отсутствует среди личных имен князей, заключивших в предшествующем (по Повести временных лет) году договор с Византией.

Dvomik F. The making of Central and Eastern Europe. L., 1949. P. 283.

Г.В. Вернадский в одной из работ возводит Μουσώκιοζ к осетинскому *musaeg*, «хитрец» (*Vernadsky G. The origins of Russia. Oxf., 1959. P. 82*). Часто менявшиеся и спорные построения Г.В. Вернадского обычно вызывают у лингвистов сомнения, но в данном случае ни одного более убедительного объяснения для греческой или арабской (явно искаженной) формы не предложено. Значение «хитрец» можно было бы связать с мифом о Радаре, победившем Змея хитростью.

Судя по монетной находке; однако это может быть и монета Юстиниана (*Седов*. 1982. С. 16).

Седов. 1982. С. 14.

Там же. С. 14, 16.

См. карту: *Седов*. 1982. С. 13.

Назаренко. 1993. С. 14–15, 45 (сопоставлены на основе этимологической идеи С. Роспонда о неславянском характере форманта -ol- с волынскими и чешскими лучанами). С учетом локализации луколан скорее на западе отождествление их с уличами-угличами на Нижнем Днепре (*Rudnicki M. Geograf Babvarski w oswetleniu językoznawczym // Z polskich studiów sławistycznych. Warszawa, 1958. S. 190*) кажется неудачным. Совершенно фантастической в контексте конкретных сведений «Баварского географа» выглядит сейчас высказанная в «Славянских древностях» идея П. Шафарика, искавшего «лукомлян» в окрестностях Витебска, в древней земле полочан.

Повесть временных лет: «А другие [нареклись] деревлянами, ибо сидели в лесах» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6; Т. 2. Стб. 5). Здесь древляне названы первыми из расселившихся племен после киевских полян. Последним отдал первое место автор летописного введения Нестор — убежденный патриот Киева. У «Баварского географа» древлянам, по мнению М. Рудницкого (*Rudnicki*. 1958. S. 197), соответствуют в том же перечне восточнославянских племен *Forsderen liudi*. По мнению целого ряда авторов, здесь соединение славянского или германского *liudi* и определения, производного от древневерхненемецкого *foristari*, «лесной». Возражения см.: *Назаренко*. 1993. С. 43 (никакой альтернативы автор не предлагает).

Гипотеза П. Шафарика, с которой склонен согласиться и А.В. Назаренко (*Назаренко. 1993. С. 45*).

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6; Т. 2. Стб. 5.

Фасмер. Т. 1. С. 536–537.

Более вероятно первое (ср.: ЭССЯ. Вып. 1. С. 192 — однако здесь предполагается скорее иноязычное происхождение основы).

Ср.: *Витчак К. Т.* Из проблематики древних славянских племен. 1. Этноним *Fresiti* у «Баварского географа» и его локализация // *Этимология* 1989–1990. М., 1993. То же сопоставление, но в более осторожной форме см.: *Назаренко*. 1993. С. 44.

Легенды и паданни. Текст № 95 («Палешуки и полевики»). Здесь две группы первых поселенцев-славян отождествлены с двумя этнографическими группами белорусов. Предание записано в 20-х гг. нашего века и является одним из ярких свидетельств долгого бытования архаического фольклора в белорусской деревне.

Во вводной части Повести временных лет поляне с очевидностью приходят к Киеву с запада. См. еще: Легенди та перекази. Киев, 1985. С. 94 (предания о происхождении названия Киева — в обоих оно связано с движением по «Руси» в район стоящего на правом, западном берегу Днепра города).

Текст «Основание Киева» в кн.: Легенди та перкази. С. 94. Здесь костер из «киев», горевший много дней и давший якобы имя Киеву, зажжен в честь победы над врагом (см. другой вариант там же).

Повесть временных лет, 6402 г. (См.: ПСРЛ. Т. 1, 2, 38 и др.) Во вводной части приход полян в Поднепровье упоминается без этимологии их названия. Еще до них, впрочем, названы ляшские поляне.

Седов. 1982. С. 112.

ПСРЛ. Т. 3 (Новгородская первая летопись младшего извода), 6362 г. (перевод в изд.: Начальная летопись): «Жили каждый с родом своим по своим местам и странам, владея каждый родом своим». Во вводной части Повести временных лет утверждение об «особом» проживании Полянских «родов» повторяется рефреном. Но при этом подчеркивается, что название «поляне» (вопреки Начальном летописцу) существовало еще до того, как «роды» сплотились вокруг легендарных основателей Киева.

Трубачев О.Н. О племенном названии «уличи» // Вопросы славянского языкознания. М., 1961. Вып. 5; *Седов*. 1982. С. 130–131.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6; Т. 2. Стб. 5.

См. карты: *Седов*. 1982. С. 20, 31.

Там же. С. 30 (находка жилища колочинского типа).

Там же. С. 29–33, 39–40.

445

Там же. С. 40.

Там же. С. 39-40.

Proc. Bell. Goth. VIII. 4: 8–9; Свод I. С. 200–201.

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 2; Свод I. С. 180–181.

Marc. Chr.A. 530.

Proc. DA. IV. 7: 18; Свод I. С. 206–207.

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 1; Свод I. С. 178–179. Хильбуд был, вероятнее всего, германцем по происхождению. Имя его германское (*Struminskyj B.* Were the Antes Eastern Slavs? // *Harvard Ukrainian Studies.* 1979–1980. Vol. 3–4. P. 790–791). Мнение о славянском (антском) происхождении Хильбуда (*Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 93; *Литаврин Г.Г.* О двух Хилбудах Прокопия Кесарийского // *Византийский временник.* 1986. Т. 47; *Толочко П.П.* Древняя Русь. Киев, 1987. С. 15–16) и славянской этимологии его имени (*ЭССЯ.* Вып. 8. С. 119) основано, по сути, только на совпадении этого имени с именем антского юноши Хильбуда. Б.А. Рыбаков и П.П. Толочко склонялись к отождествлению двух Хильбудов. Между тем из нашего единственного источника — рассказа Прокопия ясно, что ромейский полководец Хильбуд как раз не был антом. Когда ант Хильбуд сообщает выкупившему его как ромейского военачальника анту о своем антском происхождении, это явно становится для господина крайней неожиданностью, более того, разбивает его надежды на то, что перед ним искомое лицо (*Proc. Bell. Goth.* VII. 14: 18–20; Свод I. С. 182–183). Итак, кем бы ни был по происхождению стратиг Хильбуд, Прокопий ясно дает понять одно — антом он точно не был.

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 2–3; Свод I. С. 180–181.

Proc. DA. IV. 7: 13, 17; Свод I. С. 206–207.

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 3; Свод I. С. 180–181.

Свод I. С. 260–264. Первое упоминание титула относится к 533 г. Это первый из череды титулов, принятых Юстинианом в честь побед над «варварскими» племенами.

Прокопий говорит только о задунайских «варварах» (Bell. Goth. V. 27: 2; Свод I. С. 176/177), но он, судя по всему, вообще не знал о продолжающемся жительстве славян в Скифии.

Отец и сын упоминаются как полководцы во время войны с персами 550-х гг. (Agath. Hist. III. 6: 9; 7: 2; 21: 6, 8; IV. 18: 1, 3; Свод I. С. 293–296). Время натурализации Дабрагеза устанавливается на основе данных о его сыне (Свод I. С. 308).

Proc. Bell. Vand. III. 11:6 (см. Прокопий 1993); *Bell. Goth.* V. 24:18–20; 27:1–3; Свод I. С. 1 74–177. Прокопий говорит о «гуннах, склавинах и антах», но роль словен в этом конном отряде, очевидно, была совсем невелика. Во всяком случае, в 539 г. Валериан говорит командующему Велисариию лишь о «некоторых» словенах в своем отряде (*Proc. Bell. Goth.* VI. 26.; Свод I. С. 176–177).

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 4–6; Свод I. С. 180–181.

Вторжение 535 г.: Marc. Chr. A. 535. Вторжения болгар происходили и позже — в 535, в 540 г.

Свод II. С. 63 («Берберы, Анты и остальные племена — что я им сделал?!»). Берберы активизировались в Ливии после 534 г.; о набегах антов на империю неизвестно после 545 г. Глосса, очевидно, восходит именно к этому временному промежутку, но до того момента, когда в главную угрозу на Балканах превратились словене.

Свод I. С. 216–217 (по данным новелл императора Юстиниана). В большинстве случаев с мнением комментаторов, что речь идет о славянских набегах, и следует согласиться.

Свод II. С. 184 («Луг духовный» — собрание житий святых Иоанна Мосха; жития отшельников св. Давида и св. Адола). Преподобный Давид Солунский скончался ок. 540 г. (день памяти 26 июня). В житие св. Адола известие о набеге «варваров» попало из-за и следующего эпизода: «Случилось им миновать это место, и один из варваров, увидев старца, который выглядывал [из дупла], выхватил меч и, протянув руку, чтобы ударить его, остался с протянутой и неподвижной рукой».

Учитывая невозможность идентификации «варваров» с болгарами, о ходе нашествий которых в этот период мы достаточно осведомлены, считаем возможным отчасти согласиться с мнением В. Тыпковой-Заимовой (*Тыпкова-Заимова В.* Нападения «варваров» на окрестности Солуни в первой половине VI в // *Византийский временник.* 1959. Т. 16) об их славянском происхождении. Вместе с тем наиболее вероятно, что «варвары», как и напавшие на соседние земли в 517 г. «геты», являлись антами.

Видимо, именно так и следует понимать туманную фразу Прокопия (*Proc. Bell. Goth.* VIII. 38: 7–8; Свод I. С. 192–193).

В связи с умением словен захватывать врага из засады (эпизод 539 г., когда силач-словенин из отряда Валериана захватил готского «языка»), Прокопий сообщает: «Вблизи реки Истра, где они обретаются, они постоянно выказывают это в отношении как ромеев, так и других варваров» (Bell. Goth. VI. 26: 19; Свод I. С. 176–177).

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 7; Свод I. С. 180–181.

Proc. Bell. Goth. V. 27:2; *Hist. arc.* XVIII. 20; XXIII. 6 (?); Свод I. С. 176–177, 202–205. Ср. еще перечень враждебных племен: «мидийцы, и сарацины, и склавины, и анты» — *Proc. Host. arc.* XI. 10; Свод I. С. 202–203.

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 11; Свод I. С. 180–181.

Свод I. С. 217 (новелла Юстиниана от 9 мая).

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 16; Свод I. С. 182–183.

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 12–36; Свод I. С. 180–187.

Туррис более нигде не упомянут, и местонахождение его совершенно загадочно. Отождествление этого построенного, по словам Прокопия, императором Траяном города с античной Тирой (*Вернадский Г.В.* Древняя Русь. Тверь — М., 2000. С. 187) едва ли вероятно. О других вариантах см.: *Bolşakov-Ghimpu A.* La localisation de la forteresse Turris // *Revue des etudes balcaniques*. Beogr., 1969. Т. 7, № 4.

Надгробие «Хиливудиса, сына Санватия» датируется 7 индикта. Позже под той же плитой похоронена его жена (Свод I. С. 232). Если это ант Хильбуд, то женился он в Константинополе, но неясно, был ли он крещен.

Proc. Bell. Goth. VII. 12: 10; 13: 20; 18: 29; 22: 1–6, 20–22; 26: 1–8, 15–28; *Marc. Chr. A.* 547.

Proc. Hist. arc. XVIII. 25; *DA.* IV. 1:5; Свод I. С. 204–205; сюда же можно отнести и фрагмент Псевдо-Кесария (Свод I. С. 254). Словене без антов названы и в перечне задунайских «язычников» из грузинского перевода «Мученичества Орентия и его братьев». Этот перечень включает «скифов» (древнейший, восходящий к началу IV в., когда происходит действие жития, компонент; тогда так называли готов, а в VI в. — болгар), гепидов и мавританов (см.: Свод II. С. 514–516). Попавшие сюда из-за географической неосведомленности авторы берберы («мавританы») позволяют отнести перечень ко времени после 534 г., а упоминание гепидов — до 567 г. (падение их королевства).

Proc. Bell. Goth. VII. 13: 21–25; Свод I. С. 178–179.

Proc. Bell. Goth. VII. 29: 1–3; VIII. 38: 7–8; Свод I. С. 188–189; 192–193.

Proc. Bell. Goth. VII. 35: 12–22; Свод I. С. 188–191.

Pme. Bell. Goth. VII. 40: 32; Свод I. С. 196–197. Прокопий, неприязненно относившийся к политике Юстиниана и винивший его во всех бедах страны, не склонен доверять сведениям об интригах Тотилы.

Proc. Bell. Goth. VII. 38: 1–6; Свод I. С. 190–191.

Proc. Bell. Goth. VII. 38: 7, 19–22; Свод I. С. 192–195. Прокопий полагает, что «варвары» сжигали тех быков и овец, «которых не могли угнать», но, видимо, он не прав. В обряде «обагрения оружия» уничтожалась просто вся первая добыча.

Свод I. С. 254.

Proc. Bell. Goth. VII. 38: 7, 9, 19, 23; Свод I. С. 192–195.

Proc. Bell. Goth. VII. 38: 9–18; *DA.* IV. 11: 14–15; *Свод I.* C. 192–193, 206–207.

Proc. Bell. Goth. VII. 38: 7, 23; Свод I. С. 192–195.

Proc. Bell. Goth. VII. 39: 18–20; Свод I. С. 194–195. Для вторгшихся чуть позже словен оказалось неожиданностью пребывание Германа в Сардике (*Proc. Bell. Goth.* VII. 40:4). Но из контекста и следует, что они были осведомлены о факте сбора им войск для похода в Италию. Надо думать, что, перейдя Дунай чуть позднее, они просто не рассчитывали наткнуться на ромейского полководца на своем пути. Чуть ранее говорится, что Герман уже должен был отбывать в Италию, но был задержан как раз словенским вторжением.

Proc. Bell. Goth. VII. 40: 1–8; Свод I. С. 194–197.

Proc. Bell. Goth. VII. 40: 30–33; Свод I. С. 196–197.

Proc. Bell. Goth. VII. 40: 34–45; Свод I. С. 196–199.

Proc. Bell. Goth. VII. 38: 23; 40:45; Свод I. С. 194–195, 198–199.

Proc. Bell. Goth. VIII. 25: 1; Свод I. С. 200–201. См.; Свод I. С. 245–246. Примеч. 207.

Proc. Bell. Goth. VIII. 25: 1–6; Свод I. С. 200–201.

Шмидт Е.А. Особенности формирования культуры восточнославянского племени кривичей // *Actes du VII Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques*. Praha, 1971; *Седов В.В.* Длинные курганы кривичей. М., 1974. Ряд исследователей считал создателей длинных курганов западными финнами: *Ляпушкин И.И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. М., 1968. С. 91 и след.; *Лаул С.К.* Об этнической принадлежности курганов юго-восточной Эстонии // *Известия АН ЭССР. Общественные науки*. № 3. 1971; *Булкин В.А., Дубов Н.В., Лебедев Г.С.* Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978. С. 21 и след. Контраргументацию см.: *Седов*. 1974. С. 36–41; *Седов*. 1982. С. 54–56. Совпадение ареала длинных курганов с регионом расселения кривичей само по себе делает маловероятной разноэтничность культуры (скажем, отнесение курганов Псковской земли «чуди», а смоленско-полоцких восточным балтам). Единственным известным общим этническим компонентом на этой территории являлись именно славяне-кривичи.

Седов. 2002. С. 359.

Приводилась лингвистическая аргументация, указывающая на близость древнепсковского диалекта к западнославянским языкам (*Мжельская О.С.* О лексических связях польских говоров с западными славянскими языками // Вестник ЛГУ. 1963. № 14. Серия истории, языка и литературы. Вып. 3; *Смолицкая Г.П.* Некоторые лексические ареалы. По данным гидронимии // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974; см. еще: Славянские языки 2005. С. 20). Это может указывать на исход из западного, пшеворского ареала.

ПСРЛ. Т. 1. Смб. 6; Т. 2. Стб. 5.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 10 (ср.: Т. 38. С. 13); Т. 2. *Смб.* 8.

Устюжский свод, отражающий Смоленскую летопись: ПСРЛ. Т. 37.6371 г. (известие о том, что Изборск «был в Кривичах большой город»); Седов. 1982. С. 46 и след.

Седов. 1982. С. 40.

Там же. С. 40.

Там же. С. 36, 40.

Там же. С. 36, 40 (угловые печи-каменки в наземных домах наряду с центровыми очагами в других; до трети строений — славянские полуземлянки).

Там же. С. 40.

Там же. С. 56.

Там же. С. 58.

Курганы Жеребятино, Светлые Вешки, Арнико (Седов. 1982. С. 51, 85), Линдора (С. 52).

В Замошье найдено захоронение по архаичному, предшествовавшему длинным курганам обряду (*Седов*. 1982. С. 53). То же в Варшавском Шлюзе (*Седов*. 1995. С. 213; о радиоуглеродной дате здешнего поселения сказано выше). Радиоуглеродная дата кургана из Усть-Белой — 490 ± 30 (*Седов*. 1995. С. 214).

Судя по характеру жилищ и вещевых находок (см.: *Седов*. 1982. С. 57).

Седов. 1982. С. 50–51, 54–55.

См.: *Седов*. 1982. С. 53; Этнография восточных славян. С. 22.

См.: Славянская мифология. С. 326 («Прове»); ср.: С. 234 («Крив»).

Легенды и паданни. Текст № 94.

Романов Е.Р. Белорусский сборник. Витебск, 1891. Вып. 4. Текст № 33.

Легенды и паданни. Текст № 294.

Миллер В.Ф. По поводу одного литовского предания // Древности.
Труды Московского археологического общества. 1880. Т. 8.

Saxo Grammaticus. Gesta Danorum. Havniae, 1837. P. 126–132.
Источником для Саксона послужил, очевидно, кто-то из окружения Софии Русской — минской княжны, ставшей королевой Дании в третьей четверти XII в.

Керамика и вещи прибалтийско-финского происхождения обнаружены в большом числе не только на Псковском городище, но в погребениях в длинных курганах: *Седов*. 1982. С. 50–51, 57. Балтское влияние проявляется, прежде всего, в находках тушемлинской посуды в славянских домах, изредка в длинных курганах (*Седов*. 1982. С. 40, 51, 57–58).

Седов. 1982. С. 40, 50–51, 55, 57.

Там же. С. 40, 57–58.

Там же. С. 51, 237, 275.

Там же. С. 40.

Там же.. С. 46.

Ср.: Седов. 1982. С. 53; Носов Е.Н. К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 179. 1984.

Седов. 1982. С. 50.

Там же. С. 49–50; *Седов*. 1995. С. 217.

Там же. С. 50, 243.

Iord. Get. 119; Свод I. С. 110–111. Недвусмысленность показаний Иордана признает в данном случае и А.Н. Анфертьев, скептически относящийся к славянству венедов (Свод I. С. 154. Примеч. 201 — см. там же дополнение Л.А. Гиндина и Ф.В. Шелова-Коведяева, которые, кажется, склонны видеть в венедах Иордана, в отличие от венедов античных авторов, некую историческую реальность). В.Д. Королюк («Вместо городов у них болота и леса...» // Вопросы истории. 1973. № 12) предлагал считать текст Иордана туманным, а по сути, сообщающим и здесь (как в Get. 34) лишь о том, что от венедов произошли словене и анты.

См.: Die Slawen in Deutschland. Berlin, 1973. S. 21.

См.: *Кухаренко*. 1969. С. 128; *Седов*. 1982. С. 10.

См.: *Седов*. 1982. С. 7–8.

Кухаренко. 1969. С. 121.

Седов. 1995. С. 46; Седов. 2002. С. 328–329.